

ADMINISTRATĪVĀ UN KRIMINĀLĀ JUSTĪCIJA

APRĪLIS
MAIJS /2019
JŪNIJS

Nr. 2 (87)

Print ISSN 1407-2971
Online ISSN 2592-8422

Baltijas Starptautiskās
akadēmijas un Rēzeknes
Tehnoloģiju akadēmijas
zinātniski teorētisks žurnāls

Galvenais redaktors
Dr.iur. Dainis Mežulis

Redakcijas kolēģija
Dr.iur. Petrus C.van Duyn (Nīderlande)
Dr.habil.iur. Viktors Justickis (Lietuva)
Dr.iur. Larisa Beļajeva (Krievija)
Jur.zin.kand. Vladimirs Rudņevs (Krievija)
Dr.phil. Dilip K. Das (ASV)
Dr.iur. Risto Pullats (Igaunija)
Ph.D. Cveta Markova (Bulgārija)
Dr.iur. Gedimīns Buciuņas (Lietuva)
Dr.iur. Sandra Kaija (Latvija)
Dr.iur. Ārija Meikališa (Latvija)
Dr.iur. Vitolds Zahars (Latvija)
Dr.habil.iur. Osvalds Joksts (Latvija)
Dr.iur. Aivars Endziņš (Latvija)
Dr.iur. Jānis Načisčionis (Latvija)
Dr.iur. Jānis Baumanis (Latvija)
Dr.iur. Ivars Kronis (Latvija)
Dr.iur. Ilona Bulgakova (Latvija)
Dr.iur. Artūrs Gaveika (Latvija)
Dr.habil.phil. Ivans Vedins (Latvija)
Dr.philol. Jelena Bescennaja (Latvija)
Vāka autore Anita Dimante
Redkolēģijas sekretāre Jelena Bescennaja
Angļu valodas redaktore Māriete Opincāne

**Baltijas Starptautiskās akadēmijas
un Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas
izdevums**
Reģ.apl. Nr.000702194
Mūsu adrese
Lomonosova iela 4, Rīga, Latvija, LV-1019
e-pasts: justicija@bsa.edu.lv
Tālr./fakss: 67100242

Izgatavots: SIA "Elektrokomfort R",
"Atdrukys studēja"
Krasta iela 31, Rēzekne

Visi raksti ir recenzēti atbilstoši Latvijas
Zinātnes padomes prasībām.
Rezenzijas ir pieejamas žurnāla redakcijā.

Žurnālā publicēti Baltijas Starptautiskās akadēmijas
2019. gada 25. aprīļa starptautiskās zinātniski praktiskās
konferences "ZINĀTNE. TIESĪBAS. STABILITĀTE. Tiesību
modernizācijas mūsdienu tendences" materiāli

SATURS

Kriminālistikas un operatīvās darbības teorijas apakšnozare

L. Makans

Daži operatīvās darbības procesa optimizācijas aspekti 4

I. Vereņičs

Pretdarbības noziedzīga nodarījuma izmeklēšanai pārvarēšanas
un neitralizēšanas kriminālistiskā izpratne 16

Krimināltiesību apakšnozare

M. Sumbarova

Apsūdzības tiesā aktuālie jautājumi Latvijas kriminālprocesā 23

S. Ribak

Teroristisku noziegumu juridiskā izpratne un to novēršanas
starptautiskie tiesiskie instrumenti 32

J. Kāršenieks

Informācijas par personas sodāmību krimināllietās apstrāde
izmeklēšanas vajadzībām 43

A. Dedkovskis

Krimināltiesību modernizācijas tendences narkonoziedzības
novēršanai 55

Kriminoloģijas apakšnozare

A. Kipāne

Jaunatnes noziedzības Latvijā kriminoloģiskās tendences 71

D. B. Gratkovskis

Identifikācijas teorija un tās nozīme atdarināšanas noziegumos 96

Valsts tiesību apakšnozare

A. Mota

Nelegālās migrācijas ierobežošana Ukrainas robezsardzes
dienesta darbā 108

I. Cvetkova

Vekseļu termināls kā azartspēļu legalizēšanas veids Krievijā 127

S. Kaļiņina

Vienotu procedūru izstrāde kredītiestāžu izmantošanas
novēršanai noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijai un terorisma
finansēšanai 141

Latvijas Zinātnes padomes lēmums Nr. 1-2-1
Rīgā, 2007.gada 23.janvārī

Latvijas Zinātnes padome, pamatojoties uz Latvijas Republikas „Zinātniskās darbības likumu” (19.05.2005.) un
„Latvijas Zinātnes padomes nolikumu” (LR MK Noteikumi Nr. 383, 09.05.2006.), nolemj iekļaut LZP Vispārtzīto
recenzējamo zinātnisko izdevumu sarakstā žurnāla „Administratīvā un Kriminālā Justīcija”, trīs sadaļas:
krimināltiesības, policijas tiesības, kriminālistika un operatīvās darbības teorija.

Latvijas Zinātnes padomes priekšsēdētājs akadēmiķis **J.Ekmanis**

Autoru viedoklis var nesakrist ar redakcijas kolēģijas viedokli. Par faktu pareizību atbild rakstu autori.

The materials of the Baltic International academy's international scientific practical conference "SCIENCE. RIGHTS. STABILITY. Modern tendencies of rights' modernization" on the 25th of April, 2019 have been published in the journal

CONTENTS

Sub-Branch of Criminalistics and the Theory of Investigation Activities

L. Makans

Some Aspects of the Operational Activities Procedure's Optimization 4

I. Verenich

The Comprehension of Overcoming and neutralizing the Counteraction to the Investigation of Crimes in Criminalistics..... 16

Sub-Branch of Criminal Law

M. Sumbarova

Topical Questions of the Prosecution in Latvian Criminal Procedure in Court..... 23

S. Rybak

The Legal Nature of Crimes in the Sphere of Terrorism and International Legal Instruments to Combat Them..... 32

J. Kāršeniēks

Information Processing on Criminal Convictions of a Person for Investigative Purposes..... 43

A. Dziadkouski

Trends in the modernization of the Criminal Law Response to Drug Crime..... 55

Sub-Branch of Criminology

A. Kipāne

Criminological Tendencies of Youth Crime in Latvia..... 71

D. B. Gratkovskis

Identification Theory and Its Role in Copycat Crimes..... 96

Sub-Branch of State Law

A. Mota

Counteraction to Illegal Migration in the Activities of the Ukraine's State Border Service 108

I. Cvetkova

Promissory Notes' Terminals as a Way of Gambling Legalization in Russia..... 127

S. Kalinina

Development of Unified Procedures for Financial Institutions in Order to Prevent Money Laundering and Terrorism Financing..... 141

В настоящем номере журнала опубликованы материалы
Международной научно-практической конференции
«**НАУКА. ПРАВО. СТАБИЛЬНОСТЬ.**
Современные тенденции модернизации права»,
состоявшейся 25 апреля 2019 года в Балтийской Международной академии, г. Рига

СОДЕРЖАНИЕ

Отрасль криминалистики и теории оперативной деятельности

Л. Маканс

Некоторые аспекты оптимизации оперативно-розыскного процесса..... 4

И. Веренич

Место преодоления и нейтрализации противодействия расследованию
преступлений в криминалистике.....16

Отрасль уголовного права

М. Сумбарова

Актуальные вопросы обвинения в уголовном судебном процессе
Латвии..... 23

С. Рыбак

Правовая природа преступлений в сфере терроризма и международно-
правовые инструменты борьбы с ним.....32

Я. Каршениекс

Обработка информации о судимости лица в целях следствия по
уголовным делам..... 43

А. Дедковский

Тенденции модернизации уголовно-правового противодействия
наркопреступности..... 55

Отрасль криминологии

А. Кипане

Криминологические тенденции молодежной преступности в Латвии.....71

Д. Б. Гратковский

Теория идентификации и ее роль в преступлениях по подражанию.....96

Отрасль государственного права

А. Мота

Противодействие нелегальной миграции в деятельности
Государственной пограничной службы Украины.....108

И. Цветкова

Вексельный терминал как способ легализации азартных игр в России.....127

С. Калинина

Разработка единых процедур по предотвращению использования
кредитных организаций в целях отмывания (легализации) денежных
средств и финансирования терроризма.....141

KRIMINĀLISTIKAS UN OPERATĪVĀS DARBĪBAS TEORIJAS APAKŠNOZARE

DAŽI OPERATĪVĀS DARBĪBAS PROCESA OPTIMIZĀCIJAS ASPEKTI

*Mg. iur. Leonīds Makans,
Biznesa augstskola "Turība", Latvija*

Abstract

The paper deals with the problem of the operational activities measures' use in general and the specific method depending of the stage of the operational activities' procedure. On the basis of the historical and theoretical foundations' study of the operational activity on this issue, and on other countries' experience, as well as the relevant legal acts, a conclusion was drawn on the disproportionate distribution of operational-activities' measures on the investigatory examination and investigatory process's stages. The proposals were made to amend the Operational Activities Law on this issue.

Keywords: Operational Activities' Law, operational-activities' procedure, the stages of operational investigative procedure.

Pirms 25 gadiem stājās spēkā Operatīvās darbības likums¹, kas pirmo reizi Latvijas vēsturē tās iedzīvotājiem ļāva iepazīties ar šāda veida regulējuma tekstu, un uzzināt, kas ir operatīvā darbība, kā tā tiek veikta, tās principiem, saturu un tās veicēju tiesībām un pienākumiem.

Ņemot vērā augstāk minēto, rakstā atspoguļotā pētījuma mērķis ir apkopot dažus operatīvās darbības regulējuma pilnveides aspektus.

Pētījuma objekts ir tiesiskās attiecības, kas rodas operatīvās darbības pasākumu veikšanas gaitā, ievērojot operatīvās darbības mērķus un personu tiesības.

Pētījuma priekšmets ir operatīvās darbības norisi reglamentējošās tiesību normas, doktrīna un prakse šajā jomā.

<http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4297>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Pētījums mērķa sasniegšanai izmantotas šādas zinātniski pētnieciskās metodes: analītiskā metode ir izmantota operatīvās darbības normatīvā regulējuma analizē; induktīvā un deduktīvā metode ir izmantota, izdarot secinājumus par operatīvās darbības regulējumu un tā pilnveides nepieciešamību; vēsturiskās metodes ietvaros noskaidroti regulējuma nepieciešamības un attīstības aspekti. Tāpat izmantota autora personīgā divdesmit gadu pieredze operatīvās darbības praktiskajā pielietojumā un tik pat ilgs darbs operatīvās darbības teorijas studiju kursu docēšanā.

Pētījuma zinātniskā novitāte ir saistīta ar to, ka operatīvās darbības regulējuma teorētiskās nostādnes tiek analizētas kopsakarībā ar operatīvās darbības praktiskajām problēmām noziedzības ierobežošanas un personas tiesību ievērošanas kontekstā, un analīzes rezultātā piedāvātas risinājuma iespējas.

Līdz Operatīvās darbības likuma pieņemšanai šo specifisko valsts institūciju darbību reglamentēja iestāžu pašu izstrādātas slepenas instrukcijas un cits slepens regulējums, kas bija zināms tikai atbilstošiem darbiniekiem.

Vienlaikus jāatzīmē, ka zināšanu operatīvās darbības detaļās nebija ne tikai iedzīvotājiem, bet arī daļai tiesībaizsardzības iestāžu darbinieku, kuriem, neskatoties uz saskarsmi ar noziedzīgo nodarījumu izmeklēšanu, tomēr šis likums bija jaunums un prasīja dziļāku operatīvās darbības jēdziena un satura apguvi un radošu pielietojumu.

Tāpēc operatīvās darbības problemātika izraisīja diskusijas, kas guva atspoguļojumu dažādās publikācijās. Piemēram, asas diskusijas izraisīja publikācija plašsaziņas līdzekļos par to, ka Operatīvās darbības likumu veido padomju laika instrukciju apkopojums², neskatoties uz to, ka Operatīvās darbības likumu 1992.-1993. gadā izstrādāja speciāli tam izveidota darba grupa, kurā ietilpa Saeimas deputāts L. Muciņš, ģenerālprokurors J. Skrastiņš, kā arī Valsts policijas, Drošības policijas un Latvijas Policijas akadēmijas vadošie speciālisti, izmantojot ASV FIB speciālistu konsultācijas³.

Tāpat publikācijās atrodam praktiķu un juristu vērtējumu par iesniegto grozījumu Operatīvās darbības likumā pamatojumu, nepieciešamību un jēgu⁴. Piemēram, nesaprotami un neloģiski grozījumi tika piedāvāti vispārējā veidā veicamo operatīvās darbības pasākumu jomā, proti, paraugu operatīvā iegūšanā un izpētē un personas operatīvā aplūkošanā. Šīs darbības būtu jāveic,

saņemot operatīvās darbības subjekta amatpersonas lēmumu, kuru akceptējis ģenerālprokurors vai viņa speciāli pilnvarots prokurors⁵. Līdzīgi priekšlikumi izvirzīti arī sakarā ar operatīvo apskati un detektīvdarbību⁶. Tikko teiktais liecina par šādu priekšlikumu autoru nezināšanu un neizpratni par operatīvo darbību, jo saskaņā ar šādiem grozījumiem tiktu noteikts, ka ģenerālprokurora vai viņa pilnvarota prokurora akcepts nepieciešams, piemēram, kabatzādzību atklāšanai, ja tiek veikta novērošana dzelzceļa stacijā vai preču apskatei lombardā nolūkā konstatēt vai kāda no precēm ir zagta.

Publikācijās atrodami arī priekšlikumi par Operatīvās darbības likuma 25. panta precizēšanas nepieciešamību, formulējot operatīvās darbības subjektu sistēmu⁷.

Kopumā no Operatīvās darbības likuma stāšanās spēkā līdz šai dienai ir veikti 10 grozījumi, no kuriem pēdējie stājās spēkā 2016. gadā⁸.

Grozījumu galvenais mērķis ir cilvēktiesību ievērošanas garantijas, operatīvās darbības subjektu amatpersonām pielietojot operatīvās darbības pasākumus, kuri noteiktā kārtībā veido trīs stadiju operatīvās darbības procesu⁹, proti, operatīvā izziņa, operatīvā pārbaude un operatīvā izstrāde. Operatīvās darbības likuma 20. pantā operatīvā izziņa definēta kā operatīvās darbības subjektu amatpersonu darbība, lai iegūtu pamatojumu operatīvās pārbaudes vai operatīvās izstrādes uzsākšanai. Savukārt likuma 21. pants nosaka, ka operatīvās darbības subjekts atbilstoši saviem uzdevumiem un savai kompetencei, veicot likumā minētos pasākumus, var izdarīt attiecīgo faktu operatīvo pārbaudi. Likuma 22. pants reglamentē, ka attiecībā uz personām jāuzsāk operatīvā izstrāde, ja operatīvās darbības subjekta rīcībā ir informācija par šīm personām (iegūta arī operatīvās pārbaudes rezultātā) un tā dod pietiekamu pamatu turēt šīs personas aizdomās par sagatavošanos noziegumam vai par noziedzīga nodarījuma izdarīšanu, vai par valsts vai sabiedrības drošības apdraudējumu, vai arī tās tiek meklētas par izdarītu noziedzīgu nodarījumu.

Teiktais ļauj secināt, ka operatīvās darbības process nosaka secīgu tā stadiju maiņu, kurā katra var beigties, uzsākot nākamo. Ja operatīvā izziņa ir minēta kā aplūkojamā procesa pirmā stadija, tad saprotams, ka tajā notiek kaut kādas informācijas ieguve, kuras patiesums jāpārbauda, ko izdara nākamajā stadijā – operatīvajā pārbaudē, savukārt trešajā – operatīvās izstrādes stadijā, tiek vākta informācija, lai atklātu konkrētus noteiktas personas noziedzīgus

nodarījumus.

Salīdzinot analogiskas procesa īpatnības operatīvās darbības un kriminālprocesa stadijās, var izdarīt secinājumu, ka šie procesi zināmā mērā ir līdzīgi. Pirmajā stadijā abos gadījumos tiek vākta informācija, lai noskaidrotu, ir vai nav noziedzīga nodarījuma pazīmes. Otrajā stadijā, vācot papildinformāciju, ir divi uzdevumi: noskaidrot, vai tiešām noticis noziedzīgs nodarījums un kādas personas ar to saistītas. Trešajā stadijā abos procesos tiek noskaidrota konkrētas personas loma un iegūtas ziņas, kas apstiprina vai izslēdz šīs personas vainu¹⁰.

Tomēr, neskatoties uz zināmu līdzību, tāds uzskats ir maldīgs, jo atšķirībā no kriminālprocesuālās darbības, kas reaģē uz kādu jau notikušu policijas konstatētu tiesbāpārkapumu, operatīvā darbība veicama pēc tās subjektu iniciatīvas, negaidot, kamēr kāds paziņos par notikušu noziedzīgu nodarījumu. Līdz ar to operatīvai darbībai ir raksturīga izlūkošanas un prevencijas ievirze.

Operatīvās darbības likumā definētie operatīvās darbības jēdziens un uzdevumi noziedzības apkarošanas jomā akcentē tās preventīvo raksturu: „operatīvā darbība ir ... atklātas un slepenas tiesiskas darbības, kuru mērķis ir aizsargāt ...; nodrošināt ... pret ārējiem un iekšējiem apdraudējumiem”, kā arī „operatīvās darbības uzdevumi ir: personu aizsargāšana pret noziedzīgiem apdraudējumiem; noziegumu profilakse, to novēršana un atklāšana, noziegumu izdarījušo personu un pierādījumu avotu noskaidrošana; to personu meklēšana, kuras likumā noteiktā kārtībā tiek turētas aizdomās, ir apsūdzētas vai notiesātas par nozieguma izdarīšanu; nozieguma rezultātā nodarītā kaitējuma atlīdzināšanas nodrošināšana; bezvēsts pazudušu personu meklēšana”¹¹.

Operatīvās darbības procesa pirmā stadija, proti, operatīvā izziņa vērsta uz to, lai iegūtu pamatojumu operatīvās pārbaudes vai operatīvās izstrādes uzsākšanai, tātad, lai noskaidrotu faktus, kas jāpārbauda attiecīgiem operatīvās darbības subjektiem, ievērojot to darbības uzdevumus un kompetenci, kā arī informāciju par konkrētām personām, kas dod pietiekamu pamatu turēt šīs personas aizdomās par sagatavošanos noziegumam vai par noziedzīga nodarījuma izdarīšanu vai par valsts vai sabiedrības drošības apdraudējumu, vai arī tās tiek meklētas par izdarīto noziedzīgo nodarījumu, lai uzsāktu šo personu operatīvo izstrādi¹².

Jānorāda, ka ne visai precīzi procesam atbilst Operatīvās darbības

likuma 21. pantā definēta operatīvā pārbaude, kas reglamentēta kā operatīvās darbības subjekta uzdevumiem un kompetencei atbilstoša fakta pārbaude. Ar jēdzienu fakts parasti saprot reālu, patiesu notikumu, īstenības parādību¹³, tāpēc rodas jautājums par nepieciešamību pārbaudīt reālus notikumus un reālas parādības.

Operatīvās izziņas stadiju operatīvās darbības teorijā dēvē dažādi – par sākotnējās operatīvi nozīmīgas informācijas ieguvu, pārbaudi un realizāciju¹⁴, operatīvi nozīmīgu objektu, fakta un personu apzināšanu¹⁵, sākotnējo meklēšanas etapu¹⁶. Šai stadijai raksturīga izlūkošanas ievirze, par ko liecina šajā stadijā ietvertie operatīvās darbības pasākumi:

- operatīvā aptauja;
- operatīvā uzziņa;
- operatīvā noskaidrošana;
- operatīvā apskate;
- personas operatīvā aplūkošana;
- operatīvā detektīvdarbība tās vienkāršajā formā – nenodibinot sakarus ar operatīvu interesi izraisošām personām un neiesaistoties noziedzīgajā vidē¹⁷.

Tie ir tipiski informācijas ieguves pasākumi, kuri praktiski neaizskar cilvēktiesību jomu un tiek izmantoti sākotnējās interesi izraisošās informācijas ieguvei un tās atbilstības īstenībai noskaidrošanai.

Sākotnējā operatīvi nozīmīgā informācija ir sociālās informācijas daļa, kas atspoguļo sabiedrībā notiekošos procesus un izmantojama operatīvās darbības mērķu sasniegšanai tāpēc, ka norāda uz noteiktiem sabiedrībā notiekošiem procesiem, parādībām un atsevišķu tās pārstāvju iespējamo saistību ar konkrētu nodarījumu vai noziedzību kā sociālu parādību.

Sākotnējās operatīvi nozīmīgas informācijas ieguves būtība izpaužas operatīvi nozīmīgu objektu diagnosticēšanā starp daudziem analogiem, ārēji līdzīgiem objektiem – saskaņā ar operatīvās darbības prakses kopumu un teorijas atziņām tiek sagatavots operatīvu interesi izraisošu fakta un personu vispārīnātu pamatpazīmju kopuma apraksts – profils, ko operatīvās darbības gaitā salīdzina ar daudzām sabiedrībā notiekošo parādību un personu līdzīgām īpašībām, kurām daudzos gadījumos var nebūt un arī nav saistības ar konkrētiem krimināliem notikumiem¹⁸. Sākotnējā operatīvi nozīmīgā informācija var ietvert neapšaubāmas ziņas par gatavotu,

notiekošu vai notikušu konkrētu noziegumu, noteiktu personu, kura to gatavojas izdarīt, izdara vai jau izdarījusi, tomēr biežāk tā ietver nepilnīgas, pat apšaubāmas ziņas par personām un faktiem, kuras tikai eventuāli norāda uz zināmu noziegumu vai noziedznieku. To nosaka operatīvās darbības specifika. Neiedziļinoties sākotnējās operatīvi nozīmīgās informācijas ticamības apšaubāmības iemeslu iztīrīšanā, pieminēsim galvenos no tiem:

- informācijas avota labticīga maldīšanās vai kļūdaina redzētā, dzirdētā interpretācija;
- informācijas ieguves norise nelabvēlīgos apstākļos, kad uzreiz nav iespējams pārliecināties, vai nav notikusi kļūda, pārskatīšanās vai pārklaušanās;
- iedomātu, loģisku prātojumu gaitā izsecinātu notikumu vai darbību uzdošana par reāli notikušām;
- informācijas apzināta sagrozīšana vai nepatiesas informācijas sniegšana atreibības, mantkārības vai citas ieinteresētības nolūkā;
- informācijas avots var būt psihiski slima persona, bet viņa sniegtās ziņas – slimīgu iedomu un fantāziju auglis;
- informācija var tikt sagrozīta, nevērīgi rīkojoties ar informāciju – neprecīzi fiksējot adreses, vārdus, citus datus, kļūdaini lietojot terminoloģiju u. c.¹⁹

Šo iemeslu dēļ, noskaidrojot jebkuru operatīvu interesi izraisošu sākotnējo informāciju, vienmēr jāpārliecinās par tās atbilstību īstenībai, ikdienas praksē to mēdz dēvēt par pārbaudi.

Bez šādas pārbaudes informāciju nav iespējams novērtēt un izmantot operatīvās darbības mērķu sasniegšanai. Katrā atsevišķā gadījumā, ievērojot konkrētās sākotnējās informācijas saturu, apjomu un tās ieguves avotus un apstākļus, nosakāms veicamo pasākumu klāsts, taktika un metodes, lai iegūtu papildu ziņas, kas ļaus novērtēt informācijas turpmāku izmantošanu.

Piemēram, informācija par izdarītu noziedzīgu nodarījumu jāpārbauda, izbraucot uz notikuma vietu, un jāpārliecinās par to, veicot attiecīgas izmeklēšanas darbības un operatīvās darbības pasākumus, kuru rezultātā noziedzīgā nodarījuma fakts vai nu apstiprināsies, vai arī – nē. Pirmajā gadījumā tiks uzsākts kriminālprocess un sāktas attiecīgas izmeklēšanas darbības, kā arī operatīvās darbības pasākumi nozieguma atklāšanai. Ja noziedzīgo nodarījumu izdarījusī persona sākotnējo izmeklēšanas darbību un operatīvās

darbības pasākumu pielietojuma gaitā netiks noskaidrota, tad par šo faktu jāuzsāk operatīvās pārbaudes lieta vainīgā noskaidrošanai. Ja informācija par noziedzīgo nodarījumu negūs apstiprinājumu, operatīvās darbības process tiks pabeigts. Tā kā iedzīvotāju, valsts un nevalstisko organizāciju iesniegumi par noziedzīgiem nodarījumiem neapšaubāmi ir viens no sākotnējās operatīvi nozīmīgas informācijas avotiem, operatīvās darbības procesa operatīvās pārbaudes stadija galvenokārt domāta izdarītā noziedzīgā nodarījuma subjekta noskaidrošanai, tieši tas ir viens no operatīvās darbības uzdevumiem – “noziedzīgu nodarījumu profilakse, to novēršana un atklāšana, noziedzīgu nodarījumu izdarījušo personu un pierādījumu avotu noskaidrošana”²⁰.

Savukārt, iegūstot informāciju par konkrētām personām, ja šī informācija ļauj pamatoti turēt šīs personas aizdomās par noziedzīga nodarījuma gatavošanu vai izdarīšanu vai par valsts vai sabiedrības drošības apdraudējumu, vai arī tās tiek meklētas par izdarīto noziedzīgo nodarījumu, attiecībā uz šīm personām jāuzsāk operatīvā izstrāde Operatīvās darbības likuma 22. pantā noteiktajā kārtībā.

Analizējot Operatīvās darbības likumā paredzēto operatīvās pārbaudes un izstrādes stadijās pieļauto operatīvās darbības pasākumu klāstu, var secināt, ka atšķirībā no operatīvās izstrādes, kurā var izmantot jebkurus likumā norādītus operatīvās darbības pasākumus un to veikšanas veidus, operatīvajā pārbaudē šis klāsts ir diezgan ierobežots – tajā var veikt tikai jau iepriekš uzskaitītos operatīvās darbības pasākumus, kuri pieļauti operatīvās izziņas stadijā, kā arī Operatīvās darbības likuma 10. pantā paredzēto operatīvo novērošanu (izsekošanu), ja tā nepārsniedz 30 dienas; 15. panta pirmajā un otrajā daļā paredzēto operatīvo eksperimentu un 15¹. pantā paredzētā kontrolēto piegādi.

Loģisks pamats nav saskatāms tam, kāpēc sevišķi smaga nozieguma, piemēram, pasūtījuma slepkavības atklāšanai nepieciešamo operatīvās darbības pasākumu apjomam jābūt mazākam nekā kukuļņēmēja vai narkotiku tirgotāja izstrādei.

Šāda regulējuma cēlonis varētu būt tas, ka, veidojot operatīvās darbības likumu un ieviešot tajā operatīvās darbības procesu, vairāk ņēma paraugam kriminālprocesu, neiedziļinoties operatīvās darbības teorijas atziņās. Līdz Operatīvās darbības likuma pieņemšanai operatīvās darbības procesa jēdzienu nepazina, bet bija zināmas šādas operatīvās darbības formas:

- operatīvi nozīmīgu personu un faktu apzināšana;

- operatīvā noziegumu profilakse.

Operatīvā izstrāde ietvēra:

- pasākumus saistībā ar konkrētu personu, ierosinot operatīvās lietas,
- pasākumus neatklātu nodarījumu atklāšanai, ierosinot operatīvās meklēšanas lietas,
- meklēšanas lietas – personu meklēšanai²¹.

Tādējādi operatīvi nozīmīgu faktu konstatācijas gadījumā darbs turpinājās, lai noskaidrotu personu saistību ar tiem, tātad tika pārbaudīti nevis paši fakti, bet gan versijas par tās vai citas personas saistību ar konkrēto faktu, ko dažkārt profesionālajā žargonā dēvē par “darbu no notikuma uz personu”.

Noskaidrojot personas, kuras izraisa operatīvu interesi, proti, ja sākotnējā informācija ar pietiekami augstu ticamības pakāpi ļauj pamatoti turēt personu aizdomās par sagatavošanos noziegumam vai noziedzīga nodarījuma izdarīšanu vai par valsts vai sabiedrības drošības apdraudējumu, vai arī tās tiek meklētas par izdarīto noziedzīgo nodarījumu, attiecībā uz šīm personām uzsākama operatīvā izstrāde²². Ar operatīvo izstrādi operatīvajā darbībā vienmēr tiek saprasts intensīvs informācijas par izstrādājamo personu ieguves process, lai noskaidrotu latentos noziegumus – “darbs no personas uz notikumu”, kura rezultātā iegūst ziņas un noskaidro pierādījumu avotus par konkrētas personas vai personu grupas iecerētajiem, gatavojamiem vai jau izdarītiem nodarījumiem, gūstot pamatu kriminālprocesa uzsākšanai.

Viena no operatīvās darbības procesa problēmām ir arī jautājums par operatīvās darbības pasākumos iegūto ziņu izmantošanu kriminālprocesā pierādījumu statusā. Šī problēma ir bieži diskutēta un dažādi traktēta²³. Pretruna tiek saskatīta Kriminālprocesa likuma 127. panta trešajā daļā, kur noteikts, ka “Operatīvās darbības pasākumos iegūtās ziņas par faktiem, arī ziņas, kas fiksētas ar tehnisku līdzekļu palīdzību, drīkst izmantot kā pierādījumu tikai tad, ja tās iespējams pārbaudīt šajā likumā noteiktajā procesuālajā kārtībā”²⁴.

Domājams, varētu piekrist L. Matisāna izteiktajam viedoklim par šīs normas nepieciešamību pēc 2005. gada 1. oktobra, kad stājās spēkā Kriminālprocesa likums, kura 11. nodaļā tika iekļautas speciālās izmeklēšanas darbības, kuras pēc to pielietojuma veida ir analogas operatīvās darbības pasākumiem²⁵. Speciālo izmeklēšanas darbību ieviešanas rezultātā nostiprinājās operatīvo

darbību izlūkošanas un preventīvā nozīme, tādejādi akcentējot to subsidāro raksturu kriminālprocesā, proti, noziedzīga nodarījuma subjekta noskaidrošana, kā arī informācijas ieguve par iespējamām pierādījumiem un to ieguves iespējām.

Lai gan kriminālprocesā paredzētās speciālās izmeklēšanas darbības ir analogas operatīvās darbības pasākumiem, tās nebūt neaptver visu operatīvajā darbībā paredzēto pasākumu spektru. Līdztekus kriminālprocesam jāveic operatīvās darbības pasākumi lietās, kurās nav noskaidrota persona, proti, operatīvās pārbaudes kārtībā jānoskaidro eventuali vainīgie, kā un kādus pierādījumus iespējams iegūt un rast pamatu attiecīgo speciālo izmeklēšanas darbību veikšanai. Operatīvās darbības pasākumi vienlaikus jāpielieto ne tikai speciālo izmeklēšanas pasākumu pamata rašanai, bet arī tradicionālo izmeklēšanas darbību sagatavošanai un plānošanai, piemēram, pratināšanai, kratīšanai, aptaujai u. c.²⁶ Savukārt personu izstrādes mērķis ir rast pamatu kriminālprocesa uzsākšanai un tā norises laikā procesa virzītāja uzdevumā veikt iepriekš norādītās darbības. Citi operatīvās izstrādes īstenošanas mērķi var būt noziedzīga nodarījuma pārtraukšana vai izstrādes subjekta aizturēšana notikuma vietā (*in flagrante delicto*).

Ievērojot iepriekš teikto, nākas akcentēt operatīvās darbības procesa operatīvās pārbaudes un izstrādes stadijās pieļauto operatīvās darbības pasākumu apjomu. Jau iepriekš teikts, ka nezināma indivīda izdarītu nodarījumu atklāt nav vieglāk, kā iegūt informāciju par konkrēta indivīda kriminālām aktivitātēm. Domājams, katrs daudz maz pieredzējis praktiķis piekritīs tam, ka operatīvās izstrādes lietu var īstenot, tāpat arī noskaidrot personu, neizmantojot sevišķā veida operatīvos pasākumus.

Secinājumi

Noteiktu operatīvās darbības pasākumu un tā veikšanas veidu nenosaka operatīvās darbības stadija bet gan pētāmā fakta, personas vai apdraudēto interešu nozīmīgums. Šādi svarīgi faktori var būt draudi personu dzīvībai un veselībai, tiesību, brīvību, goda, cieņas un īpašuma aizsardzības intereses; Latvijas Republikas Satversmes, valsts iekārtas, valstiskās neatkarības un teritoriālās neaizskaramības apdraudējums, valsts aizsardzība, ekonomiskā, zinātniskā un tehniskā potenciāla saglabāšana un valsts noslēpuma aizsardzība pret ārējiem un iekšējiem apdraudējumiem.

Operatīvās uzskaites lietas veidu nosaka atkarībā no tā, vai

operatīvās darbības procesa uzsākšanas pamatā ir fakts (reāls notikums) vai konkrēta persona. Šai sakarā operatīvās darbības likumā būtu veicami grozījumi.

Operatīvās darbības likuma 20. pantu „Operatīvā izziņa” būtu jāizsaka šādā redakcijā:

“(1) Operatīvā izziņa ir operatīvās darbības subjektu amatpersonu darbība, lai iegūtu pamatojumu operatīvās pārbaudes vai operatīvās izstrādes uzsākšanai.

(2) Operatīvās izziņas procesā var veikt šā likuma 9. pantā (izņemot tā sestajā daļā minēto pasākumu), 11. un 13. pantā un 16. panta pirmajā daļā minētos operatīvās darbības pasākumus. To gaitā jāievēro šā likuma 7. panta otrajā daļā minētās prasības.

(3) Ja operatīvās izziņas procesā iegūtās informācijas objektivitātes noskaidrošana ir saistīta ar ievērojamu laika patēriņu un materiālu daudzumu, ar operatīvās darbības subjekta vadītāja vai viņa vietnieka akceptu var ieviest informācijas pārbaudes lietu. Informācijas pārbaudes lieta nav operatīvās uzskaites objekts”.

Izslēgt Operatīvās darbības likuma 21. pantu.

Operatīvās darbības likuma 22. pants “Operatīvā izstrāde” izsakāms šādā redakcijā:

“(1) Ja operatīvās darbības subjekta rīcībā ir ziņas par tā uzdevumiem un kompetencei atbilstošiem faktiem, kuri norāda uz izdarītu noziedzīgu nodarījumu vai tā gatavošanu, vai informācija par konkrētām personām un tā dod pietiekamu pamatu turēt šīs personas aizdomās par noziedzīga nodarījuma gatavošanu vai izdarīšanu vai par valsts vai sabiedrības drošības apdraudējumu, vai arī tās tiek meklētas par izdarītu noziedzīgu nodarījumu – uzsākama šo faktu operatīvā pārbaude, bet attiecībā uz šīm personām – operatīvā izstrāde.

(2) Operatīvo pārbaudi un izstrādi uzsāk, pieņemot par to lēmumu, ko akceptē operatīvās darbības subjekta vadītājs vai viņa vietnieks. Par to tiek informēts prokurors.

(3) Par operatīvo pārbaudi un izstrādi jāierosina operatīvās uzskaites lieta, bet personas, attiecībā uz kurām tiek veikta operatīvā izstrāde, iekļaujamas operatīvajā uzskaitē.

(4) Operatīvās pārbaudes kārtību nosaka operatīvās darbības subjekta vadītājs vai viņa vietnieks.

(5) Operatīvās izstrādes procesā var izmantot jebkurus šā likuma 6. pantā norādītos operatīvās darbības pasākumus un 7. pantā minētos

šo pasākumu veikšanas veidus.

(6) Operatīvās izstrādes termiņš šajās lietās ir seši mēneši, un to vēl uz sešiem mēnešiem var pagarināt ar operatīvās darbības subjekta vadītāja vai viņa vietnieka akceptu. Vēlreizējs termiņa pagarinājums iespējams tikai ar ģenerālprokurora vai viņa speciāli pilnvarota prokurora akceptu, bet ne ilgāk par tā noziedzīgā nodarījuma noilguma termiņu, sakarā ar kuru operatīvā izstrāde tiek veikta”.

Nobeigumā gribētos pievērsties vēl vienam, domājams, būtiskam aspektam, kas saistīts ar operatīvās darbības procesu, proti, Operatīvās darbības likums, definējot operatīvās darbības metodes jēdzienu, paredz, ka operatīvās darbības pasākumu organizācija, metodika un taktika ir valsts noslēpums. Līdz ar to būtu apsverams jautājums par operatīvās darbības procesa atspoguļojuma likumā lietderību.

Atsauces

- ¹ Operatīvās darbības likums. 16.12.1993. likums/LV, 131, 30.12.1993.; Ziņotājs, 13.01.1994.
- ² Padomju laika instrukciju apkopojums. Saeimas deputāts (SC) Andrejs Elksniņš intervijā Sandrim Točam. // Diena, 22.01.2012., Nr. 17(6266), 3. lpp.
- ³ Kavalieris A., Makans L. Teorētiski nepamatoti un praktiski nepieļaujami uzbrukumi Operatīvās darbības likumam Latvijā. Administratīvā un Kriminālā Justīcija, Nr.3(60), 2012., 14.-17. lpp.
- ⁴ Ivančiks J. Operatīvās darbības likums politiķu rokās. Administratīvā un Kriminālā Justīcija, Nr.3(60), 2012., 5.-13. lpp.
- ⁵ Turpat, 7. lpp.
- ⁶ Kavalieris A., Makans L. Teorētiski nepamatoti un praktiski nepieļaujami uzbrukumi Operatīvās darbības likumam Latvijā. Administratīvā un Kriminālā Justīcija, Nr.3(60), 2012., 14.-17. lpp.
- ⁷ Matvejevs A. Operatīvās darbības tiesiskā regulējuma problēmas. Socrates: RSU elektroniskais juridisko zinātnisko rakstu žurnāls, Nr. 3 (9), 2017., 85. lpp.
- ⁸ Grozījumi Operatīvās darbības likumā. 10.03.2016. likums. Latvijas Vēstnesis. 57 (5629), 22.03.2016. Stājās spēkā 01.08.2016.
- ⁹ Operatīvās darbības likuma. 16.12.1993. likums/LV, 131, 30.12.1993.; Ziņotājs, 13.01.1994. 18. p.
- ¹⁰ Bergmanis A. Operatīvā darbība un sevišķā veidā veicamās izmeklēšanas darbības. Latvijas Universitātes Raksti, 2003. 657. sēj.: Juridiskā Zinātne, 83.-95. lpp.
- ¹¹ Operatīvās darbības likuma. 16.12.1993. likums/LV, 131, 30.12.1993.; Ziņotājs, 13.01.1994. 1., 2. p.
- ¹² Operatīvās darbības likuma. 16.12.1993. likums/LV, 131, 30.12.1993.; Ziņotājs, 13.01.1994. 20., 21., 22. p.
- ¹³ <http://www.tezaurs.lv/llvv/>
- ¹⁴ Основы оперативно-розыскной тактики органов внутренних дел. –

- Москва, 1986, с.17-27.
- ¹⁵ Kavalieris A., Ivančiks J., Makans L. Kriminālmeklēšana, 2. d. – Rīga, LPA, 1996., 16.-22. lpp.
- ¹⁶ Оперативно-розыскная деятельность. – Москва: ИНФРА, 2001, с. 436-440.
- ¹⁷ Operatīvās darbības likuma. 16.12.1993. likums/LV, 131, 30.12.1993.; Ziņotājs, 13.01.1994. 20., 9.,11.,13.,16. p.
- ¹⁸ Pastille J. K., Rusanovs E. Operatīvajā darbībā iegūto pierādījumu izmantošana: Problēmas un iespējamie risinājumi. – Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2003., 34. lpp.
- ¹⁹ Kavalieris A., Makans L. Ievads kriminālmeklēšanā. – Rīga, LPA, 2002., 115.-121. lpp.
- ²⁰ Operatīvās darbības likuma. 16.12.1993. likums/LV, 131, 30.12.1993.; Ziņotājs, 13.01.1994. 2. p 2. p.
- ²¹ Основы оперативно-розыскной тактики органов внутренних дел. – Москва, 1986, с. 28- 34.
- ²² Operatīvās darbības likuma. 16.12.1993. likums/LV, 131, 30.12.1993.; Ziņotājs, 13.01.1994. 22. p.
- ²³ Skat. Matisāns L. Operatīvā darbība un pierādījumi kriminālprocesā. Jurista Vārds, 12. aprīlis, 2011 /NR. 15 (662).
- ²⁴ Kriminālprocesa likums. 21.04.2005. likums/LV, 74 (3232), 11.05.2005.; Ziņotājs, 09.06.2005.
- ²⁵ Matisāns L. Operatīvā darbība un pierādījumi kriminālprocesā. Jurista Vārds, 12. aprīlis, 2011 /NR. 15 (662).
- ²⁶ Skat. Makans L. Procesuālo un operatīvo darbību vienlaicīga pielietojuma problēma konkrētu noziedzīgu nodarījumu atklāšanā un izmeklēšanā. Referāts zin. prakt. konferencē “Latvijas kriminālprocesa likuma piemērošanas pirmā gada problēmas”. – Rīga, LPA, konferences materiālu krājums. 2006.

Аннотация

Статья посвящена проблеме объема и интенсивности применения оперативно-розыскных мероприятий в зависимости от стадии оперативно-розыскного процесса. На основе изучения исторических и теоретических основ оперативно-розыскной деятельности по данному вопросу, опыта других стран, а также соответствующих правовых актов сделан вывод о непропорциональном распределении оперативно-розыскных мероприятий на стадиях оперативной проверки и разработки, также разработаны предложения по внесению изменений в Закон об оперативно-розыскной деятельности.

МЕСТО ПРЕОДОЛЕНИЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

*Кандидат юридических наук Игорь Веренич,
доцент кафедры правоведения Северо-Западного института
управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, Россия*

Abstract

The paper covers the issues of forming and developing theoretical concepts of overcoming and neutralizing the counteraction to the investigation of crimes.

Keywords: criminalistics, counteraction to the investigation of crimes, overcoming and neutralizing, patterns of crime mechanism, overcoming and neutralizing patterns.

Наука криминалистика изначально на этапе формирования имела исключительно прикладной характер и рассматривалась только как техническая или, можно сказать, как естественно-техническая наука.

В связи с этим началась корректировка предмета науки, которая в 1950 г. получила оптимальное отражение в определении, которое дал А.И. Винберг: криминалистика – это наука «о специальных приемах и методах обнаружения, собирания, фиксации и исследования доказательств, применяемых для раскрытия преступлений»¹.

Это определение, к сожалению, не отражало в полной мере содержание и суть того, что представляет собой в реальности предмет науки и чем конкретно занималась криминалистика. Это определение отражало результаты криминалистических разработок и не затрагивало основ их зарождения, т. е.

<http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4302>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

закономерности объективной реальности, которые на самом деле изучались наукой.

В последующем криминалистика стала изучать закономерности преступной деятельности и возникновения следов при совершении преступлений, а также закономерности работы правоохранительных органов по обнаружению и использованию следовой информации в расследовании криминального события. В рамках воздействия определенных закономерностей проходят этап становления и последующего функционирования механизмов преступления и следообразования, которые, безусловно, являются составными частями предмета криминалистики в целом. Поэтому существование науки оправдано только в том случае, если предметом ее изучения являются специфические для нее объективные закономерности реальности.

В 60-х гг. XX века Р.С. Белкиным было сформулировано определение предмета криминалистики как науки о «закономерностях возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений»².

Применение в течение долгого периода формулы «от способа совершения преступления – к методу его раскрытия и расследования» привело к достаточно критическому обсуждению, замечаниям о неполноценности данного подхода, а в 70-80-х годах прошлого столетия – к предложениям его дополнения. Время требовало акцентирования внимания на механизме преступления и следообразования, требовало дать более точное и широкое определение предмета криминалистики.

Приведенная формула в условиях новых научных и практических разработок видоизменяется и приобретает новое содержание, которое может способствовать повышению эффективности криминалистического обеспечения следственной, экспертной и судебной практики и ее оптимизации в рамках усовершенствованной концепции «от механизма преступления к средствам и методам установления происшедшего события и личности преступника и доказывания его виновности»³.

Российские ученые А.А. Эксархопуло и Е.Е. Центров в

своих трудах указывают, что проблемная ситуация в науке возникает, «когда вновь обнаруженные факты действительности невозможно объяснить с позиции накопленных знаний или уже существующих теорий, либо когда эти факты входят с ними в противоречие»⁴. Именно такая ситуация становится тем фактором, который вызывает к жизни потребность в создании новой или пересмотре старой научной теории. По мнению авторов, пути сознательного выхода на проблему весьма разнообразны. Среди них они посчитали возможным выделить следующие, способные в полной мере быть воспринятыми именно на современном этапе «развития криминалистической теории:

- критическое отношение к известным в криминалистике решениям ранее поставленных проблем;
- применение получивших признание в криминалистике решений ранее поставленных проблем для объяснения новых фактов, новых явлений;
- применение известных решений научных проблем, сформировавшихся в других отраслях знаний (но еще не апробированных криминалистикой), для объяснения и решения проблемных ситуаций и новых фактов, встречающихся в практике борьбы с преступностью;
- обобщение известных криминалистических проблем или перенесение проблем из одной отрасли криминалистической науки в другую;
- обобщение практического опыта применения криминалистических средств, приемов и методов и выделение фактов, не имеющих объяснения или не вписывающихся в известные эмпирические и теоретические законы и принципы криминалистики;
- объединение проблем различных отраслей знания, разрабатывающих меры борьбы с преступностью, или интерпретация криминалистикой применительно к своему предмету и задачам проблем смежных наук»⁵.

Анализируя следственную и судебную практику, при проявлении криминальных событий и следообразования, а также деятельности по противодействию расследованию преступлений, представляется целесообразным расширить круг предмета научного познания в связи с дальнейшим развитием

частных криминалистических теорий. Изучение именно вышеуказанной практики является основой развития частных теорий и учений для самой науки, а также основой разработки средств, методов и приемов для практики их применения.

Необходимо отметить, что ранее было достаточным изучение механизмов преступления и следообразования, сегодня же для успешной борьбы с преступностью необходимо, в том числе, изучение преступной деятельности по противодействию расследованию преступлений.

Постановка перспективной проблемы в криминалистической науке положила начало более широкому взгляду на отдельные части механизмов преступления, способов сокрытия следообразования, а также нового вида деятельности – деятельности по противодействию расследованию преступлений⁶. К настоящему времени возникла возможность комплексного исследования и необходимость уточнения предмета науки, в который вошли:

- закономерности механизма преступления, разработки его понятия, выделения элементов этого явления и этапов его формирования;
- закономерности механизма следообразования, его понятия, содержания и элементов;
- закономерности выявления, фиксации, сохранения и исследования информации о преступлении и его участниках;
- закономерности механизма противодействия расследованию преступлений, выявления его признаков и фактов;
- закономерности преодоления и нейтрализации вышеуказанного противодействия⁷.

Криминалистическая наука изучает закономерности процессов взаимодействия участников преступного события между собой и с окружающей материальной обстановкой или средой, процессов взаимодействия противоборствующих сторон в ходе противодействия расследованию преступлений, а также закономерности, обусловившие возникновение криминалистически значимой информации о самом преступлении и его участниках.

На основе изучения этих закономерностей формируются

научно обоснованные концепции, методы и рекомендации в целях совершенствования существующих и разработки новых:

- средств и методов исследования элементов механизма преступления и способов сокрытия (установления взаимосвязи и взаимозависимости этих элементов в процессе формирования механизма преступления);
- средств, методов и методик выявления, раскрытия и расследования конкретных совершенных преступлений и способов противодействия;
- средств, методов и методик преодоления и нейтрализации противодействия расследованию конкретных совершенных преступлений.

Криминалистические учения о следах, механизме преступления и способе сокрытия, учение о преодолении и нейтрализации противодействия расследованию преступлений по праву должны занять свое место в общей теории криминалистики, подобно тому, как были сформированы криминалистическая идентификация и диагностика, учение о личности преступника и потерпевшего, о следственной ситуации и частной теории криминалистической характеристики преступлений и др. Поэтому с полной убежденностью можно говорить, что есть все основания для формирования теоретических основ учения о преодолении и нейтрализации противодействия расследованию преступлений и на этой теоретической базе сформировать учение криминалистической науки.

С нашей точки зрения, необходимо по-новому взглянуть на границы предмета криминалистики, причем преступная деятельность субъекта является стержнем механизма преступления и способа сокрытия, а деятельность по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств – механизма деятельности по расследованию преступления, механизма противодействия расследованию преступления и её преодоления и нейтрализации.

Из нескольких ныне устоявшихся определений предмета науки, как отмечалось ранее, наиболее точным представляется определение, предложенное Р.С.Белкиным. Однако с учетом результатов нашего исследования и проделанной в последние годы работы многих ученых-криминалистов настало время

уточнить понятие предмета криминалистики.

Представляется, что криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления и образования информации о преступном событии и его участниках (следообразования), о закономерностях деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений, а также о закономерностях по преодолению и нейтрализации противодействия со стороны криминала, и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах обеспечения данной деятельности, достижения истины по уголовному делу и защиты нарушенных прав и свобод.

За столетний период развития был накоплен значительный эмпирический материал, что способствовало формированию теоретических основ частных теорий и криминалистических учений, возникновению и становлению общей теории науки, криминалистической техники, тактики и методики.

Выводы

1. Предмет познания науки криминалистики:

- закономерности механизма преступления – это главный элемент (часть) предмета криминалистики;
- другим элементом предмета науки являются закономерности образования информации о преступном событии и его участниках, т.е. закономерности механизма следообразования;
- третьим элементом являются закономерности деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию, расследованию преступного события и т.д.;
- четвертым элементом являются закономерности механизма преодоления противодействия – то есть система действий по выявлению фактов и признаков противодействия расследованию преступлений, совокупность средств и методов его преодоления и нейтрализации.

2. Объектами познания науки криминалистики являются:

- непосредственный механизм преступления и способы его сокрытия, а также явления, процессы, связи и отношения, составляющие его содержание;
- криминалистически значимая информация о самом

- преступлении и его участниках;
- непосредственный механизм следообразования, а также процессы отражения механизма в окружающей среде;
 - познавательные процессы деятельности правоохранительных органов по расследованию совершенного преступления;
 - механизм противодействия расследования преступлений, а также процессы, явления, связи и отношения, составляющие его содержание;
 - вырабатываемые меры преодоления и нейтрализации противодействия расследованию преступлений.

Ссылки

- ¹ Криминалистика: Учебник для вузов. – М., 1971, с. 3.
- ² Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Общая теория советской криминалистики. – М., 1977., Т.1, с.18.
- ³ Веренич И.В., Кустов А.М., Прошин В.М. Криминалистическая теория механизма преступления. – М.: Юрлитинформ, 2014, с.130.
- ⁴ Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории. – СПб, 1992, с. 46-48; Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988, с. 44-50.
- ⁵ Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории. – СПб, 1992, с.39-51.
- ⁶ Веренич И.В., Кустов А.М. Использование специальных знаний в процессе расследования преступлений, совершенных в сфере строительства, эксплуатации зданий и сооружений. – М.: Юрлитинформ, 2014, с.189.
- ⁷ Веренич И.В., Кустов А.М., Прошин В.М. Криминалистическая теория механизма преступления. – М.: Юрлитинформ, 2014, с. 131-132.

Anotācija

Raksts veltīts kriminālistikas zinātnes teorētisko koncepciju rašanās un attīstības analīzei Krievijā. Pētījuma rezultātā formulēts kriminālistikas jēdziens, šīs zinātnes izpētes objekti un priekšmeti.

KRIMINĀLTIESĪBU APAKŠNOZARE

APSŪDZĪBAS TIESĀ AKTUĀLIE JAUTĀJUMI LATVIJAS KRIMINĀLPROCESĀ

*Dr. iur. Marina Sumbarova,
Baltijas Starptautiskās akadēmijas asociētā profesore, Latvija*

Abstract

One of the institutions of criminal procedural law, which was subjected to change along with others, is the institution of prosecution in criminal procedure of Latvia. The judge, legally and reasonably makes a decision on charges of the criminal procedure for the assignment achievement of the criminal procedure, the person directing process. For this purpose, it is important to evaluate proofs objectively in a criminal case and make the correct decision to prosecute a person. The study of issues, related to the prosecution in judicial criminal procedure is determined in the paper from the point of view of Latvia's and other scientists. Consideration of theoretical and practical provisions on the research topic allowed implementing individual conclusions and suggestions related to the accusation in judicial criminal procedure of Latvia that definitely will contribute to further improvement of the Criminal Procedural Law of Latvia

Keywords: criminal procedural law, criminal-remedial law, prosecution, the person directing the process, the judge.

Ievads

Raksta mērķis – jautājumu, kas saistīti ar apsūdzību, un tieši ar apsūdzību Latvijas kriminālprocesā tiesā, izpēte. Apsūdzība ir viens no Latvijas kriminālprocesa institūtiem un tai ir svarīga nozīme lēmuma pieņemšanā kriminālprocesā. Pētījumam autore ir definējusi šādus uzdevumus: apsūdzības tiesā raksturojuma definēšana, zinātnieku viedokļu analīze par norādīto tēmu, apsūdzības tiesā institūta galveno pilnveidošanas virzienu noteikšana, jauna tiesiska

<http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4300>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

risinājuma – apsūdzības kriminālprocesā tiesā reglamentācija. Raksta izstrādāšanas gaitā izmantotas zinātniskās metodes – vēsturiskā, analītiskā, aprakstošā, salīdzinošā.

Svarīgākās teorijas un prakses atziņas

Apsūdzības institūts ir radies kriminālprocesā, un tam ir sena vēsture. Tiesību normu, kas definē apsūdzību dažādos kriminālprocesuālo tiesību vēstures posmos, piemērošanas praksei ir svarīga loma.

Saskaņā ar Latvijas Republikas Satversmes 92. pantu¹, ikviens var aizstāvēt savas tiesības un likumiskās intereses taisnīgā tiesā. Ikviens uzskatāms par nevainīgu, iekams viņa vaina nav atzīta saskaņā ar likumu. Nepamatota tiesību aizskārums gadījumā ikvienam ir tiesības uz atbilstīgu atlīdzinājumu. Ikvienam ir tiesības uz advokāta palīdzību.

Jēdzienu “*personas saukšana pie kriminālatbildības (apsūdzība)*” zinātnieki izmanto dažādās nozīmēs, kuras nepieciešams izskatīt. Piemēram, prokurora lēmums, kas tiek noformēts ar lēmumu par personas saukšanu pie kriminālatbildības (apsūdzība). Turklāt tas ir viens no pirmstiesas kriminālprocesa posmiem, kriminālvajāšana, – un tieši, laika posms, kad prokurors izlemj jautājumu par personas apveltīšanu ar tiesisko statusu – apsūdzētais. Par norādīto personai tiek paziņots, iepazīstinot viņu ar lēmumu par personas saukšanu pie kriminālatbildības (apsūdzību), pēc tam tiek veikta šīs personas kā apsūdzētā nopratināšana.

Kā arī nepieciešams akcentēt jēdzienu procesuālais institūts un definēttokānormukopumu, kas saistīts ar personas kriminālprocesuālo apsūdzētā statusa pamatu, procedūras noteikumiem.

Lēmuma par personas saukšanu pie kriminālatbildības (apsūdzība) būtību nepieciešams definēt kā kriminālatbildības izpausmi, ko ir atklājis prokurors un kas ir apstiprināts ar pierādījumu kopumu, kas iekļauj dažādas procesuālās darbības un lēmumus pirmstiesas procesā, bet turpmāk iztiesāšanā.

Lēmums par personas saukšanu pie kriminālatbildības atspoguļo procesuālo darbību kopumu, kas pakļauts vienota mērķa sasniegšanai, un proti – likumīgas un pamatotas apsūdzības izveidošana ar noteikumu nodrošināt personai, kura ir kļuvusi par apsūdzēto, iespēju aizstāvēties, izmantojot visus ar likumu atļautos paņēmienus un līdzekļus².

Apsūdzētais par kriminālprocesa dalībnieku kļūst pirmstiesas procesa stadijā, kriminālvajāšanas posmā, kad ir savākti pietiekami pierādījumi, kas ir pamats šīs personas apsūdzēšanai noziedzīga nodarījuma izdarīšanā un pēc tam, kad ir pieņemts lēmums par šīs personas saukšanu pie kriminālatbildības. Konstatēt pamatu personas saukšanai pie kriminālatbildības var tikai Kriminālprocesa likuma noteiktā kārtībā. Personas saukšanu pie kriminālatbildības veido divi procesuālie līdzekļi: procesa virzītāja, prokurora pieņemtais lēmums par personas saukšanu pie kriminālatbildības (apsūdzība) un norādītā lēmuma uzrādīšana apsūdzētajam. Šādā lēmumā tiek norādīts noziedzīgais nodarījums, kura izdarīšanā tiek apsūdzēta persona, norādot laiku, vietu un citus nodarījuma izdarīšanas apstākļus, ņemot vērā, ka tie ir konstatēti ar lietas materiāliem: tie ir juridiskais pamats saukšanai pie kriminālatbildības. Kā arī tiek norādīts konkrēti kādā Krimināllikuma pantā ir paredzēta apsūdzētā darbība vai pieļautā bezdarbība. Lēmumā tiek formulēts prokurora lēmums saukt norādīto personu pie kriminālatbildības kā apsūdzēto.

Prokurora darbība gan tiesā, gan arī pirmstiesas procesā ir vērsta uz precīzu likumu prasību izpildes kriminālprocesā uzraudzību. Tieši prokuroram ir pienākums laikus izmantot likumā paredzētos līdzekļus, lai novērstu dažādus Kriminālprocesa likuma pārkāpumus, neatkarīgi no tā kurš pārkāpumus būtu izdarījis.

Vērst tiesas uzmanību uz likuma pārkāpumiem var arī citi kriminālprocesa dalībnieki. Tie var būt cietušais, viņa aizstāvis, pārstāvis un citi kriminālprocesa dalībnieki. Bet ir atšķirība starp prokuroru un iepriekš norādītajiem kriminālprocesa dalībniekiem. Šie kriminālprocesa dalībnieki ir apveltīti ar tiesībām to darīt, bet viņiem nav uzlikts šāds pienākums. Kā arī šīs tiesības viņiem ir piešķirtas savu interešu aizstāvībai. Savukārt prokurors ne tikai ir tiesīgs norādīt uz likuma pārkāpumiem, bet viņam ir pienākums to darīt, neatkarīgi no tā, kura likumīgās intereses pārkāptas un neatkarīgi no jebkādiem citiem apsvērumiem.

Apsūdzība tiesā ir apveltīta ar zināmu specifiku, tai piemīt savs saturs. Juridiskajā literatūrā apsūdzību sauc gan par tiesas sprieduma projektu, ko tiesai piedāvā apsūdzētājs, gan par krimināltiesisku prasību, ko tiesā uztur prokurors, pret atbildētāju – apsūdzēto, gan par prokurora pieņemumu, kā to paredz Kriminālprocesa likuma 59. pants³. Terminu “apsūdzība” lieto gan kā apzīmējumu noteiktam procesuālo darbību kopumam kriminālprocesā, gan kā sinonīmu

noteiktam procesuālam dokumentam vai dokumentu kopumam kriminālprocesā, gan kā apzīmējumu lēmumā par personas saukšanu pie kriminālatbildības norādītiem noziedzīga nodarījuma faktiskiem apstākļiem utt.⁴

Tiesas sēdē prokurors uzrāda pierādījumus, piedalās to izpētē, var pieteikt lūgumus utt. Ņemot vērā, ka tieši prokurors pārstāv apsūdzību tiesā, tas ir iemesls uzsākt tiesas procesu. Saistībā ar norādīto prokuroram ir jāpierāda un jāpamato apsūdzības pareizība.

Prokurors, saucot personu pie kriminālatbildības, tādā veidā turpina kriminālvajāšanu. Apsūdzētais ir persona, attiecībā pret kuru ir pieņemts lēmums par saukšanu pie kriminālatbildības, tomēr kā uzskata Latvijas zinātnieks M. Šešukovs, tas neatbilst nedz kriminālatbildības būtībai, nedz krimināltiesisko attiecību saturam, no kura rodas šī atbildība. Attiecīgi saukt pie kriminālatbildības var tikai tiesa, jo tikai tiesa nosaka sodu, kas arī ir atbildības materiālā izpausme un tikai tajā atklājas atbildība, nevis apsūdzības izveidošanā⁵.

Prokurors uztur tiesā valsts apsūdzību, pamato to ar pierādījumiem, izsaka savu viedokli par lietas iztiesāšanas laikā konstatētajiem apstākļiem, piedalās tiesas debatēs. Valsts apsūdzību vienā kriminālprocesā var uzturēt arī vairāki prokurori.

Iztiesāšanas gaitā prokurors īsteno apsūdzības funkciju, bet šajā gadījumā viņš netiek apveltīts ar jebkādam pilnvarām, kas dod viņam priekšrocības salīdzinājumā ar citiem kriminālprocesa dalībniekiem, kuri īsteno savas tiesības un pienākumus krimināllietā apsūdzības un aizstāvības pusē. Prokurora izteiktais viedoklis par jautājumiem, kurus izskata tiesa, izņemot atteikšanās no apsūdzības vai apsūdzības grozīšanas gadījumus, nav obligāts tiesai, un tas jāņem vērā kopā ar cietušā, apsūdzētā un aizstāvja viedokli.

Definēsim, kādos gadījumos nepieciešams atteikties no apsūdzības. Šāds atteikums, pirmkārt, ir noteikts ar iesniegto pierādījumu nepietiekamību atbildei uz jautājumu – vai apsūdzētā darbībā ir noziedzīgā nodarījuma notikums, vai šis apsūdzētais ir vainīgs noziedzīgā nodarījuma izdarīšanā.

Otrkārt, jānorāda, ka var būt pieļauta kļūda, izdarīto kvalificējot kā noziedzīgu nodarījumu.

Kā arī atteikties no apsūdzības var gadījumā, kad pastāv apstākļi, kas izslēdz procesa turpināšanu krimināllietā.

Nepieciešamība norādīt atteikuma no apsūdzības motīvus ir

noteikta ar to, ka tiesai ir pienākums norādīt lēmumā (nolēmumā) par krimināllietas izbeigšanu noteiktu šādas izbeigšanas pamatu.

Pilnībā atteikties no apsūdzības prokuroram ir tiesības, ja tas ir saistīts ar apsūdzības izsniegšanu apsūdzētajam pilnā apjomā. Gadījumā, ja atteikšanās attiecas tikai uz apsūdzības daļu, tikai uz vienu vai vairākiem apsūdzētajam inkriminētajiem patstāvīgajiem noziedzīgajiem nodarījumiem, var runāt tikai par daļēju atteikšanos no apsūdzības.

Saskaņā ar Kriminālprocesa likuma 459. panta pirmo daļu, ja krimināllietas iztiesāšanas gaitā prokurors atzīst, ka apsūdzība pilnīgi vai daļēji nav apstiprinājusies, viņa pienākums ir pilnīgi vai daļēji atteikties no apsūdzības, iesniedzot tiesai amatā augstāka prokurora apstiprinātu atteikuma motivāciju. Kriminālprocesa likuma 459. panta pirmajā daļā ir noteikts, ka tiesa pieņem lēmumu par kriminālprocesa izbeigšanu sakarā ar prokurora atteikšanos no apsūdzības.

Kriminālprocesa likumā prokuroram ir noteikts pienākums grozīt apsūdzību. Apsūdzības pirmstiesas kriminālprocesā problemātiskie jautājumi ir analizēti autores rakstā “Apsūdzības nozīme Latvijas kriminālprocesā”⁶. Savukārt, apsūdzības grozīšana iztiesāšanas gaitā ir regulēta Kriminālprocesa likuma 462. pantā. Proti, ja prokurors groza apsūdzību uz vieglāku, nemainoties noziedzīga nodarījuma faktiskajiem apstākļiem, jauno apsūdzību fiksē tiesas sēdes protokolā.

Būtiska nozīme kriminālprocesā var būt tam, ka apsūdzētais noliedz vainu. Apsūdzētais aizstāvas pret izsniegto apsūdzību, un šajā gadījumā viņš apstrīd apsūdzību, izvirza versiju, kā arī norāda uz nepieciešamību veikt papildu izmeklēšanu krimināllietā, proti, veikt noteiktas izmeklēšanas darbības. Nereti ir gadījumi, kad apsūdzētais piesaka lūgumu par personīgu dalību pierādīšanā kriminālprocesā. Bez šaubām, tas var veicināt vispusīgu un pilnīgu lietas apstākļu izpēti.

Ja prokurors groza apsūdzību uz vieglāku sakarā ar noziedzīga nodarījuma faktisko apstākļu maiņu vai arī uz smagāku, ja nemainās šā nodarījuma faktiskie apstākļi, vai arī sakarā ar noziedzīga nodarījuma faktisko apstākļu maiņu, ja nemainās šā nodarījuma kvalifikācija, jauno apsūdzību var fiksēt tiesas sēdes protokolā. Pēc tiesas, apsūdzētā vai viņa aizstāvja pieprasījuma jauno apsūdzību prokurors iesniedz rakstveidā. Ja nepieciešams laiks apsūdzības grozīšanai, tiesa pēc prokurora lūguma pasludina tiesas sēdes

pārtraukumu. Tiesa var pasludināt tiesas sēdes pārtraukumu arī tad, ja aizstāvībai nepieciešams laiks sagatavoties jaunajai apsūdzībai.

Ja pirmās instances tiesā prokurors atzīst, ka apsūdzība ir grozāma uz smagāku, tāpēc ka tiesas sēdē ir konstatēti citi noziedzīga nodarījuma faktiskie apstākļi, tiesa pēc prokurora lūguma pasludina pārtraukumu nepieciešamo izmeklēšanas darbību veikšanai un jaunas apsūdzības sagatavošanai.

Prokurors mēneša laikā iesniedz tiesai jaunu apsūdzību, ko tiesa nosūta apsūdzētajam, viņa aizstāvim, cietušajam, viņa pārstāvim un paziņo krimināllietas iztiesāšanas laiku.

Ja prokurors atsakās no apsūdzības, kā ir noteikts Kriminālprocesa likuma 481. pantā, tad tiesa izbeidz kriminālprocesu vai tā daļu.

Saskaņā ar Kriminālprocesa likuma 497. pantu tiesas izmeklēšana sākas ar apsūdzības uzturēšanu, prokuroram īsi izklāstot apsūdzības būtību. Pēc norādītā tiek pārbaudīti pierādījumi, ko ir iesniegusi aizstāvības puse.

Jāatzīmē, ka tiesas loma pierādījumu kārtības noteikšanā pieaug, ja tiesas sēdē tiek izskatītas krimināllietas pret vairākiem apsūdzētiem, vairāku epizožu lietās. Nosakot pierādījumu pārbaudes kārtību, tiesai jāuzklausā pušu viedokļi par šo jautājumu, un par to tiek izdarīta atzīme tiesas sēdes protokolā.

Apsūdzētā attieksmes pret apsūdzību noskaidrošana ir reglamentēta Kriminālprocesa likuma 498. pantā. Pēc apsūdzības noklausīšanās tiesas sēdes priekšsēdētājs noskaidro, vai apsūdzētais saprot, kāda noziedzīga nodarījuma izdarīšanā tiek apsūdzēts, un vai viņš atzīst savu vainu. Apsūdzētā attieksmi pret apsūdzību fiksē tiesas sēdes protokolā, un apsūdzētais protokolā to paraksta.

Autore veica statistikas datu analīzi, un gūtie secinājumi liecina par ievērojamu slodzi, kas saistīta ar krimināllietu izmeklēšanu, un proti, kas saistīta ar izmeklētāju darbu pierādījumu vākšanā kriminālprocesos un prokuroru darbu attiecībā uz šo pierādījumu novērtēšanu, risinot jautājumu par apsūdzības izsniegšanu.

2016. gadā pirmās instances tiesā tika izskatīti 10 748 kriminālprocesi, 2017. gadā – 9878.

Apelācijas instances tiesas 2016. gadā izskatīja 1967 kriminālprocesus, no tiem 902 kriminālprocesi tika atstāti bez izmaiņām, bet 641 kriminālprocesā spriedumi tika atcelti un pieņemti jauni lēmumi⁷.

Apsūdzētā tiesības apelācijas instances tiesā ir apsūdzētajam,

par kura apsūdzību apelācijas protestu vai sūdzību iesniedzis prokurors vai cietušais. Apsūdzētā tiesības kasācijas instances tiesā ir apsūdzētajam, par kura apsūdzību kasācijas protestu vai sūdzību iesniedzis prokurors vai cietušais.

Izskatītie apsūdzības Latvijas kriminālprocesā tiesā galvenie noteikumi akcentē kriminālprocesa dalībnieku tiesību un likumīgo interešu ievērošanu un garantē konstitucionālās tiesības uz taisnīgu tiesu.

Secinājumi un priekšlikumi

Iztiesāšana ir tiesas spriešanas īstenošanas pamatforma krimināllietās. Tieši šeit gūst savu atrisinājumu visi galvenie kriminālprocesa jautājumi, un vispirms jau, par apsūdzētā vainu vai nevainīgumu viņam inkriminētajā apsūdzībā, kā arī par apsūdzētās personas sodīšanu.

Iztiesāšanai piemīt profilaktiskas funkcijas un tai ir sabiedriska raksturs. Ar šo arī tiek noteikta iztiesāšanas būtība un nozīme.

Saskaņā ar pētījuma ietvaros gūtajām atziņām un izejot no praktiskās pieredzes analīzes, ir radušies vairāki Kriminālprocesa likuma pilnveides priekšlikumi.

1. Kriminālprocesa likuma 459. panta pirmā daļa būtu jāpapildina ar **kārtību**, kādā augstākstāvošs prokurors apstiprina atteikšanās (pilnīgas vai daļējas) no apsūdzības motīvus. Šādu atteikšanos prokurors noformē ar lēmumu par atteikšanos no apsūdzības, un norādīto lēmumu apstiprina augstākstāvošs prokurors. Atbilstoši **Kriminālprocesa likuma 459. panta pirmo daļu būtu jāizsaka** šādā redakcijā: *“Ja krimināllietas iztiesāšanas gaitā prokurors atzīst, ka apsūdzība pilnīgi vai daļēji nav apstiprinājusies, viņa pienākums ir pilnīgi vai daļēji atteikties no apsūdzības, iesniedzot tiesai amatā augstāka prokurora apstiprinātu atteikuma motivāciju, kas tiek noformēts ar lēmumu par atteikšanos no apsūdzības, bet apstiprina šādu lēmumu augstākstāvošs prokurors ar savu parakstu”*.
2. Kriminālprocesa likuma 460. panta trešo daļu būtu jāpapildina ar obligātu skaidrojumu cietušajai pusei, ka prokurora atteikšanās no apsūdzības nav šķērslis prasījumam par kaitējuma atlīdzināšanu Civilprocesa likuma noteiktā kārtībā.

Atbilstoši **Kriminālprocesa likuma 460. panta trešo daļu būtu jāizsaka** šādā redakcijā: *“Prokurora atteikšanās no apsūdzības nav šķērslis kaitējuma atlīdzības pieprasīšanai Civilprocesa likumā noteiktajā kārtībā, izskaidrojot cietušajai pusei tiesības uz kaitējuma atlīdzību”*.

3. Savukārt Kriminālprocesa likuma 462. panta otro daļu, lietderīgi grozīt, norādot, ka prokuroram ir pienākums iesniegt rakstveidā jaunu apsūdzību tiesai, apsūdzētajam, viņa aizstāvim, cietušajam un viņa pārstāvjiem. Atbilstoši **Kriminālprocesa likuma 462. panta otro daļu būtu jāizsaka** šādā redakcijā: *“Ja prokurors groza apsūdzību uz vieglāku sakarā ar noziedzīga nodarījuma faktisko apstākļu maiņu vai arī uz smagāku, ja nemainās šā nodarījuma faktiskie apstākļi, vai arī sakarā ar noziedzīga nodarījuma faktisko apstākļu maiņu, ja nemainās šā nodarījuma kvalifikācija, jauno apsūdzību var fiksēt tiesas sēdes protokolā. **Prokuroram ir pienākums iesniegt rakstveidā jaunu apsūdzību tiesai, apsūdzētajam, viņa aizstāvim, cietušajam un viņa pārstāvjiem.** Ja nepieciešams laiks apsūdzības grozīšanai, tiesa pēc prokurora lūguma pasludina tiesas sēdes pārtraukumu. Tiesa var pasludināt tiesas sēdes pārtraukumu arī tad, ja aizstāvim nepieciešams laiks sagatavoties jaunajai apsūdzībai”*.
4. Izdarīt grozījumus Kriminālprocesa likuma 462. panta ceturtajā daļā, par jaunas apsūdzības iesniegšanas tiesā termiņa samazināšanu prokuroram, samazinot to līdz 14 dienām. Atbilstoši **Kriminālprocesa likuma 462. panta ceturta daļa būtu jāizsaka** šādā redakcijā: *“Prokurors 14 dienu laikā iesniedz tiesai jaunu apsūdzību, ko tiesa nosūta apsūdzētajam, viņa aizstāvim, cietušajam, viņa pārstāvim un paziņo krimināllietas iztiesāšanas laiku”*.
5. Kriminālprocesa likuma 497. pantu lietderīgi papildināt ar noteikumu, ka prokurors nodod rakstveidā apsūdzību tiesas sēžu zālē tiesai, apsūdzētajam un viņa aizstāvjiem, cietušajiem un viņa pārstāvjiem. Atbilstoši **Kriminālprocesa likuma 497. pants būtu jāizsaka** šādā redakcijā: *“Tiesas izmeklēšana sākas ar apsūdzības uzturēšanu, prokuroram īsi izklāstot apsūdzības būtību. Prokurors nodod apsūdzību rakstveidā tiesas sēžu zālē tiesai, apsūdzētajam un viņa aizstāvjiem, cietušajam un viņa pārstāvjiem”*.

Atsauces

- ¹ Latvijas Republikas Satversme. Spēkā no 07.11.1922. Latvijas Vēstnesis, Nr. 43, 01.07.1993. Ar 14.06.2016. grozījumiem.
- ² Трусов А.И. Предъявление обвинения и допрос обвиняемого. В книге под редакцией К.Ф. Гуценко «Уголовный процесс». Издание 4-е, перераб. и доп. – Москва: «Зерцало», 2000», с. 256.
- ³ Kriminālprocesa likums. 2005. gada 21. aprīlis, spēkā no 01.10.2005., Latvijas Vēstnesis, Nr. 112 (4918) ar grozījumiem no 01.01.2019.
- ⁴ Pundurs A. Apsūdzība kriminālprocesā Latvijā, apsūdzības funkcijas un saturs, apsūdzības grozīšana, ar apsūdzību saistītie termiņi. Grāmata “Kriminālprocesa likumam – 10”. Latvijas Vēstnesis, 2015., 345. lpp.
- ⁵ Шешуков М.П. Практикум по уголовному процессу. – Рига, 2005, с. 77-78.
- ⁶ The significance of the prosecution in the criminal procedure of Latvia. SGEM CONFERENCE ON SOCIAL SCIENCES AND ARTS, www.sgemflorence.org, SGEM2018 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-67-6/ ISSN 2367-5659, 23 – 26 October, 2018, Vol. 5, 313 p.
- ⁷ Tiesu administrācijas gada publiskais pārskats. https://www.ta.gov.lv/User-Files/1529303368_Gada_publiskais_p%C4%81rskats_2017.pdf

Аннотация

Одним из подвергшихся изменению институтов уголовно-процессуального права, наряду с другими, является институт обвинения в уголовном процессе Латвии. Для достижения назначения уголовного процесса, лицу, направляющему процесс, судье, важно законно и обоснованно принять решение об обвинении по уголовному процессу. С этой целью важно объективно оценить имеющиеся в уголовном деле доказательства и вынести правильное решение о привлечении лица к уголовной ответственности. Исследование вопросов, связанных с обвинением в уголовном процессе в суде, определяется в статье с точки зрения латвийских и других учёных. Рассмотрение теоретических и практических положений по теме исследования позволило сделать отдельные выводы и внести предложения, связанные с обвинением в уголовном процессе в суде, что, безусловно, будет способствовать дальнейшему совершенствованию латвийского Уголовно-процессуального закона.

THE LEGAL NATURE OF CRIMES IN THE SPHERE OF TERRORISM AND INTERNATIONAL LEGAL INSTRUMENTS TO COMBAT THEM

Siarhei Rybak, Ph.D. in Law, associate Professor; Dean of the Law Faculty of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus «International University «MITSO», Belarus

Abstract

The paper deals with the issues of combating terrorism. The authors draw a distinction between the concepts of “international crime” and “crime of an international character”. Particular attention is paid to the lack of a universal definition of the category of “terrorism’s” problem and its reasons. A new vision of the solution to the problem mentioned above has been offered. The paper also analyzes the international regulatory legal acts regulating the struggle against terrorism and their impact on the formation of national legislation in the designated area.

Keywords: international crimes, terrorism, crimes of international character, international legal acts.

Problem setting, relevance and significance

Terrorism is an extremely dangerous negative modern phenomenon. By their fearful impact, crimes in the sphere of terrorism are addressed to a wide and, as a rule, indefinite circle of citizens (often this population of entire cities and administrative districts) or to specific officials and authorities. The consequences of committing this group of crimes are always dire: destabilization of the situation, panic, fear, numerous victims. The causes of their committing very painfully damage the public interest¹. Terrorism becomes a daily practice of resolving territorial, interethnic, interfaith disputes in the areas of interethnic conflicts. The

<http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4298>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

unfavorable increase trend of terrorism has recently had the impact on a state economy, property stratification of society, unresolved social and national problems, as well as on an increase of illicit weapons, ammunition, explosives, radioactive and poisonous substances' trafficking, lowering the motivation threshold for criminal acts, increase of terrorists' brutality and ruthlessness. All this is manifested on the background of inconsistency in the actions of law enforcement agencies, special services and other agencies in combating terrorist acts with insufficient information, technical equipment and organization. In this regard, the analysis of the legal nature, concept and tendencies in the development of terrorism, the development of forms, methods and effective means of combating it is of highly importance².

Problem analysis

Speaking about crimes in the sphere of terrorism, it is necessary to understand that they are "distributed" across different chapters of the criminal code in most countries. There are exceptions though, e.g., in the Criminal Code of Georgia, the chapter "Terrorism" is highlighted and includes nine offences (articles 323 – 331). In addition, the criminal laws of many countries around the world do not contain a definition of terrorism at all. The object of terrorism is public safety in the broad sense of the word. By its intimidating impact this type of crime is addressed to a wide and, as a rule, an indefinite circle of citizens, sometimes to the population of entire cities or persons entitled to make organizational and management decisions. Additional objects can be property, life, health of citizens and political interests, etc.³

Terrorism can be divided into state, domestic and international. State terrorism – the use of terrorists' methods by state authorities to achieve their goals. Domestic terrorism is a terrorist activity within a state with political and criminal overtones. International terrorism is the largest and most dangerous component.

If everything is clear with the state and domestic terrorism, then in the theory of public international law there is still a dispute – which category of international offences these crimes are related to. A number of experts define it as an international crime (a crime against peace and security of mankind), while others characterize it as a crime of an international character.

International crimes are grave, illegal, socially dangerous acts that infringe the international legal order, violate the fundamental norms of international law and affect the interests of the entire international community⁴.

Nowadays international crime system doesn't exist. The International Law Commission is working on the codification of crimes against the peace and security of mankind. In 1996, a draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind was approved. It provides for five international crimes: aggression, genocide, crimes against humanity, war crimes, crimes against UN personnel and related personnel⁵.

It is necessary to distinguish international crimes from crimes of the international character, which, to our mind, are provided by international treaties and which encroach not only onto a national law and order, but also onto interests of the international community in development of normal international relations⁶. Crimes of an international character encroach onto relations in the sphere of the countries' international cooperation. These crimes also differ in terms of the object of the attack. International crimes against the peace and security of mankind are encroaching onto the security foundations of mankind and peace between peoples and nations⁷. Simply put crimes of an international character are acts that are governed by international treaties and are not international crimes.

We assume that the main difference between crimes of an international nature and international crimes are their lesser gravity and the percentage rate of danger to humanity. However, it should be noted that there is no clear division between the categories of these crimes, and in some cases there are signs of mass and systematic acts, which can move from one category to another. If the interests of at least two countries have been affected, as a result, it is considered a characteristic of an international character's crimes. The criminalization of an international criminal offence is based on the rules of international criminal law, and the crimes' criminalization of an international character is based on the rules of national criminal law.

The statement of D. Koshkina is just – according to the high level danger of international terrorism and its spread around the globe, associated with attacks on public foundations, hindering the adequate development and functioning of society, it seems appropriate to consider international terrorism as an international

crime, and not as a crime of an international character. But with the possibility of applying criminal penalties not only against the leaders of international terrorist organizations responsible for the implementation of the policy, contributing to the development of international terrorism, but also individuals responsible for specific acts of a terrorist nature⁸. The mechanism for bringing these persons to criminal responsibility should obviously be delimited. It seems that the decision on the guilt of the organizers of terrorist acts and terrorist activities in general, which include the leaders, the founders of an international terrorism organization, as well as other persons, in varying degrees, endowed with “power”, should be made by the competent international judicial body. The cases involving direct perpetrators, the persons justifying and spreading the ideology of terrorism, including through the use of the global Internet, providing material assistance or otherwise involved in terrorist activities, should be dealt with by national courts under the law of the country where the court is located, and the existence of an international element in the crime in this case affects only the determination of territorial jurisdiction and, in certain circumstances, the decision on extradition.

Despite the large number of international legal acts (about 30 global and regional agreements), as well as bodies coordinating the combat and prevention of international terrorism, international law has not reached a universal agreement on the definition of this concept, its legal nature and responsibility for the Commission of relevant criminal acts. However, its necessity is dictated at least for the purposes of the right of offence, choice of remedies, jurisdiction, etc. According to M. Andreeva “it is the lack of a clear definition of international terrorism made it impossible to include this part in the competence of the International criminal court”⁹. Despite the excessive categorism of the scientist in the statement, conceptually it is necessary to agree with him. Thus, as a general rule international crimes are dealt with by the International criminal court (ICC), but international terrorism is still outside the jurisdiction of the court. Under the article 25 of the Rome Statute the ICC has jurisdiction over individuals who will be individually responsible for the crimes committed. However, the jurisdiction of the ICC will only include the crimes of genocide, crimes against humanity, war crimes and the crime of aggression¹⁰. It seems logical to include international crimes of a terrorists’ nature on the list.

In April 2015 Spain has announced its intention to transfer a draft resolution on the establishment of an international court to focus exclusively on crimes of international terrorists to the UN Security Council¹¹. Such a court has not yet been established, the reason according to UN representatives is the lack of a universal definition of the term “international terrorism”. However, the organization of such an institution is now a necessary measure for the implementation of anti-terrorism activities in the international format and the formation of an effective legal mechanism to counter international terrorism. It seems that such an institution could be a permanent specialized international tribunal established as an independent judicial body.

International terrorism as a criminal act cannot be considered unilaterally, which directly affects the formation of a mechanism for bringing to justice of those who have committed crimes of a terrorist nature. It seems that the distinction between the responsibility of organizers and direct perpetrators would not only be an adequate measure in the fight against terrorism, but also a norm that would embody such principles as legality and justice, since it is obvious that any organizer of such an activity should be punished much more severely than an ordinary performer, and this principle of sharing responsibility is implemented in the criminal laws of many countries. International and domestic law cannot exist without each other, without harmonious interpenetration, which is particularly evident at present. Therefore, it should be assumed that such borrowing and projection of certain principles and mechanisms of domestic law into international law in this case would be a consistent and effective measure on the way to building a system of combating international terrorism.

Returning to the concept of international terrorism it should be said that there is no a universally recognized list of international crimes of a terrorism nature in international law along with the uncertainty of its definition and content. Attempts to develop and consolidate a system of criminal acts and penalties for them in international legislation are doomed to failure because of the identity of each of country’s involved legal field in the implementation of this idea. Some characteristics of the organization, legal regulation and functioning of major international organizations, unions, associations should be also added. So we must concentrate on the development of criteria for the classification of behaviour unacceptable from international community’s point of view and making decisions

about its prevention and control by developing appropriate means and methods in accordance with the accepted principles and norms of international law. In other words, instead of an abstract definition of the phenomenon, it would be useful to develop criteria for attribution to those activities or activities considered unacceptable by the international community and regarded as conduct of a terrorist nature.

The legal framework for countering the threats of international terrorism has been in place for decades at the international level. It seems necessary to pay attention to the most important legal acts.

The Geneva Convention on Terrorism Prevention and Punishment of 1937 consists of a preamble and 29 articles, and define the object of its provisions quite fully and broadly. The concept of an international terrorist attack, the mechanism of combating terrorism, the established procedure of the Convention introduction into effect and the manner of its application at the national and international levels are defined in the articles of the Convention. Although the Geneva Convention has not entered into force for various reasons, it has significance in condemning international terrorism and recognizing it as an international crime. Certain provisions contained in it were used in the preparation of the Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind¹² draft.

The next important international agreement in the field of countries' cooperation in the struggle against international terrorism is the Convention on the Prevention and Punishment of Crimes Against Internationally Protected Persons Including Diplomatic Agents passed in 1973 at the 28th session of the UN General Assembly (hereinafter – the New York Convention). The Convention defines the subjects, which belong to the persons enjoying international protection, reveals the concept of “alleged offender”, “special protection”. The articles from 4 to 11 of the New York Convention deal with the system of measures relating to the prevention and enforcement of the the mandatory punishment of persons who have committed acts of international terrorism on the basis of the principle of “*aut dedere, aut judicare*”. The principle of the Geneva Convention's many provisions of are used in the document under review. However, the Convention raises the issue only of a person's (group of persons) terrorism and its criminal responsibility, but the problem of the country's responsibility remains unresolved if a terrorist attack has been organized or encouraged by the state¹³.

The European Convention on the Suppression of Terrorism of 04.08.1978 holds a special position among other agreements concerning the problem of cooperation of the countries in the struggle against international terrorism. The peculiarity of the Convention is the broad definition of the range of violence acts related to terrorism. These are crimes against civil aviation and on board, attempts on the life, health and freedom of persons entitled to international protection, hostage-taking or arbitrary deprivation of human liberty, as well as the use of bombs and weapons to the extent that such use poses a danger to persons. A careful study of the provisions of the Convention also gives the impression that countries' parties receive a kind of treaty on mutual assistance in the struggle against terrorism and other violent acts not only in their own countries. The Convention is based on the principle of "*aut dedere, aut judicare*", but the focus is rightly on extradition. It is stressed that extradition is a particularly effective means of preventing perpetrators of terrorist acts from escaping prosecution and punishment. Article 3 prescribes to bring the provisions of all treaties and extradition agreements in force between members of the European Council, in line with the Convention¹⁴.

On December 17th, 1979 in New York the UN General Assembly at the 34th session passed the resolution 34/146, which offered the International Convention Against Taking of Hostages for signature and ratification. The preamble of it states that the parties to this convention recognize everyone to have the right to life, liberty and security, as provided for in the Universal Declaration of Human Rights and The International Covenant on Civil and Political Rights; consider that hostage-taking is a crime of serious concern to the international community, and that any person who commits an act of hostage-taking is subjected to either prosecution or extradition. And there is an urgent need to develop international cooperation, develop and pass effective measures to prevent, prosecute and punish all acts of hostage-taking as a crime of international terrorism¹⁵. In the Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism, passed at the 49th session of the UN General Assembly in 1994, it was emphasized that "no ideological, racial, ethnic, religious or any other considerations cannot be used to justify the criminal actions aimed at creating an atmosphere of terror among the wide layers of population"¹⁶.

At the G7 in Halifax it was decided to promote practical measures

of multilateral cooperation in the struggle against terrorism. In accordance with this decision, the conference of the Heads of foreign policy and law enforcement agencies of G8 held in December 1995 in Ottawa passed the Final Declaration, which determines political commitments of the member countries of the G8 on cooperation in the struggle against terrorism¹⁷.

Article 5 of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism passed by the UN on 9th December 1999, provides: “1. Each state party shall, in accordance with the principles of its domestic law, take the necessary measures to enable a legal person located in its territory or established under its laws to be held accountable in the event of the Commission or control by the natural person responsible for the administration of that legal person, who acts in his/her official capacity, of the crime referred to in article 2. Such liability may be criminal, civil or administrative. 2. Such liability is without prejudice to the criminal liability of the natural persons who have committed these crimes. 3. Each state party shall ensure, inter alia, that legal persons responsible under paragraph 1 mentioned above are subjected to effective, proportionate and effective criminal, civil or administrative sanctions. Such sanctions may include financial sanctions”¹⁸.

New sources in the field of counter-terrorism include the International Convention for the suppression of acts of nuclear terrorism (2005), the Convention on mutual legal assistance and extradition to combat terrorism (2008), the Convention for the suppression of unlawful acts against international civil aviation (2010) and a number of other legal instruments. They detail specific aspects of the regulation of the fight against terrorist manifestations of modern times: nuclear terrorism, air and sea terrorism, as well as regulate legal relations in the field of legal assistance of the States parties to the Convention agreement¹⁹.

The Framework of the Council of the European Union, signed in June 2002, outlines the range of crimes of a terrorist nature, which includes three groups of acts: terrorist crimes; crimes related to the functioning of a terrorist group; crimes related to terrorist activities. At the same time, along with the “traditional” types of terrorist activities there are kidnapping, hostage-taking, some others. However, such crimes can be considered as terrorist if they were committed with the following objectives: intimidation of citizens, threat, panic, violence, cruelty (with the use of weapons, explosive

devices, etc.).

The Convention of the Council of Europe on the prevention of terrorism (2005) has made a significant contribution to the development of the regulatory framework for combating terrorism. Its purpose was to intensify efforts to prevent terrorism and its negative impact on the enjoyment of human rights (in particular the right to life) through measures taken both at the national level and through international cooperation. Among the measures necessary to improve and develop cooperation of national authorities for the prevention of terrorist crimes are: exchange of information, strengthening of physical protection of people and objects, improvement of preparation and plans of coordination of actions in emergency situations²⁰.

It is impossible to ignore the adoption of a similar legal document at the regional level – the Convention of the Shanghai cooperation organization against terrorism (2009). This document was adopted as a follow-up to the provisions of the Shanghai Convention against terrorism, separatism and extremism (2001). In accordance with its content, cases are defined when the parties take the necessary measures to establish their jurisdiction over the crimes covered by this Convention²¹.

The following documents have been adopted at the United Nations level:

- Convention on the Establishment of an International Criminal Tribunal for the Prosecution of Terrorists;
- Convention Against the Taking of Hostages;
- Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism;
- Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism;
- Tokyo Agreement on International Terrorism and some other documents²².

Conclusion

Thus crimes of an international nature encroach not only on the national legal order, but also on the interests of the international community in the development of good international relations. The main difference from international crimes is the lesser severity and

the percentage of danger to humanity. There is a necessity to include international crimes of a terrorist nature into the jurisdiction of the ICC. Instead of an abstract definition of international terrorism, it is advisable to develop criteria for attributing to these types of actions or activities considered unacceptable by the international community and regarded as conduct of a terrorist nature. The legal regulation of international terrorism has a long history. Currently, there are many international legal acts regulating relations in the field of international terrorism. The diversity of these documents and their conceptual framework related to the characteristics of various forms of terrorism undoubtedly have an impact on its portrayal in national legislation.

References

- ¹ Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность: монография. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2007. Р. 14.
- ² Овчинникова Г.В. Терроризм: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. Р. 6.
- ³ Филонов Г.А. Терроризм и уголовная ответственность. // Территория науки. – 2015. - № 3. Р. 179.
- ⁴ Zmeevskii A. Terrorism: the need for coordinated efforts by the World Community / A. Zmeevskii, V. Tarabrin // *International affairs*. Vol. 42 (1996). Nr. 2. P. 7.
- ⁵ Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. Р. 198.
- ⁶ Международное публичное право. Особенная часть: учеб. пособие / Ю.П. Бровка [и др.]. – Минск: Амалфея, 2011. Р. 434.
- ⁷ Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. Р. 144.
- ⁸ Кошкина Д.А. Ответственность за преступления международного терроризма: юрисдикция международного трибунала или национальных судов? / – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-prestupleniya-mezhhdunarodnogo-terrorizma-yurisdiksiya-mezhhdunarodnogo-tribunala-ili-natsionalnyh-sudov>; Дата доступа: 16.02.2019.
- ⁹ Андреев М.В. Проблемы противодействия терроризму в международно-правовой доктрине // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. – 2013. - № 2(12). Р. 18.
- ¹⁰ Tallinn manual on the Law, applicable to cyber warfare. – Cambridge: Cambridge university press, 2013. P. 25.
- ¹¹ Андреев М.В. Проблемы противодействия терроризму в международно-правовой доктрине // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. – 2013. - № 2 (12). Р. 20

- ¹² Овчинникова Г.В. Захват заложника: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы / Г.В. Овчинникова, М.Ю. Павлик, О.Н. Коршунова. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. Р. 21.
- ¹³ Ibid. Р. 23.
- ¹⁴ Ibid. Р. 24.
- ¹⁵ Ibid. Р. 31-32.
- ¹⁶ Zmeevskii A. Terrorism: the need for coordinated efforts by the World Community / A. Zmeevskii, V. Tarabrin // *International affairs*. Vol. 42 (1996). Nr. 2. Р. 83-84.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ О борьбе с финансированием терроризма [Электронный ресурс]: Международная конвенция; принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999 № 54/109 ООН // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2018.
- ¹⁹ О предупреждении терроризма [Электронный ресурс]: Конвенция Совета Европы (Варшава, 16 мая 2005 г.) // режим доступа: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-soveta-evropy-o.html>; дата доступа 18.12.2018.
- ²⁰ Article 3, paragraph 2, Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) [Электронный ресурс] // режим доступа: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-shanhayskoy-organizacii.html>; дата доступа 18.12.2018.
- ²¹ Article 5, paragraph. 1, 2, Georgia: Criminal Code [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://www.refworld.org/docid/54cb63554.html>; дата доступа 18.12.2018.
- ²² Декларации и конвенции: официальный сайт ООН; режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/; дата доступа 18.12.2018.

Anotācija

Raksts veltīts ar terorismu saistītu noziegumu definējuma un juridiskās izpratnes īpatnībām starptautiskajās krimināltiesībās. Pētījums ietver arī starptautiska rakstura noziegumu izpratnes jēdzienisko nianšu analīzi. Pētījuma rezultātā secināts, ka universāla jēdziena radīšana visa veida teroristisku darbību apzīmēšanai ir visai problemātiska, kā arī norādīti šīs problēmas cēloņi. Rakstā aplūkoti arī starptautiskie nolīgumi terorisma ierobežošanai un to nozīme vienotas terorisma ierobežošanas juridiskās bāzes izveidei atsevišķas valsts ietvaros un starptautiskā mērogā.

INFORMĀCIJAS PAR PERSONAS SODĀMĪBU KRIMINĀLLIETĀS APSTRĀDE IZMEKLĒŠANAS VAJADZĪBĀM

Mg. iur. Jānis Kāršenieks,

Daugavpils Universitātes doktora studiju programmas

“Juridiskā zinātne” doktorants, Latvija

Abstract

In the paper, the author analyzes the personal data protection problems of the individuals for investigative purposes in the context of operational actions. In order to understand the essence of the problem, the author of the paper, using legislation and judicial practice, analyzes the essence of the personal data (data relating to criminal offenses, criminal convictions) protection rights to of individuals, the procedure for conducting criminal procedure and operational actions and the necessary amount personal data information.

The scientific basis of the research is the normative acts regulating both subjects of research, and judicial practice.

The paper addresses the issues, which that have not previously been investigated. The research specifies the criteria, rules and principles, which have to be considered and applied in practice when processing information on individuals' criminal record for investigative purposes in a operational actions' context.

The aim of the paper is to investigate the guidelines for the protection of natural persons in criminal proceedings while processing information on criminal convictions. The tasks of the investigation are as follows: to analyze the prerequisites for the personal data lawfulness's processing relating to criminal convictions in the framework of criminal proceedings and operational activities; to identify the cases, in which the criminal prosecutors are entitled to obtain information on a person's criminal record. The following research methods have been used in the paper: analytical, comparative, inductive, deductive and logical methods.

<http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4299>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Keywords: personal data protection, investigative purposes, criminal procedure, operational actions.

Ievads

Noziedzīgu nodarījumu novēršana, atklāšana un izmeklēšana nav iedomājama bez datu subjekta personas datu apstrādes. Izmeklēšanas iestādes minēto nolūku sasniegšanai veic Kriminālprocesa likumā¹ (turpmāk – KPL) paredzētās procesuālās darbības, kas nepieciešamas ziņu par faktiem iegūšanai un nostiprināšanai kriminālprocesuālajā kārtībā un formā. Minētās ziņas, kā personas datus saturošas informācijas kopums, kas sastāv no personas datiem un pierādīšanas priekšmetā ietilpstošiem apstākļiem, tiek izmantoti kā pierādījumi kādas personas rīcības izvērtēšanai un noziedzīga nodarījuma sastāva esamības vai neesamības pamatošanai.

Vienlaikus Krimināllikumā² (turpmāk – KL) un KPL noteiktajā kārtībā, gadījumos un apjomā tiek iegūta arī tāda datu subjekta personību raksturojoša informācija, kas tiek izmantota, nosakot soda veidu un apmēru; lemjot jautājumu par: nosacītu notiesāšanu, nosacītu pirmstermiņa atbrīvošanu no soda, audzinoša rakstura piespiedu līdzekļu piemērošanu nepilngadīgajiem, izvēloties drošības līdzekli, atbrīvojot notiesāto no turpmākas soda izciešanas sakarā ar slimību, piemērojot ar brīvības atņemšanu nesaistītu drošības līdzekli izdodamai personai u.c. Tomēr ne KL, ne arī KPL nesniedz izvērstāku skaidrojumu un tās konkrētu personu raksturojošās pazīmes, kas jāievēro iepriekš minētajos gadījumos. Izvērtējot tiesu praksi, var secināt, ka viena no personību raksturojošām ziņām ir personas iepriekšēja sodāmība.

Valsts policijā, civildienestā Datu valsts inspekcijā un profesionālajā darbībā zvērinātu advokātu birojā saskaramies ar faktu, ka ir visai ļoti izplatīta izmeklēšanas iestāžu, tai skaitā Valsts policijas darbinieku rīcība, iegūstot informāciju par sodāmību krimināllietās, lai konstatētu pārbaudāmās personas jebkādu saistību ar izmeklējamo noziedzīgo nodarījumu. Šāda prakse ir pārņemta vēl no padomju laikiem, kad šāda veida personas datus saturoša informācija tika iegūta bez iepriekš un skaidri noteikta tās izmantošanas nolūka, ar domu, ka tā kādreiz, iespējams, noderēs.

Pētījuma mērķis ir izpētīt fizisko personu datu aizsardzības pamatnostādnes kriminālprocesā, apstrādājot informāciju par

sodāmību krimināllietās. Pētījuma uzdevumi: analizēt personas datu, kuri attiecas uz sodāmību krimināllietās apstrādes tiesiskuma priekšnoteikumus kriminālprocesā un operatīvās darbības ietvaros; identificēt gadījumus, kad kriminālprocesu veicošās amatpersonas ir tiesīgas iegūt informāciju par personas sodāmību. Pētījuma metodes: analīzes, komparatīvā, induktīvā, deduktīvā un loģiskā metode.

Datu par sodāmību apstrādes tiesiskie aspekti

Jebkurai personas datus saturošai informācijai ir datu aizsardzības priekšnoteikumi. Izņēmumi nav noteikti arī informācijai par personas sodāmību, neatkarīgi no tā, vai sodāmība ir noņemta vai dzēsta. Lai datu apstrāde kopumā būtu atbilstoša datu aizsardzības prasībām, ir jāievēro vairāki priekšnoteikumi. Turklāt atsevišķām personas datu kategorijām, piemēram, īpašu kategoriju personas datiem³ piemīt lielāks datu aizsardzības līmenis. Šādi personas dati atklāj rases vai etnisko piederību, politiskos uzskatus, reliģisko vai filozofisko pārliecību vai dalību arodbiedrībās. Šādiem datiem atbilst arī ģenētisko datu, biometrisko datu apstrāde nolūkā veikt fiziskas personas viennozīmīgu identifikāciju, vai tādu datu apstrāde, kas attiecas uz veselību vai uz fiziskas personas dzimumdzīvi vai seksuālo orientāciju. Šis aizsardzības līmenis ir augstāks nekā citiem tā saucamiem “parastajiem” personas datiem, proti, jebkurai informācijai, kas attiecas uz identificētu vai identificējamu fizisku personu. Identificējama fiziskā persona ir tāda, kuru var tieši vai netieši identificēt, jo īpaši atsaucoties uz identifikatoru, piemēram, minētās fiziskās personas vārdu, uzvārdu, identifikācijas numuru, atrašanās vietas datiem, tiešsaistes identifikatoru vai vienu vai vairākiem minētajai fiziskajai personai raksturīgiem fiziskās, fizioloģiskās, ģenētiskās, garīgās, ekonomiskās, kultūras vai sociālās identitātes faktoriem⁴.

Vienlaikus jāatzīmē, ka personas datu apstrādei jāpiemēro noteikumi, kas noteikti arī Eiropas Padomes 1981. gada 28. janvāra Konvencijā par personu aizsardzību attiecībā uz personas datu automātisko apstrādi (turpmāk – 108. konvencija). 2018. gada 18. maijā šajā konvencijā tika izdarīti grozījumi⁵ (Protokols CETS Nr. 223) ar mērķi līdzsvarot konvencijas un Vispārīgās datu aizsardzības regulas⁶ (turpmāk – Regula) prasības. Līdz ar to pašreiz 108. konvencijas 6. panta 1. punkts paredz, ka par īpašām datu kategorijām

jāuzskata dati, kas attiecas uz likumpārkāpumiem, kriminālprocesu un notiesāšanām, kā arī saistītajiem drošības pasākumiem, un ka tos var apstrādāt tikai tad, ja tiesību aktos ir paredzēti atbilstoši aizsardzības pasākumi, ar ko papildina konvencijā paredzētos pasākumus⁷. Savukārt 108. konvencijas 6. panta 2. punktā norādīts, ka *“ar minētajiem pasākumiem nodrošina aizsardzību pret riskiem, kādus sensitīvo datu apstrāde varētu radīt datu subjekta interesēm, tiesībām un pamatbrīvībām, īpaši pret diskriminācijas risku”*⁸. Līdz ar to var pamatoti uzskatīt, ka 108. konvencija īpaši uzsver, ka datu apstrādei saistībā ar fizisko personu likumpārkāpumiem ir jānotiek, nodrošinot īpašus datu aizsardzības pasākumus, jo šāda apstrāde rada lielākus riskus fiziskajām personām jeb datu subjektiem, salīdzinot ar citu personas datu apstrādi.

Eiropas Parlamenta un Padomes 2016. gada 27. aprīļa Direktīvas (ES) 2016/680 par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi, ko veic kompetentās iestādes, lai novērstu, izmeklētu, atklātu noziedzīgus nodarījumus vai sauktu pie atbildības par tiem vai izpildītu kriminālsodus, un par šādu datu brīvu apriti, ar ko atceļ Padomes Pamatlēmumu 2008/977/TI (turpmāk – Policijas direktīva) 37. apsvērumā⁹ akcentēts, ka informāciju par personas sodāmību saturošiem personas datiem, ir īpašāka un lielāka datu aizsardzība pakāpe¹⁰ un datu apstrādē tiek īstenotas atbilstošas garantijas.

Ne Policijas direktīva, ne arī Regula neprecizē “atbilstošu garantiju” jēdziena izpratni. Savukārt 2018. gada 18. maija Protokolam CETS Nr. 223, ar kuru grozīta 108. konvencija, ir pievienots Paskaidrojuma raksts, kas precizē “atbilstošu aizsardzības pasākumu” jēdzienu 108. konvencijas izpratnē, proti, lai būtu pieļaujama īpašu datu kategoriju apstrāde, šiem pasākumiem jābūt paredzētiem tiesību aktos, t. sk. konkrētajā gadījumā tā ir datu iegūšana, aplūkošana un izmantošana izmeklēšanas vajadzībām. Minētais Paskaidrojuma raksts ir Protokola CETS Nr. 223 neatņemama sastāvdaļa, un tā 56. punkts¹¹ paredz, ka atbilstošajiem aizsardzības pasākumiem ir jābūt pielāgotiem attiecīgajiem datu subjekta interešu apdraudējuma riskiem, un aizsardzības pasākumi, piemēram, var būt:

- datu subjekta nepārprotama piekrišana apstrādei, t.sk. iegūšanai un izmantošanai;
- tiesību akti, kuros ir paredzēts apstrādes mērķis un apstrādes līdzekļi;
- atsevišķu izņēmumu gadījumu noteikšana, kad var notikt

- apstrāde (t. sk. iegūšana un izmantošana);
- pienākums ievērot dienesta noslēpumu;
- līdzekļi, kuru ieviešana tiek identificēta, veicot riska analīzi;
- konkrēti un atbilstoši organizatoriskie un tehniskie drošības pasākumi (piemēram, datu šifrēšana).

Līdzīga nostādne uzsvērta arī Policijas direktīvas 37. apsvērumā.

Viens no tādiem aizsardzības pasākumiem informācijas par personas sodāmībām pienācīgai aizsardzībai atbilstoši Satversmes tiesas praksē¹² nostiprinātajām atziņām, pamatojoties uz Latvijas Republikas Satversmes (turpmāk – Satversme) 116. pantu, ir precīzs likuma definējums, kuras personas, kādos gadījumos, kādā veidā un kādam mērķim ir tiesīgas šādu datu apstrādi veikt, piemēram, apstrāde var būt veikta datu subjektu tiesību īstenošanai.

Saskaņā ar Policijas direktīvas 3. panta 2. punktu personas datu apstrāde ir jebkura ar personas datiem veikta darbība, tajā skaitā, personas datu vākšana, aplūkošana, glabāšana, izmantošana, nodošana u. tml.¹³ Ņemot vērā minēto, kā arī Satversmes tiesas 2010. gada 18. februāra spriedumā lietā Nr. 2009-74-01 un 2011. gada 14. marta spriedumā lietā Nr. 2010-51-01 norādīto, secināms, ka minētās prasības jāievēro ne vien attiecībā uz datu nodošanu, bet gan uz jebkuru personas datu apstrādes posmu, tajā skaitā vākšanu un izmantošanu. Proti, lai Valsts policija kā datu pārzinis varētu veikt datu subjekta personas datu, tai skaitā personas datu, kuri attiecas uz noziedzīgiem nodarījumiem, sodāmību krimināllietās, apstrādi noteiktajā apjomā un veidā izmeklēšanas vajadzībām, tad šim datu apstrādes apjomam, veidam un gadījumiem jābūt noteiktiem likumā, kā tas izriet no Policijas direktīvas 10. panta.

Turpmāk, pētot datu apstrādes tiesiskos aspektus un juridiskās nianšes, analizēsim un izvērtēsim datu par personas sodāmību apstrādes praktisku piemēru.

No administratīvā procesa lietas Nr. A420315117 materiāliem izriet, ka policijas darbinieki G.S. un G.K., būdami procesa virzītāji (izmeklētāji) vienā kriminālprocesā, veica datu subjekta personas datu apstrādi, pārbaudot par šo personu Iekšlietu ministrijas Informācijas centra uzturētajā informācijas sistēmā pieejamo informāciju kriminālprocesa vajadzībām, lai noskaidrotu izmeklēšanai nepieciešamos datus (noziedzīga nodarījuma izdarīšanā iesaistīto personu loku).

No administratīvo tiesu prakses izriet, ka pirmstiesas

kriminālprocesa veikšana būtībā ir valsts pārvaldes darbība. Tomēr kriminālprocesuālās darbības un to kontroli likumdevējs ir regulējis KPL, izslēdzot no APL regulējuma. Tādējādi kriminālprocesuālās darbības nav pārsūdzamas administratīvā procesa kārtībā¹⁴. KPL 2. panta pirmā daļa paredz, ka kriminālprocesu nosaka Satversme, starptautiskās tiesību normas un KPL. No minētā izriet, ka kriminālprocesuālās darbības tieši reglamentējošs likums ir tikai un vienīgi KPL.

To, kāda darbība uzskatāma par kriminālprocesuālu darbību, nosaka KPL, proti, kriminālprocesuāla darbība ir tāda darbība, kas regulēta KPL.

KPL 10. nodaļā noteiktas visas izmeklēšanas darbības, kuras pieļaujamas, veicot izmeklēšanu kriminālprocesā, savukārt KPL 11. nodaļā norādītas speciālās izmeklēšanas darbības¹⁵. Ņemot vērā KPL 10. un 11. nodaļā noteikto, kā arī Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Krimināllietu departamenta 2012. gada 31. maija lēmumā lietā SKK – 93/2012 (Krimināllieta Nr. 11250019007) sniegto atziņu, konstatējams, ka Valsts policijas [...] inspektora G.S. rīcība, 2017. gada 10. janvārī pieprasot informāciju no LR IeM IC IIIS par datu subjektu, lai noskaidrotu izmeklēšanai nepieciešamos datus kriminālprocesā Nr.12240001016, kā arī Valsts policijas [...] inspektora G.K. rīcība, 2017. gada 22. martā pieprasot datu subjekta personas datus no datu bāzēm: Personu datu pārlūka (PDP) un Integrētās informācijas sistēmas (IIIS WEB), tai skaitā par datu subjekta sodāmībām, lai apzinātu visu iesaistīto personu loku izdarītajā noziedzīgajā nodarījumā, par kura izdarīšanu tika uzsākts kriminālprocess Nr. 12240001016, nav atzīstamas par kriminālprocesuālajām darbībām, jo šāda darbība nav iekļauta iepriekš minētajās KPL nodaļās atsevišķi un KPL kopumā. Pie tāda paša secinājuma nonāca arī tiesa¹⁶.

Autora ieskatā KPL paredz tikai un vienīgi divus gadījumus, kad procesa virzītājs ir tiesīgs iegūt informāciju par personas sodāmību, proti, veicot kriminālprocesuālās darbības. Kriminālprocesa likuma 150. panta pirmā daļa nosaka, ka: *“Personas, kurai ir tiesības uz aizstāvību, pirmās pratināšanas sākumā noskaidro personas biogrāfiskās ziņas – dzimšanas vietu un laiku, pilsonību, izglītību, ģimenes stāvokli, darba vai mācību vietu, nodarbošanās veidu vai amatu, dzīvesvietu, sodāmību, ja vien šīs ziņas konkrētajā kriminālprocesā jau nav noskaidrotas”*. Kriminālprocesa likuma

302. panta pirmā daļa noteic, ka: *“Procesa virzītājs ierosinājumā par speciālās procesuālās aizsardzības noteikšanu norāda apdraudētās personas vārdu, uzvārdu, personas kodu (ja tā nav, – dzimšanas gadu un datumu), pilsonību, dzīvesvietu un darbavietu, izglītību, ģimenes stāvokli, apgādājamus, ziņas par sodāmību”*.

Būtiskākais apstāklis šajā administratīvajā lietā ir tas, ka kriminālprocesā Nr.12240001016 datu subjekts nebija kriminālprocesā iesaistītā persona. Attiecīgais kriminālprocess tika uzsākts pret datu subjekta radnieku. Konkrētā kriminālprocesa ietvaros datu subjekts netika iesaistīts nekādās kriminālprocesuālajās darbībās, proti, kriminālprocesa virzītājs pret datu subjektu nebija veicis nekādas KPL 10. un 11. nodaļā minētās izmeklēšanas darbības (datu subjekts netika pratināts utt.). Iepriekš minēto apliecina arī tas, ka kriminālprocesa lietas materiālos nebija neviena procesuāla dokumenta, kurā būtu fiksētas jebkāda veida izmeklēšanas darbības ar datu subjekta līdzdalību.

Vienlaikus, izvērtējot Administratīvās apgabaltiesas 2019. gada 12. februāra spriedumu lietā Nr. A420315117, secināms, ka tiesa šo Valsts policijas [...] inspektora G.S. un inspektora G.K. rīcību atzina par atbilstošu likumam, jo tā apgabaltiesas ieskatā tika veikta Operatīvās darbības likuma¹⁷ ietvaros. Šāds tiesas secinājums autora ieskatā, ņemot vērā nākamajā apakšsadaļā sniegto argumentāciju, ir atzīstams par kļūdainu, jo minētā policijas darbinieku rīcība nebija atbilstoša ne Operatīvās darbības likuma, ne arī datu apstrādes tiesiskuma priekšnoteikumiem un datu apstrādes pamatprincipiem.

Datu par sodāmību apstrāde operatīvās darbības kontekstā

No administratīvās lietas materiāliem secināms, ka G.S. bija kriminālprocesa virzītājs (izmeklētājs) laika posmā no 2017. gada 10. janvāra līdz 2017. gada 15. martam, savukārt G.K. bija kriminālprocesa virzītājs (izmeklētājs) sākot ar 2017. gada 15. martu. No minētā izriet, ka G.S. un G.K. attiecīgajā kriminālprocesā bija kriminālprocesa virzītāji (izmeklētāji), nevis operatīvās darbības subjektu amatpersonas.

KPL 27., 28. un 29. pantā un ir noteikts procesa virzītāja un izmeklētāja jēdziens, pilnvaras. No minētajām normām secināms, ka likumdevējs procesa virzītājiem (izmeklētājiem) nav deleģējis operatīvo darbību veikšanu vienlaikus ar izmeklēšanu kriminālprocesā. Tas vienlaikus būtu pretrunā arī ar Operatīvās darbības likuma 24. panta ceturto daļu¹⁸.

Operatīvā darbība¹⁹ veicama tikai un vienīgi Operatīvās darbības likumā (turpmāk – ODL) noteiktajā kārtībā un gadījumos. Saskaņā ar Operatīvās darbības likuma 1. pantu operatīvā darbība ir ODL noteiktajā kārtībā ar likumu īpaši pilnvarotu valsts institūciju amatpersonu atklātas un slepenas tiesiskas darbības, kuru mērķis ir aizsargāt personu dzīvību un veselību, tiesības un brīvības, godu, cieņu un īpašumu; nodrošināt Satversmi, valsts iekārtu, valstisko neatkarību un teritoriālo neaizskaramību, valsts aizsardzības, ekonomisko, zinātnisko un tehnisko potenciālu un valsts noslēpumus pret ārējiem un iekšējiem apdraudējumiem.

Operatīvās darbības principi, process un pamatojums operatīvās darbības pasākumu uzsākšanai un veikšanai ir noteikts attiecīgi Operatīvās darbības likuma 4., 18. un 19. pantā. Operatīvās darbības pamatprincipi liedz pat uzsākt operatīvo pasākumu veikšanu, ja uzsāktajā kriminālprocesā procesa virzītājs ar kriminālprocesuālajām darbībām un citiem KPL vai citos procesuālajos likumos noteiktajiem līdzekļiem un metodēm var atklāt, novērst noziedzīgu nodarījumu vai noskaidrot noziedzīgu nodarījumu izdarījušo personu un pierādījumu avotu.

Valsts policijas inspektoriem G.S. un G.K., lai noskaidrotu izmeklēšanai nepieciešamos datus un lai apzinātu visu iesaistīto personu loku izdarītajā noziedzīgajā nodarījumā kriminālprocesā Nr. 12240001016, bija jāveic kriminālprocesuālās darbības, tai skaitā KPL 10. un 11. nodaļā noteiktās izmeklēšanas darbības, nevis jāpieprasa no valsts informācijas sistēmām informāciju par datu subjektu, tai skaitā personas datus, kuri attiecas uz noziedzīgiem nodarījumiem, sodāmību krimināllietās. Jebkāda veida ieraksts un informācija no valsts informācijas sistēmas par konkrētas personas dzīvesvietas adresi, valstisko piederību u. c. informāciju, kā arī informāciju par šīs personas sodāmību, neliecina un nepierāda to, ka šī pārbaudāma persona ir saistīta ar izmeklējamu noziedzīgu nodarījumu.

Pamatojoties uz Operatīvās darbības likuma 4. panta ceturto daļu, secināms, ka kriminālprocesa virzītājs nav tiesīgs uzdot operatīvās darbības subjekta amatpersonai veikt operatīvās darbības pasākumus uzsāktajā kriminālprocesā noziedzīgā nodarījuma izdarīšanā iesaistīto personu noskaidrošanā, ja attiecīgo nolūku iespējams sasniegt ar kriminālprocesuālajām darbībām, metodēm un līdzekļiem. Minētais sasauca arī ar KPL 12. pantu, kurā tai skaitā ir noteikts, ka kriminālprocesu veic, ievērojot starptautiski atzītās cilvēktiesības un

nepieļaujot neattaisnotu kriminālprocesuālo pienākumu uzlikšanu vai nesamērīgu iejaukšanos personas dzīvē, kā arī procesa virzītājam ir pienākums aizsargāt datu subjekta tiesības uz privātās dzīves neaizskaramību, proti, iegūt un izmantot ziņas var tikai tad, ja tas ir nepieciešams pierādāmo apstākļu noskaidrošanai.

Vienlaikus analizētajā administratīvā procesa lietā nav nekādu tiešu vai netiešu pierādījumu tam, ka datu subjekta personas datu apstrāde abos minētajos gadījumos būtu veikta operatīvās darbības ietvaros, neskatoties uz to, ka abu policijas darbinieku faktiskā rīcība formāli atbilst operatīvās izziņāšanas²⁰ jēdzienam, proti, veicot operatīvo uzziņu²¹. Šo faktu apstiprina arī fakts, ka pretēji Operatīvās darbības likuma 18. panta pirmajai daļai ziņas par attiecīgajām darbībām netika fiksētas dienesta dokumentos. Saskaņā ar Operatīvās darbības likuma 18. panta pirmās daļas otro teikumu šādas darbības un to rezultāti fiksējami dienesta dokumentos, kas noformējami atbilstoši šā likuma, likuma "Par valsts noslēpumu", Informācijas atklātības likuma un citu informācijas aizsardzību regulējošo normatīvo aktu prasībām. Lietas ietvaros uz operatīvās darbības norisi nav norādījis arī atbildētājs – Valsts policija.

Secinājumi

Kriminālprocesā informācija par personas sodāmību krimināllietās ir apstrādājama tikai likumā noteiktajos gadījumos un tajā noteiktajā kārtībā. KPL neparedz, ka noziedzīga nodarījuma izdarīšanā iesaistītās personas noskaidrošanā ir iegūstama konkrētas pārbaudāmās personas informācija par sodāmību. Šāda nolūka sasniegšanai procesa virzītājam ir jāveic kriminālprocesuālās darbības, tai skaitā KPL 10. un 11. nodaļā noteiktās izmeklēšanas darbības, nevis jāpieprasa no valsts informācijas sistēmām informācija par datu subjektu, tai skaitā personas dati par noziedzīgiem nodarījumiem, sodāmību krimināllietās, kas būtība ir operatīvā izziņāšana.

Vienlaikus konstatējams, ka arī operatīvās darbības pamatprincipi būtībā liedz pat uzsākt operatīvās darbības pasākumu veikšanu (operatīvo izziņāšanu), ja uzsāktajā kriminālprocesā procesa virzītājs ar kriminālprocesuālajām darbībām un citiem KPL vai citos procesuālajos likumos noteiktajiem līdzekļiem un metodēm var atklāt, novērst noziedzīgu nodarījumu vai noskaidrot noziedzīgu nodarījumu izdarījušo personu un pierādījumu avotu.

Atsauces

- ¹ Kriminālprocesa likums. 21.04.2005. likums/LV, 74 (3232), 11.05.2005.; Ziņotājs, 09.06.2005.
- ² Krimināllikums. 17.06.1998. likums/LV, 199/200 (1260/1261), 08.07.1998.; Ziņotājs, 04.08.1998.
- ³ Sk. Eiropas Parlamenta un Padomes Direktīvas (ES) 2016/680 (2016. gada 27. aprīlis) par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi, ko veic kompetentās iestādes, lai novērstu, izmeklētu, atklātu noziedzīgus nodarījumus vai sauktu pie atbildības par tiem vai izpildītu kriminālsodus, un par šādu datu brīvu apriti, ar ko atceļ Padomes Pamatlēmumu 2008/977/TI 10. pantu.
- ⁴ Sk. Eiropas Parlamenta un Padomes Direktīvas (ES) 2016/680 (2016. gada 27. aprīlis) par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi, ko veic kompetentās iestādes, lai novērstu, izmeklētu, atklātu noziedzīgus nodarījumus vai sauktu pie atbildības par tiem vai izpildītu kriminālsodus, un par šādu datu brīvu apriti, ar ko atceļ Padomes Pamatlēmumu 2008/977/TI 3. panta 1. punktu.
- ⁵ Protocol amending the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. Pieejams: <https://rm.coe.int/16808ac918> [Apskatīts: 05.04.2019.].
- ⁶ Eiropas Parlamenta un Padomes 2016. gada 27. aprīļa regula (ES) 2016/679 par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi un šādu datu brīvu apriti un ar ko atceļ Direktīvu 95/46/EK (Vispārīgā datu aizsardzības regula) (turpmāk - Regula). Eiropas Savienības Oficiālais Vēstnesis. 4.5.2016. L 119/1.
- ⁷ Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data as it will be amended by its Protocol CETS No. 223 (*Konvencija par personu aizsardzību attiecībā uz personas datu automātisko apstrādi ar grozījumiem saskaņā ar Protokolu EPLS Nr. 223*), Article 6 (1). Pieejams: <https://rm.coe.int/16808ade9d>. [Apskatīts: 05.04.2019.].
- ⁸ Ibid. [Apskatīts: 05.04.2019.].
- ⁹ Eiropas Parlamenta un Padomes Direktīvas (ES) 2016/680 (2016. gada 27. aprīlis) par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi, ko veic kompetentās iestādes, lai novērstu, izmeklētu, atklātu noziedzīgus nodarījumus vai sauktu pie atbildības par tiem vai izpildītu kriminālsodus, un par šādu datu brīvu apriti, ar ko atceļ Padomes Pamatlēmumu 2008/977/TI, 37. apsvērumā noteikts, ka personas datiem, kas pēc sava rakstura ir īpaši sensitīvi saistībā ar pamattiesībām un pamatbrīvībām, pienākas īpaša aizsardzība, jo to apstrādes konteksts varētu radīt nopietnu risku pamattiesībām un pamatbrīvībām. Minētajiem personas datiem būtu jāaptver personas dati, kuri atklāj rases vai etnisko piederību, turklāt termina “rases piederība” izmantošana šajā direktīvā nenozīmē, ka Savienība atzīst teorijas, ar kuru palīdzību notiek mēģinājumi noteikt dažādu cilvēku rasu pastāvēšanu. Šādi personas dati nebūtu jāapstrādā, izņemot gadījumus, kad uz apstrādi attiecas atbilstošas likumā noteiktas garantijas attiecībā uz datu subjektu tiesībām un brīvībām un kad tā ir atļauta likumā atļautos gadījumos; vai – ja tā vēl nav

- šādā likumā atļauta – gadījumos, kad apstrāde ir vajadzīga datu subjekta vai citas personas vitālu interešu aizsardzībai, vai ja apstrāde attiecas uz datiem, kurus datu subjekts acīmredzami ir publiskojis. Atbilstošas garantijas attiecībā uz datu subjektu tiesībām un brīvībām varētu aptvert iespēju vākt minētos datus tikai saistībā ar citiem datiem par attiecīgo fizisko personu, iespēju turēt savāktos datus pienācīgā drošībā, noteikt stingrākus noteikumus attiecībā uz kompetentās iestādes darbinieku piekļuvi datiem un aizliegumu nosūtīt minētos datus. Šādu datu apstrāde būtu arī jāatļauj likumā, ja datu subjekts nepārprotami ir piekritis apstrādei, kura ir īpaši dziļa iejaukšanās tā dzīvē. Tomēr datu subjekta piekrišanai pašai par sevi nebūtu jākalpo par juridisko pamatu šādu sensitīvu personas datu apstrādei kompetentajās iestādēs.
- ¹⁰ Šāda datu apstrāde ir atļauta tikai tad, kad tas ir absolūti nepieciešams, uz to attiecas atbilstošas garantijas attiecībā uz datu subjekta tiesībām un brīvībām, un: tas ir atļauts Savienības vai dalībvalsts tiesībās; lai aizsargātu vitālas datu subjekta vai citas fiziskas personas intereses; vai šāda apstrāde attiecas uz datiem, kurus datu subjekts acīmredzami ir publiskojis. Sk. Eiropas Parlamenta un Padomes Direktīvas (ES) 2016/680 (2016. gada 27. aprīlis) par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi, ko veic kompetentās iestādes, lai novērstu, izmeklētu, atklātu noziedzīgus nodarījumus vai sauktu pie atbildības par tiem vai izpildītu kriminālsodus, un par šādu datu brīvu apriti, ar ko atceļ Padomes Pamatlēmumu 2008/977/TI 10. pantu.
- ¹¹ Explanatory Report to the Protocol amending the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. Pieejams: <https://rm.coe.int/cets-223-explanatory-report-to-the-protocol-amending-the-convention-convention-fo/16808ac91a> [Apskatīts: 05.04.2019.].
- ¹² Satversmes tiesa 2010. gada 18. februāra spriedumā lietā Nr.2009-74-01 norāda, ka Satversmē noteiktās pamattiesības var ierobežot, ja vien ierobežojums ir noteikts ar pienācīgā kārtā pieņemtu likumu, tam ir leģitīms mērķis un tas ir samērīgs. Satversmes tiesas 2011. gada 14. marta spriedumā lietā Nr.2010-51-01 norādīts, ka tiesību aktiem, kuros nosaka personas datu aizsardzības garantijas, ir jāatbilst datu aizsardzības jomas principiem, tajos jāparedz skaidrs mērķis, kura dēļ informācija par personu ir sniedzama, un jānosaka pēc iespējas nepārprotams šīs informācijas apstrādes nolūks, kā arī sniedzamās informācijas apjoms un veids.
- ¹³ Sk. vairāk: Eiropas Parlamenta un Padomes Direktīvas (ES) 2016/680 (2016. gada 27. aprīlis) par fizisku personu aizsardzību attiecībā uz personas datu apstrādi, ko veic kompetentās iestādes, lai novērstu, izmeklētu, atklātu noziedzīgus nodarījumus vai sauktu pie atbildības par tiem vai izpildītu kriminālsodus, un par šādu datu brīvu apriti, ar ko atceļ Padomes Pamatlēmumu 2008/977/TI 3. panta 2. punktu.
- ¹⁴ Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Administratīvo lietu departamenta 2010. gada 21. maija lēmums lietā Nr. SKA – 528/2010.
- ¹⁵ Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Krimināllietu departamenta 2012. gada 31. maija lēmums lietā SKK –93/2012 (Krimināllietā Nr. 11250019007).
- ¹⁶ Sk. Sprieduma 14. punkta 5. rindkopu.
- ¹⁷ Operatīvās darbības likums. 16.12.1993. likums/LV, 131, 30.12.1993.; Ziņotājs, 13.01.1994.

- ¹⁸ Operatīvās darbības likuma 24. panta ceturtā daļa: “Ja kriminālprocesā kā pierādījumu izmanto operatīvās darbības pasākumā iegūto informāciju vai šāda informācija tiek izmantota, sagatavojot un veicot izmeklēšanas darbības kriminālprocesā, pēc kriminālprocesa virzītāja pieprasījuma ar šajā operatīvās darbības procesā iegūto informāciju, kas attiecas uz pierādīšanas priekšmetu vai izmeklēšanas darbību sagatavošanu un veikšanu, jāiepazīstina kriminālprocesa virzītājs”.
- ¹⁹ Operatīvās darbības likuma 1. pants: “Operatīvā darbība ir šajā likumā noteiktajā kārtībā un ar likumu īpaši pilnvarotu valsts institūciju amatpersonu atklātas un slepenas tiesiskas darbības, kuru mērķis ir aizsargāt personu dzīvību un veselību, tiesības un brīvības, godu, cieņu un īpašumu; nodrošināt Satversmi, valsts iekārtu, valstisko neatkarību un teritoriālo neaizskaramību, valsts aizsardzības, ekonomisko, zinātnisko un tehnisko potenciālu un valsts noslēpumus pret ārējiem un iekšējiem apdraudējumiem”.
- ²⁰ Operatīvās darbības likuma 9. panta pirmā daļa paredz, ka: “Operatīvā izziņāšana ir operatīvās darbības subjektu amatpersonu atklāta vai maskēta darbība, kuras gaitā, izmantojot operatīvo aptauju, operatīvo uzziņu, operatīvo datu iegūšanu no elektronisko sakaru komersantiem, operatīvo noskaidrošanu un operatīvo ziņu iegūšanu no kredītiestādēm vai finanšu iestādēm, tiek iegūta informācija par faktiem, personām un lietām”.
- ²¹ Operatīvās informācijas vākšana par konkrētām personām. Sk. Operatīvās darbības likuma 9. panta otro daļu.

Аннотация

В статье автор анализирует проблематику защиты персональных данных физических лиц в следственных целях в контексте оперативных действий. Для того, чтобы понять суть проблемы, автор статьи при помощи законодательных норм и судебной практики анализирует суть права на защиту персональных данных (данных, которые относятся к уголовным преступлениям, уголовной судимости) физических лиц, порядок проведения уголовно-процессуальных и оперативных действий и необходимый объём содержащей персональные данные информации.

Научной базой данного исследования являются нормативные акты, регламентирующие предмет исследования, и судебная практика.

Данная статья затрагивает проблематику, которая ранее не была исследована. В статье указаны критерии, правила и принципы, которые нужно учитывать и применять в практике, обрабатывая информацию о судимости физических лиц в следственных целях в связи с оперативными действиями.

ТЕНДЕНЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

*Кандидат юридических наук Андрей Дедковский,
доцент, заведующий кафедрой адвокатуры
Международного университета «МИТСО», Беларусь*

Abstract

The paper deals with the problem of countering the illicit drug trafficking, psychotropic substances, their precursors and analogues in the Eurasian Economic Union countries. The authors, basing on the statistical data analysis, demonstrated an increase in the number of drug addicts; it is shown that drug addiction is a global problem nowadays. The constant increase of registered criminal acts related to drugs and their cross-border nature make it necessary to develop cooperation in combating the illicit distribution of drugs, harmonizing and unifying legal norms in this area, especially within the framework of the Eurasian Economic Union. A comparative legal analysis of the criminal law governing liability for drug trafficking in the EAEU countries shows the diversity of legislative structures in the key elements of the crimes under consideration. The issues of personal non-medical use liability, the subject of crimes, the criminalization of individual acts related to drug trafficking, should be the subject of discussion on developing a unified approach of criminal law to counter the analyzed crimes in the EAEU countries.

Keywords: drugs, psychotropic substances, precursors, analogues, trafficking, unification, liability, subject of crimes

Проблемы преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, приобретают в настоящее время все большую актуальность. Распространение наркотических средств в Республике Беларусь создает угрозу для здоровья населения, негативно влияет на демографические процессы.

<http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4303>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Распространение и употребление наркотиков, наркотизация населения в целом становятся общенациональной проблемой, относящейся к категории прямых угроз национальной безопасности.

Особая опасность преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, во многом определяется неблагоприятной тенденцией ее развития. Во всем мире происходит увеличение количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и Республика Беларусь не стала исключением.

Нарастающая наркотизация населения является глобальной проблемой современности, и мировое сообщество прилагает немало усилий, направленных на ее решение. При этом наиболее актуальной задачей признается установление системы жесткого контроля над легальностью оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов. Современное международное антинаркотическое законодательство стало складываться только в начале XX в. Вместе с тем на сегодняшний день создана достаточно эффективная система, обеспечивающая контроль за оборотом наркотиков на международном уровне, включающая более 12 многосторонних договоров и ряд других международных правовых актов. Наиболее значимыми являются: Конвенция ООН «О наркотических средствах» (заключена в Нью-Йорке 30 марта 1961 г.)¹; Конвенция ООН «О психотропных веществах» (заключена в Вене 21 февраля 1971 г.)²; Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» (заключена в Вене 20 декабря 1988 г.)³.

Установив уголовную ответственность за соответствующие деяния (незаконные изготовление, переработку, приобретение, хранение, перемещение наркотиков и т. д.), к основным конвенциям против незаконного оборота наркотиков присоединилось подавляющее большинство стран мира. Введение уголовной ответственности за указанные деяния было обусловлено остротой проблемы, связанной с нарастающей наркотизацией населения и наличием международно-правовых обязательств на уровне межгосударственных отношений. При этом уголовно-правовые меры противодействия наркопреступности за рубежом существенно различаются.

Высказанное утверждение справедливо и для государств бывшего СССР. Обращение к зарубежному опыту конструирования и применения указанных уголовно-правовых норм было вызвано необходимостью повышения эффективности белорусского уголовного закона в данной сфере. Кроме того, активные интеграционные процессы в рамках Евразийского экономического союза обуславливают необходимость координации уголовной политики государств-членов ЕАЭС⁴.

Об остроте проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков говорит и тот факт, что в настоящее время в Республике Беларусь отмечается устойчивая тенденция роста уровня потребления наркотиков. Так, за последние два десятилетия количество наркопотребителей, состоящих на наркологическом учете, увеличилось более чем в 20 раз. Согласно статистическим данным Министерства здравоохранения, в 2018 г. под наблюдением наркологической службы Беларуси находилось свыше 15,5 тыс. потребителей наркотиков, уровень наркотизации составлял 163 чел. на 100 тыс. населения, в настоящее время на учете, по официальным данным, состоит 15,6 тыс. лиц, страдающих наркоманией. При этом, определяя масштабы данной проблемы, необходимо делать поправку на высокий уровень латентности рассматриваемого явления: по оценкам одних экспертов, реальное число наркопотребителей в стране выше в десятки раз и может превышать 70 тыс. человек⁵. По оценкам МВД Республики Беларусь, количество лиц, употребляющих наркотики, в Беларуси может достигать 110 тыс. человек, а динамика увеличения количества больных наркоманией в республике составляет 500 – 700 человек в год. Таким образом, уровень наркотизации населения в Беларуси может составлять около 1,16 % (или 1 160 чел. на 100 тыс. населения).

Криминальную ситуацию в сфере незаконного оборота наркотиков иллюстрирует ряд статистических данных. По сравнению с 1990 г. к 2018 г. число зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками (ст. 327 – 332 УК Республики Беларусь), в Беларуси увеличилось более чем в 12 раз и составило 4 434 преступления (3,36 % общего массива преступлений)⁶.

Таким образом, коэффициент преступности, связанной

с незаконным оборотом наркотиков, в Республике Беларусь составляет 77,7 преступлений на 100 тыс. населения. По этому показателю Беларусь занимает второе место среди стран СНГ, на первом – Российская Федерация (174,5), далее следуют Кыргызстан (32,3 преступления на 100 тыс. населения), Армения (32,2), Казахстан (20,6 преступлений на 100 тыс. населения)⁷.

Постоянный рост количества криминальных деяний, связанных с наркотиками, их трансграничный характер обуславливают необходимость дальнейшего развития сотрудничества в борьбе с незаконным распространением наркотиков, гармонизации и унификации правовых норм в указанной сфере, особенно в рамках Евразийского экономического союза. Говоря о гармонизации и унификации, необходимо иметь в виду то, что в международных договорах государств-участников СНГ между их понятиями не делается различий, и рассматриваются они как взаимозаменяемые. В научной литературе отсутствует единый подход к пониманию указанных терминов⁸.

Мы будем придерживаться дифференцированного подхода, рассматривая унификацию как сближение правовых систем путем принятия единых международных норм (модельные законодательные акты (кодексы, законы) рекомендательного характера для формирования и осуществления согласованной законодательной деятельности государств), а гармонизацию – как процесс включения в правовые системы разных государств единообразных внутрисударственных норм.

Унификация законодательства стран СНГ в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков осуществляется рядом международных нормативных правовых актов, принятие которых обеспечило формирование единого правового пространства СНГ в области противодействия незаконному обороту наркотиков.

На современном этапе особый научный и практический интерес представляет обращение к анализу состояния гармонизации уголовного законодательства государств-участников ЕАЭС, направленного на борьбу с незаконным оборотом наркотиков⁹.

В Республике Беларусь уголовная ответственность за преступления, связанные с наркотиками, предусмотрена ст. 327

– 332 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Как уже указывалось ранее, группа названных деяний включена в гл. 29 «Преступления против здоровья населения». Тем самым в законодательном порядке определен их видовой объект: охраняемые уголовным законом общественные отношения, содержанием которых является нормальное (здоровое) психофизическое состояние больших групп людей или здоровье населения¹⁰.

В Российской Федерации уголовная ответственность за преступления, связанные с наркотиками, предусмотрена в гл. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» (разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»), где содержатся основные составы указанных преступлений (ст. 228 – 233 УК РФ)¹¹.

Одноименная гл. 25 об ответственности за преступления, связанные с наркотиками, предусмотрена в УК Республики Кыргызстан от 1 октября 1997 г. № 68. Она же входит в одноименный разд. IX (ст. 246 – 253 УК Кыргызстана)¹². В УК Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК ответственность за преступления, связанные с наркотиками, предусмотрена в гл. 11 «Уголовные правонарушения против здоровья населения и нравственности» (ст. 296 – 303 УК Казахстана)¹³. В УК Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № ЗР-528 ответственность за преступления, связанные с наркотиками, предусмотрена в гл. 26 «Преступления против здоровья населения» разд. 9 «Преступления против общественной безопасности, безопасности компьютерной информации, общественного порядка, общественной нравственности и здоровья населения» (ст. 266 – 274 УК Армении)¹⁴.

Предметом рассматриваемых преступлений по УК РФ выступают: наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (их части), при этом в качестве самостоятельного предмета рассматриваемых преступлений выступают растения, содержащие прекурсоры наркотических

средств или психотропных веществ, инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем и используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ. При этом отличительной чертой российского уголовного законодательства является то, что в нем декриминализован незаконный оборот:

- в размере, не составляющем значительный, без цели сбыта: наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (а именно незаконные – приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка), а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (а именно незаконные – приобретение, хранение, перевозка);
- в размере, не составляющем крупный, безотносительно цели сбыта: прекурсоров, а также растений либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (а именно незаконные – приобретение, хранение или перевозка (ст. 228.3 УК РФ), а равно производство, сбыт или пересылка (ст. 228.4 УК РФ)).

Обратимся к анализу предмета преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по УК Казахстана. Так, уголовная ответственность установлена за незаконный оборот: наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и аналогов наркотических средств и психотропных веществ, а также инструментов и оборудования, используемых для изготовления или переработки наркотических средств, психотропных веществ (к уголовно наказуемому незаконному обороту указанных инструментов и оборудования по УК Казахстана отнесены: изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка с целью сбыта, а равно незаконный сбыт), запрещенных к возделыванию растений или сортов конопли, мака или других растений, содержащих наркотические вещества (ответственность установлена за посев или выращивание, при этом она является весьма строгой, поскольку наступает независимо от цели сбыта, а также размера предмета преступления). К предмету отнесены рецепты или иные документы, дающие право на получение наркотических средств

или психотропных веществ (ответственность наступает в случае незаконной выдачи либо подделки).

Обращает на себя внимание указание в УК Казахстана наряду с прекурсорами наркотических средств или психотропных веществ и на такой предмет рассматриваемых преступлений, как «вещества, используемые для изготовления или переработки наркотических средств, психотропных веществ» (ч. 2 ст. 301 УК Казахстана криминализован сбыт или иные виды незаконного оборота при наличии цели сбыта).

УК Армении в качестве предмета анализируемых преступлений указывает:

- на наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры (если отсутствовал сбыт или цель сбыта, то ответственность наступает только при наличии как минимум значительного количества наркотиков);
- оборудование или инструменты, находящиеся под специальным контролем, используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (в случае нарушения правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки лицом, на которое возложена обязанность по соблюдению этих правил, если вследствие этого имели место хищение или незаконный оборот указанных материалов);
- запрещенные к возделыванию растения, содержащие наркотические, психотропные, сильнодействующие или ядовитые вещества (ответственность наступает только в случае, если размер указанных растений, участвовавших в незаконном обороте, являлся крупным);
- рецепты или иные документы, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ.

В УК Кыргызстана к предмету анализируемых преступлений отнесены:

- наркотические средства, психотропные вещества в небольших размерах (в случае их незаконных изготовления, приобретения, хранения, перевозки или пересылки без цели сбыта. При этом ответственность за данный вид преступления самая мягкая из всех сравниваемых УК, поскольку наступает только при наличии административной преюдиции);

- наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги либо прекурсоры; запрещенные к возделыванию наркотикосодержащие культуры в небольших размерах (ответственность наступает за посев или выращивание, совершенные повторно в течение года после применения мер административного взыскания за те же действия);
- инструменты или оборудование, используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящиеся под специальным контролем (ответственность наступает только в случае, когда наступила утрата указанных предметов по вине лица, в обязанности которого входит соблюдение указанных правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения, при их нарушении);
- рецепты или иные документы, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ.

В отличие от УК других государств в УК Республики Беларусь содержится указание на грибы, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (ст. 329) как на предмет рассматриваемых преступлений.

Более детально следует остановиться на понятии аналогов ввиду различия в законодательных трактовках в странах Евразийского экономического союза. Российский законодатель определяет аналоги как запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят.

Сравнивая указанное определение с определением, закрепленным в УК Беларуси, приходим к выводу о существенных различиях в трактовке. С учетом закрепленного в УК Республики Беларусь определения закон фактически требует осознания лицом химической формулы, где произведена

замена одного или двух атомов водорода на заместители атомов водорода. В этой связи возникает проблема возможности лица, осуществляющего действия с какими-либо веществами, не обладая специальными познаниями в области химии, сознавать, что это вещество является аналогом (предметом преступления). Современный подход к понятию аналогов в отечественном законодательстве приводит к тому, что процесс доказывания является крайне затруднительным.

Вместе с тем определение аналогов в российском законодательстве тоже не является идеальным. Так, российские исследователи данной проблемы отмечают, что с учетом имеющегося в законодательстве России определения отнести вещество к аналогам достаточно проблематично. Связано это с тем, что отсутствуют четкие подходы к определению схожести химической структуры. Возникают сложности и при определении схожести психоактивных свойств со свойствами конкретных наркотических средств, психотропных веществ.

С учетом изложенного полагаем, что закрепленное в настоящее время в белорусском законодательстве определение аналогов необходимо дополнить указанием на то, что эти вещества обладают психоактивными свойствами. Это позволит утверждать, что указанные в законе признаки предмета преступления осознаются лицом, осуществляющим незаконный оборот аналогов, ведь распространяются аналоги именно потому, что они оказывают на организм человека действие, схожее с действием наркотических средств и психотропных веществ, на что ориентируются и покупатель, и продавец. При этом актуальным остается и вопрос о гармонизации данного законодательного определения во всех странах Евразийского экономического союза.

Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что только УК Республики Беларусь закрепляет определение наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также веществ, используемых при изготовлении наркотических средств и психотропных веществ (прекурсоров). Полагаем, что такой подход может быть учтен и зарубежным законодателем при проведении работы по гармонизации правовых систем в рамках ЕАЭС.

С учетом необходимости дальнейшей гармонизации и

совершенствования норм УК государств-участников ЕАЭС, направленных против незаконного оборота наркотиков, актуальным представляется введение в составы соответствующих преступлений такого вида предмета, имеющегося в УК РФ, как растения (либо их части), содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ. Полагаем, что указание в уголовном законе Беларуси, Армении, Казахстана и Кыргызстана на данный вид растений будет способствовать более полному уголовно-правовому регулированию в рассматриваемой сфере. Аналогичное предложение необходимо внести и по криминализации незаконных действий относительно грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, так как в качестве предмета рассматриваемых преступлений они оцениваются только в УК Республики Беларусь (ст. 329).

Кроме того, только в УК Республики Беларусь не упоминается о таких предметах анализируемых преступлений, как инструменты или оборудование, используемые для изготовления или переработки наркотических средств, психотропных веществ. В ч. 4 ст. 328 УК Республики Беларусь упоминается лабораторная посуда или лабораторное оборудование, предназначенные для химического синтеза. Однако речь идет о квалифицирующем признаке – способе совершения преступления – изготовлении или переработке наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов с целью последующего сбыта с использованием лабораторной посуды или оборудования. Наиболее взвешенный подход к установлению уголовной ответственности за незаконный оборот данных предметов содержится в УК Республики Армения. Так, согласно ч. 1 ст. 267 УК Армении к рассматриваемым предметам преступления относятся только инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем, что предполагает наличие исчерпывающего перечня и исключает случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Что касается видов преступных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков, то тут законодатели рассматриваемых стран также не были единодушны. Так, только в УК Республики Беларусь (ст. 328-2) и Республики Казахстан (ч. 1 ст. 296) имеется такое преступление, как немедицинское потребление

наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в общественных местах. Вместе с тем уголовная ответственность за появление в общественном месте или нахождение на работе в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, предусмотрена только в УК Республики Беларусь (ст. 328-2).

В уголовном законодательстве Армении, Кыргызстана и Казахстана имеются пробелы, связанные с криминализацией незаконного оборота прекурсоров наркотических средств, психотропных веществ. Так, ни в одной из данных стран УК не устанавливает ответственность за хищение указанных предметов. Кроме того, в УК Армении и Кыргызстана не предусмотрена ответственность за незаконный оборот без цели сбыта прекурсоров наркотических средств, психотропных веществ. В УК Армении и Кыргызстана также не установлена уголовная ответственность за склонение к потреблению либо вовлечение в потребление аналогов, в то время как в Беларуси, Казахстане, России такая ответственность предусмотрена.

В уголовном законе Казахстана по сравнению с УК Армении и Кыргызстана не криминализованы незаконный оборот прекурсоров наркотических средств, психотропных веществ с целью сбыта, а также их пересылка и сбыт (в то время как незаконный оборот без цели сбыта криминализован). УК Казахстана не предусматривает ответственность и за хищение прекурсоров.

Специальной нормы об ответственности за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, не предусматривает только УК Республики Беларусь. Так, например, ст. 253 УК Республики Кыргызстан устанавливает уголовную ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ. При этом наиболее строгим видом наказания, предусмотренным за указанное деяние, является лишение свободы на срок до двух лет.

В Армении ответственность за незаконную выдачу уполномоченным лицом из корыстных либо иных личных

целей рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, предусмотрена в ст. 270 УК, наиболее строгое наказание – лишение свободы на срок до двух лет.

УК Российской Федерации за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, в ст. 233 предусматривает среди прочих видов наказаний и лишение свободы на срок до двух лет.

Наиболее строгая ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, установлена в УК Республики Казахстан: согласно ч. 5 ст. 322 наиболее строгим видом наказания является лишение свободы на срок до пяти лет.

Таким образом, хотя в рассмотренном случае речь не идет о пробеле в уголовно-правовом регулировании в Республике Беларусь, так как привлечение к ответственности за совершение указанных деяний возможно по ст. 379, 380, 427 УК Беларуси, тем не менее, представляется обоснованным рассмотрение вопроса о введении специальной нормы, предусматривающей указанные выше признаки. По нашему мнению, это будет способствовать дифференциации уголовной ответственности, более полному уголовно-правовому регулированию анализируемой сферы, соблюдению принципа законности¹⁵.

Интересен подход российского законодателя к определению незаконной пересылки наркотиков в системе деяний, составляющих их незаконный оборот. Только в УК Российской Федерации такое деяние рассматривается как действие, аналогичное сбыту, и включается в диспозицию ч. 1 ст. 228.1 УК наряду с незаконными сбытом и производством наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

Выводы

Таким образом, сравнительный анализ норм уголовного законодательства стран ЕАЭС, устанавливающих ответственность за незаконный оборот наркотических средств,

психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, позволяет сделать следующие выводы:

1. Развитие международного сотрудничества в противодействии незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов вместе с обменом информацией, поддержкой в уголовном преследовании, задержании лиц, причастных к совершению рассматриваемых преступлений, содействием в конфискации имущества и доходов, полученных преступным путем, предусматривает необходимость дальнейшей гармонизации национального законодательства государств – участников ЕАЭС.
2. Уголовное законодательство стран ЕАЭС в целом достаточно дифференцированно подходит к вопросу установления видов преступных деяний, форм и мер ответственности за совершение анализируемых преступлений. При этом в УК Российской Федерации содержится наиболее развернутая система уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, многие элементы которой могут быть использованы уголовным законодательством других стран ЕАЭС. В частности, острым является вопрос о гармонизации положений об уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков в связи с личным немедицинским их употреблением, отсутствующей в России и Армении, но имеющейся во всех других странах ЕАЭС.
3. Проблемные моменты в плане гармонизации существуют и при определении предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Так, в УК стран ЕАЭС используются разные термины, определяющие предмет данных преступлений и минимальные количественные пределы уголовной ответственности. Нет единства и в вопросе криминализации отдельных деяний, которые включаются законодателем в уголовно наказуемый незаконный оборот таких предметов преступлений (или, наоборот, исключаются). Кроме того, только УК Республики Беларусь закрепляет определение наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также веществ,

используемых при изготовлении наркотических средств и психотропных веществ (прекурсоров). Все перечисленные позиции требуют приложения дополнительных усилий, направленных на выработку единого подхода к проблеме предмета анализируемых преступлений в странах ЕАЭС.

4. В целом, право любой страны – часть ее национального достояния. Оно учитывает традиции, обычаи и является способом самовыражения социума. Вместе с тем преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, имеют характер международных и с учетом тесных интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, обусловивших интенсификацию процессов миграции населения, движения капитала, материальных средств, требуют выработки единого подхода в уголовном законодательстве стран ЕАЭС.

В совокупности реализация данных мер будет способствовать повышению эффективности противодействия рассматриваемым преступлениям.

Ссылки

- ¹ О наркотических средствах [Электронный ресурс]: Единая конвенция Организации Объединенных Наций, 30 марта 1961 г., Нью-Йорк // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». Москва, 2018.
- ² Организация Объединенных Наций, 21 февраля 1971 г., Вена // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». Москва, 2018.
- ³ Иванова Д.В. Проблема гармонизации законодательства в области интеллектуальной собственности в условиях вступления Республики Беларусь в ВТО [Электронный ресурс] / Д.В. Иванова, Ю.А. Федорова // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2019.
- ⁴ Костенников Д.В. Состояние международного сотрудничества в сфере противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту / Д.В. Костенников // Наркоконтроль. – 2007. – № 4. 91 с.
- ⁵ Официальная статистика за 2018 год [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/zdravoohranenie_2/ – Дата доступа: 27.01.2019.
- ⁶ Статистика за 2018 год [Электронный ресурс] // Министерство Внутренних Дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=162163> – Дата доступа: 27.01.2019.

- ⁷ Герасимова С.И. Криминологическая характеристика преступности в Республике Беларусь и государствах-участниках СНГ / С.И. Герасимова; научно-практический центр укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Минск: БГКФК, 2015. 55 с.
- ⁸ Иванова Д.В. Проблема гармонизации законодательства в области интеллектуальной собственности в условиях вступления Республики Беларусь в ВТО [Электронный ресурс] / Д.В. Иванова, Ю.А. Федорова // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2019; Бахин С.В. Субправо (международные своды унифицированного контрактного права) / С.В. Бахин. – Санкт-Петербург: Юрид. Центр Пресс, 2002. 32 с.
- ⁹ Костенников Д.В. Состояние международного сотрудничества в сфере противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту / Д.В. Костенников // Наркоконтроль. – 2007. – № 4. 92 с.
- ¹⁰ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 257-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 18.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2019.
- ¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ: принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федерального закона от 25.04.2018 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». Москва, 2018.
- ¹² Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: Закон Республики Кыргызстан, 1 октября 1997 г., № 68: в ред. Закона Республики Кыргызстан от 08.04.2017 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». Москва, 2018.
- ¹³ Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан, 3 июля 2014 г., № 226-V: в ред. Закона Республики Казахстан от 28.12.2017 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». Москва, 2018.
- ¹⁴ Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]: Закон Республики Армения, 29 апреля 2003 г., ЗР-528: в ред. Закона Республики Армения от 07.06.2018 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». Москва, 2018.
- ¹⁵ Хомич, В.М. Преступность, связанная с наркотиками (результаты комплексного анализа) / В.М. Хомич, А. В. Солтанович, О.В. Русецкий; научно-практический центр укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Минск: БГКФК, 2010. 78 с.

Anotācija

Rakstā apskatīta narkotisko, psihotropo vielu, to prekursoru un analogu nelikumīgas aprites ierobežošanas problēmas Eirāzijas ekonomiskās savienības valstīs. Saskaņā ar statistikas datiem vērojama narkomānu skaita palielināšanās, un sabiedrības narkotizācija kļūst par globāla rakstura problēmu. Likumsakarīgs ir reģistrēto ar narkotikām saistīto noziedzīgo nodarījumu skaita pieaugums, bet to pārrobežu raksturs rada nepieciešamību attīstīt sadarbību narkotiku nelegālas aprites ierobežošanai. Sadarbības ietvaros nepieciešama tiesību normu saskaņošana un unifikācija šajā jomā. Tomēr, kaut vai Eirāzijas ekonomiskās savienības valstu krimināllikuma normu salīdzinoša analīze parāda juridiskās atbildības risinājuma dažādību, gan nodarījumu pamatsastāva elementu izpratnē, gan kvalificējošo apstākļu formulējumā. Tāpat savienības ietvaros būtu jāvienādo atbildība par narkotiku nemedicīnisku lietošanu, jāpanāk vienota izpratne par nodarījuma priekšmetu un vienveidīgi jākriminalizē ar narkotisko un psihotropo vielu apriti saistītās darbības.

KRIMINOLOĢIJAS APAKŠNOZARE

JAUNATNES NOZIEDZĪBAS LATVIJĀ KRIMINOLOĢISKĀS TENDENCES

Dr. iur. Aldona Kipāne,

Rīgas Stradiņa universitātes Juridiskā fakultāte, Latvija

Abstract

In the age of risk society, the word “crime” is gaining more and more importance. Today’s rapid economic development, dynamic and rather controversial technological processes, which describe the current global environment, call for a more active response to crime as one of the top priorities. In recent years, criminal offences committed by young people, especially minors, are a priority issue for law enforcement authorities, society and the state. The term “youth crime” in criminology has been introduced relatively recently. This topic has been little studied in Latvia. The paper provides an insight into the criminological scope of youth crime. The author would like to launch a discussion on the criminological study prospect of youth crime in Latvia.

The aim of the paper is to describe the phenomenon of youth crime by analysing the theoretical and practical aspects. The topicality of the study of the youth crimes’ criminological aspect is determined by the prevalence of this type of crime and the problems in identifying and prevention of it. Such tasks of the study are defined: to describe the criminological content of youth crime and to provide the criminological classification of a subject; to analyse its causes and circumstances contributing to it; to discover the content of criminological prevention. The study is based on the opinions and conclusions of scientists and different documents. Several methods of general scientific research and specific methods are used in the paper: monographic and constructive approaches, logical interpretation, statistical methods and the method of legal norms’ interpretation.

<http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4239>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

The author concludes that youth crime is a complex, dynamic criminological phenomenon with certain regularities, which determine its formation and existence. The author acknowledges that criminological importance is got by early prevention measures, especially for young people whose behaviour manifests itself in a criminal inclination or takes place in a hostile or criminal environment.

Keywords: youth, young people, youth crime, factors, prevention.

Ievads

Katrā nozarē ir raksturīgi jēdzieni, kurus valodā izsaka ar terminiem. Terminam noziedzība ir kriminoloģisks raksturs. Noziedzība ir sabiedrības spēja ar savu darbību izdarīt noziedzīgus nodarījumus¹. Noziedzības problēma ir mūžsena sociāla problēma, tā pastāvējusi vienmēr – dažādos cilvēces attīstības vēsturiskajos posmos un visās formācijās, bet katrā tās posmā noziedzība būtiski atšķīrās ar kvalitatīvo un kvantitatīvo raksturojumu. Tā jebkurā sabiedrībā ir objektīvi sociāli virzīta parādība. Formāli un saturiski noziedzība ir dinamiska problēma. Noziedzības pamatelements ir noziedzīgs nodarījums. Noziedzīgam nodarījumam ir bioloģiska, sociāla un juridiska daba. Jāpiekrīt atziņai, ka “noziedzīgs nodarījums ir civilizācijas ēna (*“shadow of civilization”*)”. Tāpēc šādu nodarījumu izplatība un lielums atkarīgs no sabiedrības attīstības formas un sistēmas².

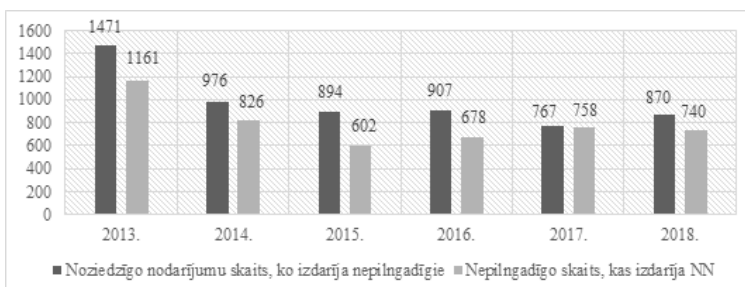
Latvija, tāpat kā citas valstis, deklarē apņēmību aktīvi rīkoties, lai novērstu jaunu noziedzīgo nodarījumu izdarīšanu un sekmētu lielāku sabiedrisko drošību. Pamatoti profesors Vitolds Zahars raksta: “Noziedzība ir viens no būtiskākajiem sabiedrības sociālās veselības (precīzāk būtu lietot terminu-neveselības) indikatoriem. Tā nopietni traucē demokrātijai, drošībai un attīstībai³”. Mūsdienās noziedzībai ir globāls, transnacionāls raksturs, kas būtiski apdraud valsts, sociālo un politisko attīstību. Zviedru profesors Valters Kego (*Walter Kego*) atzīst, ka pieaugušais izsalkušo, neapmierināto ar dzīvi un nenodarbināto jauniešu skaits rada lielus viņu iespējamās iesaistīšanās riskus organizētās noziedzības, noziedzības sindikātu un pat teroristisko grupējumu darbībā⁴. Kopš 2010. gada Eiropas Savienības dalībvalstīs kā jaunatnes politikas līdzeklis tiek lietots termins NEET – jaunieši, kuri nemācās, nestrādā un neapgūst ardu.

Pirmo reizi šis termins konkrēti tika minēts diskusijā par Eiropas politiku saistībā ar stratēģijas “Eiropas 2020” pamatiniciatīvu “Jaunatne kustībā”. Tā sākotnēji aptvēra vecuma grupu no 15 līdz 24 gadiem, taču vēlāk tās piemērošana tika paplašināta, aptverot 15–29 gadus vecus jauniešus⁵.

Visos laikos jaunu cilvēku noziedzība ir bijusi neatņemams sabiedrības tiesiskās un tikumiski ētiskās attīstības raksturojuma elements. Jaunās paaudzes audzināšana likumpaklausībā ir aktuāla visos laikos. Jau grieķu filozofu darbos sastopamas idejas un priekšlikumi, kas veltīti jaunās paaudzes audzināšanas pasākumu uzlabošanai. Bērni, pusaudži un jaunieši ir katras nācijas bagātība, vitalitātes un ilgtspējas rezerve, tās tagadne un nākotne. Pamatots ir secinājums, ka jauniešu izdarītie noziedzīgie nodarījumi norāda uz sabiedrībā pastāvošām sociālajām, ekonomiskajām un politiskajām problēmām. Pasaules pieredze rāda, ka nepietiekama uzmanības veltīšana jaunajai paaudzei, kurai jāiekļaujas pieaugušo dzīvē, var pārvērsties par spēcīgu sabiedrību destabilizējošu faktoru⁶. Kriminālā statistika apliecina, ka jaunu cilvēku izdarīto noziedzīgo nodarījumu aina nemaz nav labvēlīga. Saskaņā ar Eiropas Parlamenta datiem apmēram 15% noziedzīgo nodarījumu izdara bērni, pusaudži un jaunieši, dažās Eiropas dalībvalstīs to īpatsvars sasniedz pat 22%. Daudzās dalībvalstīs ar lielu imigrantu skaitu, piemēram, Grieķijā, Spānijā un Francijā, papildus jācīnās ar šo pusaudžu problēmām – grūtībām pielāgoties un atrast savu vietu sabiedrībā⁷. Anglijā un Velsā arestēti vairāk nekā 65 800 bērnu un nepilngadīgo vecumā no 10-17 gadiem. Pēdējo gadu laikā to skaits ir samazinājies par 78%, bet pēdējā gada laikā par 8%⁸. Latvijā 2018. gadā salīdzinājumā ar 2017. gadu ir vērojams reģistrēto nepilngadīgo izdarīto noziedzīgo nodarījumu skaita pieaugums⁹. Situācijas plašākam pārskatam pievienots grafisks atainojums (sk. 1. diagrammu).

1. diagramma

Nepilngadīgo personu nodarījumu skaits attiecībā pret nepilngadīgo personu skaitu, kuri izdarījuši noziedzīgus nodarījumus 2013.-2018. gadā¹⁰

Raksta mērķis ir, analizējot jauniešu noziedzības teorētiskos un praktiskos aspektus, izpētīt un novērtēt jaunatnes noziedzības kriminoloģisko raksturojumu. Šī fenomena analīze ir svarīgs kriminoloģijas zinātnes sevišķās daļas izpētes priekšmets, ņemot vērā, ka viena no mūsdienu grūtākajām problēmām ir noziedzības novēršana. Tieši tāpēc nepieciešama šīs negatīvās parādības pastāvīga kriminoloģiska analīze, faktoru un veicinošo apstākļu izpēte, noziedznieka personības analīze, tādējādi, nosakot novēršanas pasākumus, metodes un līdzekļus.

Jaunatne ir jaunā paaudze, jauniešu kopums. Savukārt jaunietis ir cilvēks starp pusaudža un brieduma gadiem¹¹. Ir vairāki pamatkritēriji, lai no kopējās noziedzības nodalītu jaunatnes noziedzību:

- 1) šīs vecuma grupas psihofizioloģiskās īpatnības;
- 2) specifiskais personības attīstības periods, kas atšķirībā no pieaugušā, ir vēl audzināšanas un izglītošanās procesā;
- 3) daļa personu ir ar ierobežotu politisko un ekonomisko statusu¹².

Jāņem vērā, ka mūsdienās jauni cilvēki bieži dzīvo divās paralēlās pasaulēs – reālajā un virtuālajā. Sociālās saites un noziedzība aptver visu pasauli. 2018. gada pētījums “Skolēna Digitālais IQ”¹³ parādīja, ka jaunieši tiešsaistē dzīvo pēc citiem sociālajiem un morāles noteikumiem: 73% Latvijas jauniešu atzīst, ka viņu rīcība digitālajā vidē atšķiras no uzvedības klātienē; tiešsaistē ievērojami lielāks skaits jauniešu patērē nelicencētu saturu, neaicināti izpēta citu privāto telpu, izmanto izdomātu identitāti, tiešā saskarsmē to darot ievērojami retāk.

Raksta ietvaros noteiktā mērķa sasniegšanai jāizpilda šādi pētnieciskie uzdevumi:

- raksturot jauniešu noziedzības kriminoloģisko saturu un sniegt subjekta kriminoloģisko klasifikāciju;
- analizēt jauniešu noziedzības cēloņus un veicinošos apstākļus;
- atklāt jauniešu noziedzības kriminoloģiskās novēršanas saturu.

Pētījuma bāze ir dažādu dokumentu saturs, zinātnieku atziņas un viedokļi. Rakstā izmantotas vairākas vispārzinātniskās pētniecības metodes un specifiskās metodes: monogrāfiskā, loģiski konstruktīvā metode, loģiskā interpretācija, statistiskās metodes un tiesību normu interpretācijas metode.

Pētījuma zinātniskā novitāte ir saistīta ar to, ka jaunatnes noziedzības situācijas analīze noziedzības struktūrā ļauj fiksēt pašreizējo situāciju un sniedz vispārēju priekšstatu par noziedzības

procesiem valstī.

Jauniešiem īpaši ir nepieciešama atzīšana sabiedrībā un pašapliecināšanās. Neapmierināta vajadzība var izraisīt negatīvu rīcību, noziedzīga nodarījuma izdarīšanu (*Hērostrata kompleks*) – aktīva protesta formā vai radīt alkohola, narkotiku u. c. atkarību izveidošanos – pasīva protesta formā¹⁴.

Ir pamats uzskatīt, ka jaunatnes noziedzībai ir izšķiroša loma noziedzības dinamikā. Ne velti jaunu personu noziedzība tiek uzskatīta par noziedzīgā dzīvesveida sākumposmu. Izlases pētījuma rezultāti par noziedznieka dzīves gaitas ģenēzi parāda, jo agrāk persona nonāk noziedzīgajā vidē, jo intensīvāk notiek personības vērtību, uzskatu degradācija. Nepilngadīgo personu recidīva līmeņa kriminoloģiskā izpēte parāda, ka apmēram 10% noziedzīgu nodarījumu izdarījušo nepilngadīgo turpmākajā dzīvē ir likumpaklausīgas personas. Un pretēji – profesionālās noziedzības kriminoloģiskā izpēte parāda, ka apmēram 53% profesionālo noziedznieku pirmo noziedzīgo nodarījumu izdarījuši, būdami nepilngadīgi – 14 līdz 16 gadus veci, bet 39% – 17 līdz 18 gadu vecumā¹⁵. Piemēram, seksuālā maniaka S. Rogaļeva kriminālā karjera sākās 15 gadu vecumā ar zādzību izdarīšanu¹⁶. Jauniešu noziedzības kontekstā būtiski ir arī sabiedrībai nodarītie zaudējumi. ASV un Lielbritānijā veiktajā pētījumā secināts, ka tipiska kriminālā karjera, kas aizsākas bērnībā un turpinās brieduma gados, sabiedrībai izmaksā 1,3 – 1,5 miljonus dolāru¹⁷. Tieši tādēļ novēršanas pasākumi ir viens no svarīgākajiem tiesībsargājošo iestāžu, sabiedrības un valsts uzdevumiem.

Jaunatnes noziedzība kā kriminoloģiskās izpētes priekšmets

Jaunatnes noziedzība ir kopējās noziedzības sastāvdaļa. Kriminoloģijā noziedzības jēdziens aptver noziedzīgu rīcību. No zinātniskā viedokļa noziedzība ir vēsturiski mainīga krimināltiesiska rakstura sociāla parādība, kuru veido visu konkrētā teritorijā noteiktā laika posmā izdarīto noziedzīgu nodarījumu kopums¹⁸. Noziedzība ir sarežģīta un daudzšķautņaina, negatīva sociāla parādība, kas ietver:

- noziedzīgu rīcību;
- noziedzīgus nodarījumus izdarījušās personas;
- noteiktu laika periodu;
- noteiktu teritoriju.

Tādejādi jaunatnes noziedzību nevaram analizēt abstrakti,

nenoteiktā teritorijā, laika posmā un bez noteiktas noziedznieku vecuma grupas. Vienlaikus kriminoloģijā nav vienotas nostājas, kāds personas vecuma posms ietver jaunatnes noziedzību. Noziedznieka personības izpēte līdzās noziedzības ierobežošanai ir viens no galvenajiem kriminoloģijas virzieniem. Cilvēks ir sarežģīta bioloģisko īpašību kombinācija, kas ir indivīda attīstības priekšnoteikums un sociālās vides ietekmes rezultāts. Piemēram, Oregonas sociālā apmācības centra pētījuma rezultāti norāda uz ciešu saikni starp izjukušajām ģimenēm (*disrupted family*) un bērnu antisociālu, tai skaitā noziedzīgu uzvedību, proti, izjukušu ģimeņu skaita pieaugums izraisa bērnu antisociālas uzvedības pieaugumu¹⁹. Jāpatur prātā, ka mūsdienu urbanizētajā pasaulē, gan pilsētās, gan ārpus tām var pastāvēt ultra marginalizētas, izslēgtas, dominējošas sabiedrības grupas, piemēram, brīvības atņemšanas sodu izcietušas personas, migranti, narkomāni, mazizglītotie u. c., kuru pārstāvji var būt tendēti uz noziedzīgu uzvedību. Jaunietim, neiekļaujoties sabiedrībā, rodas risks nonākt uz noziedzīgu nodarījumu izdarīšanu tendētas sociāli nelabvēlīgas vides ietekmē²⁰.

Jaunatne kā atsevišķa sociāla grupa tiek nodalīta arī socioloģijā un psiholoģijā. Jaunieši ir sociāla kategorija, kas ir tipiska mūsdienu industriālajām sabiedrībām, un ietver indivīdus, kuri ir sasnieguši bioloģisko briedumu un ir gandrīz pabeiguši savu socializācijas procesu, tomēr viņiem vēl nepiemīt prasmes un spējas uzņemties pieaugušā lomu²¹. Sociologi atzīst, ka cilvēka dzīves ciklā jaunieša vecuma posms sākas ar pubertāti (apmēram 13 gadu vecumā) un beidzas tad, kad indivīds ir atradis savu personīgo un sociālo identitāti, par ko liecina ekonomiskā patstāvība (nodarbinātība, ienākumi) un sociālā patstāvība (patstāvīga dzīve, ģimenes dibināšana u. c.). Psiholoģijas ietvaros ar pusaudžu un jauniešu vecumu (angļu val. *adolescence*) ASV saprot vecumu no 12 līdz 19 gadiem. Savukārt saskaņā ar Latvijas vecumposmu kritērijiem pusaudžu vecums ir no 11 līdz 15 gadiem, jauniešu vecums – no 16 līdz 19 gadiem²². Indivīda attīstības kontekstā minētais vecums ir sarežģīts un pretrunīgs periods. Amerikāņu pētnieks Marks Cimermans (*Marc A. Zimmerman*) diferencē trīs jauniešu vecumgrupas:

- pirmā 10 – 14 gadi – vēlinā bērnība jeb agrīnā jaunība;
- otrā 15 – 19 gadi – “klasiskā” jaunība jeb “*adolescence*”;
- trešā 20 – 24 gadi – vēlinā jaunība jeb “*postadolescence*”²³.

Kriminālajā statistikā noziedzīgus nodarījumus izdarījušas

personas pieņemts nodalīt saskaņā ar šādiem vecuma kritērijiem:

- 14 – 15 gadi;
- 16 – 17 gadi;
- 18 – 24 gadi;
- 25 – 29 gadi;
- 30 – 49 gadi;
- 50 gadus un vecākas personas.

Kriminologiem ir atšķirīgi viedokļi par jaunatnes vecuma grupas izpratni. Ir speciālisti, kuri jauniešu grupai attiecina personas vecumā no 14 vai 16 gadiem līdz 30 gadiem, savukārt citi – personas vecumā no 18 gadiem līdz 25 vai 29 gadiem. Atsevišķos gadījumos Eiropas Savienībā par jauniešiem uzskata personas no 13 gadiem līdz 30 gadiem²⁴. Daži speciālisti jaunatnes noziedzībā iekļauj arī pusaudžu noziedzību. Turklāt šajā aspektā jāievēro dažādās valstīs atšķirīgi noteikto kriminālatbildības un pilngadības sasniegšanas vecumu. Tādējādi, apkopojot ārvalstu kriminologu viedokļus, nosacīti nodalīsim trīs pieejas:

1. Kriminologi, kuri jaunatnes noziedzības grupā ietver nepilngadīgas personas un jaunus pieaugušos: tāpat personas vecumā no 14 gadiem līdz 25 gadiem vai 30 gadiem. ASV kriminologi šajā grupā iekļauj tos noziedzīgos nodarījumus, kuru izdarījušas personas vecumā līdz 30 gadiem²⁵. Profesors Ļevs Kaņevskis (*Лев Каневский*), raksturojot šo grupu, akcentē: runājot par jauniešu izdarītajiem nodarījumiem, saprotam divas personu vecuma grupas:

- 1) nepilngadīgie vecumā no 14 līdz 17 gadiem;
- 2) jaunie pieaugušie vecumā no 18 līdz 25 gadiem²⁶.

Daži ārvalstu kriminologi izmanto radniecisku jēdzienu “nepilngadīgo un jauniešu izdarītie noziedzīgie nodarījumi”.

2. Kriminologi, kuri jaunatnes noziedzības grupā ietver tikai jaunus pieaugušos, t. i. personas vecumā no 18 gadiem līdz 25 vai 29 gadiem. Savukārt daži speciālisti norāda, ka, ņemot vērā nepilngadīgo personības veidošanās un attīstības specifiku, kā arī kriminālatbildības īpatnības, šo vecuma grupu nav mērķtiecīgi iekļaut jaunatnes noziedzībā²⁷. Šie autori uzskata, ka attiecībā uz nepilngadīgajiem nevar runāt par indivīda pilnīgu iesaistīšanos sociālajos procesos un par indivīda sociāli aktīva stāvokļa veidošanos, jo šajā posmā socializācijas process nav pilnībā pabeigts.

3. Var atzīmēt kriminologus, kuri jaunatnes noziedzības grupā ietver arī jaunāku vecuma grupu. Šie pētnieki, nodala piecas personas vecuma grupas:

- 1) bērnu vecumā no 10 līdz 13 gadiem izdarītie noziedzīgie nodarījumi;
- 2) nepilngadīgo vecumā 14 līdz 17 gadiem izdarītie nodarījumi;
- 3) nodarījumus izdarījušie jauni pieaugušie 18 līdz 21 gada vecumā;
- 4) 22 līdz 25 gadu vecumu sasniegušie;
- 5) 26 līdz 29 gadu vecumu sasniegušie²⁸.

Daļa pētnieku, izmantojot jēdzienu pusaudžu un jauniešu noziedzība, attiecina to uz pusaudžu un jauniešu vecuma grupu²⁹. Anglijā un Velsā jauniešu izdarīto noziedzīgo nodarījumu izpētē iekļauj bērnu un nepilngadīgo personu, tātad personu 10 līdz 17 gadu vecumā, izdarītos noziedzīgos nodarījumus³⁰.

Lai arī kriminoloģijā nav vienotu vecuma robežu, tomēr izveidojusies tradīcija, pētot jaunatnes noziedzību, to nepretstatīt nepilngadīgo noziedzībai. Kriminologi norāda, ka jaunu cilvēku, vecumā no 18-24 gadiem, psiholoģiskais raksturojums ļoti līdzinās nepilngadīgu personu raksturojumam. Kriminoloģijas profesors Danils Koreckis (*Данил Корецкий*) piedāvā nepilngadīgo noziedzību un jaunatnes noziedzību aplūkot kā juvenilās noziedzības (*juvenile delinquency*) sastāva pamatelementus. Norādot, ka jauniešu izdarītie noziedzīgie nodarījumi izceļas ar vairākām specifiskām iezīmēm, kas ļauj nodalīt tos atsevišķā grupā³¹:

- pārsvarā vardarbīga nodarījuma izpausme;
- nosacīti vāja sagatavošanās nodarījumam un zems saprātīgums;
- personas vispār noziedzīga orientācija;
- nodarījuma grupveida raksturs utt.

Kriminoloģiskajos pētījumos konstatēts, ka aptuveni 65% nepilngadīgo personu nodarījumus izdara grupā, un grupas sastāvā ir 3 līdz 5 personas. Juvenilās noziedzības kriminoloģiskās izpētes rezultāti ļauj secināt, ka bērni, pusaudži un jaunieši vieglāk pakļaujas pozitīvai un arī negatīvai ārējās ietekmes iedarbībai. Šie aspekti jāievēro, nosakot preventīvās iedarbības virzienus³².

Saskaņā ar vadošo kriminologu aprēķiniem jauniem cilvēkiem ir raksturīga paaugstināta kriminālā aktivitāte un izteiktas vispārējās

noziedzības tendences, ietverot ielu noziedzību (*street crime*), bet neiekļaujās balto apkaklīšu noziedzībā (*white color crime*). Kriminologi norāda, ka noziedzīga nodarījuma izdarīšanas tendences parasti palielinās bērnības beigu posmā un sasniedz apogeju pusaudžu un jauniešu vecumā, bet pēc tam šī tendence samazinās. Šī tendence, ko mēdz dēvēt par zvana formas tendenci (*bell-shaped age trend*), vai par brieduma noziedzīga nodarījuma līkni (*age-crime curve*), tiek uzskatīta par universālu vadošo kriminologu aprindās³³. Tomēr jānorāda, ka līknes versijas atkarībā no nodarījuma veida ievērojami atšķiras. Piemēram, līkne vardarbīgos noziedzīgos nodarījumos atšķiras no līknes nodarījumos pret īpašumu³⁴.

Pamatoti tiek norādīts, ka jaunatne ir nevienmērīga, dinamiska sociāli demogrāfiska sabiedrības grupa, kura pārsvarā ir ekonomiski atkarīga no vecākiem vai citiem pieaugušajiem³⁵. Jaunieši ir arī trausla un neaizsargāta sabiedrības daļa, kas var tikt pakļauta dažādiem sociāli ekonomiskajiem riskiem. Pētījumā par Baltijas jauniešu dzīves kvalitāti³⁶ secināts, ka vismaz ceturtdaļa jauniešu Latvijā jūtas vientuļi un netiek galā ar dzīves problēmām, proti, izsmiešanu skolā, aizskaršanu internetā, nepietiekamu ekonomisko atbalstu. Katrs piektais jauniešs Latvijā ir pakļauts nabadzības riskam. Zīmīgi, ka jauniešu pašnāvību skaita kāpums vērojams tieši vecuma grupā pēc 18 gadiem, tas var būt saistīts ar vientuļību un atbalsta trūkumu.

Nozīmīgākais jaunatnes politiku Latvijā nosakošais tiesību akts ir Jaunatnes likums³⁷. Šajās politikas nostādnēs skaidrots, ka jaunatne ir jauniešu kopums, un jauniešs ir cilvēks starp pusaudža un brieduma gadiem. Tas ir pārejas posms no bērna uz pieaugušā statusu, proti, atbildības pastiprināšanās un patstāvīgas dzīves uzsākšana, ģimenes veidošana utt.³⁸ Saskaņā ar Jaunatnes likuma 1. pantu jauniešs ir persona vecumā no 13 līdz 25 gadiem. Latvijā jaunatne ir diezgan apjomīga sociāla grupa. Saskaņā ar Centrālās statistikas pārvaldes datiem 2018. gadā Latvijā jauniešu vecumā no 13 līdz 25 gadiem kopskaits bija 241 211, no kuriem vīrieši bija 124 082, bet sievietes – 117 129, kopumā tas ir 12,5% no iedzīvotāju 1 919 968 kopskaita.

Kopumā ir atbalstāms uzskats, ka jaunatnes noziedzība aptver arī nepilngadīgo personu vecuma grupu vecumā no 14 gadiem līdz 18 gadiem. Tādejādi jaunatnes noziedzības vecuma posma kritēriji būtu nodalāmi šādi:

- 1) **nepilngadīgas personas**, vecumā no 14 līdz 17 gadiem;
- 2) **jauni pieaugušie**, 18-25 gadi;

3) **personas vecumā no 26 gadiem līdz 29 gadiem** tomēr arī ir lietderīgi iekļaut jaunatnes noziedzībā.

Īpašs kriminoloģiskās izpētes personu kontingents būtu jaunieši, kuri nemācās, nestrādā un neapgūst arodu (NEET).

Jauniešu izdarīto noziedzīgo nodarījumu kriminoloģiskais raksturojums

Kriminoloģiskās izpētes sarežģītību rada latentās (nefiksētās) jaunatnes noziedzības daļas apzināšana. Kopumā latentā noziedzība ir krietni lielāka par reģistrēto. Kriminoloģiskajos pētījumos secināts, ka vidēji reģistrēti tiek 10 līdz 30 procenti nodarījumu, bet 90 līdz 70 procenti nodarījumu paliek latenti. Dažādos noziedzīgu nodarījumu veidos latentitātes pakāpe ir atšķirīga. Piemēram, 2017. gadā veiktās Latvijas iedzīvotāju aptaujas “Latentā noziedzība un atkārtota viktimizācija dažādos noziedzīgos nodarījumos”³⁹ rezultāti parādīja, ka pēdējo trīs gadu laikā visbiežāk iedzīvotāji bija cietuši:

- 3.2% – no sabiedriskās kārtības traucējumiem, proti, huligānisma;
- 2.6% – no zādzībām mājoklī;
- 2.3% – zādzības no kabatām (“kabas zādzībām”);
- 2.1% – no velosipēda zādzībām;
- 2% – no transportlīdzekļa apzagšanas;
- 1.9% – no mantas tīšas iznīcināšanas vai bojāšanas.

Jāatzīmē, ka vairāk nekā puse, proti, 59% nodarījumos cietušo atbildēja, ka pēc palīdzības ir vērsušies Valsts policijā.

Analizējot kriminālās statistikas datus laikā posmā no 2013. līdz 2018. gadam, samērā noturīgs paliek nepilngadīgo personu izdarīto nodarījumu īpatsvars. Turpmāk rakstā piedāvāts apskatīt tabulas, kurās autore apkopojusi kriminālās statistikas datus, kas iegūti no Centrālās statistikas pārvaldes datubāzes⁴⁰.

Var pamatoti norādīt, ka noziedzīga nodarījuma izdarīšanas brīdī nepilngadīgie nedomā par savas rīcības sekām. Nepilngadīgajiem raksturīgs tiesiskās apziņas trūkums, viņi dažkārt nespēj atšķirt aizliegto no sociāli pieņemamas rīcības, tādēļ viņi ne vienmēr apzinās savas rīcības prettiesiskumu⁴¹. Salīdzinājumam sniegta arī sieviešu izdarīto noziedzīgo nodarījumu procentuālā proporcija (skatīt 1. tabulu).

1. tabula
Noziedzīgus nodarījumus izdarījušo
nepilngadīgo personu procentuālā proporcija (2013.-2018.)

Gads	Noziedzīgus nodarījumus izdarījušo personu kopskaits	Nepilngadīgie %, no noziedzīgus nodarījumus izdarījušo personu kopskaits	Sievietes %, no noziedzīgus nodarījumus izdarījušo personu kopskaits
2013	9456	6.0	14.8
2014	9164	5.5	10.5
2015	10060	4.9	14.4
2016	10478	5.1	13.8
2017	9785	5.3	14.1
2018	9375	5.2	13.7

Notiesāto personu skaitu atkarībā no noziedzīgā nodarījuma veida un vecuma laika posmā no 2013. līdz 2017. gadam lūdzu skatīt 2. tabulā.

2. tabula
Notiesāto personu sadalījums atsevišķu noziedzīgu nodarījumu veidos un vecuma procentuālajā attiecībā 2013. līdz 2017. gadā

Notiesāto kopskaits, sadalījums vecuma grupās	2013	2014	2015	2016	2017
Visi notiesātie	8632	9212	9547	8929	9146
14-17 gadi %	7.0	5.8	4.3	4.3	4.3
18-24 gadi %	27.0	24.5	22.7	21.2	19.5
25-29 gadi %	18.8	18.6	18.6	18.6	18.5
Slepkavība ar iepriekšēju nodomu					
Visi notiesātie	62	75	54	56	56
14-17 gadi %	4.8	10.7	5.6	5.4	5.4
18-24 gadi %	15.5	8.0	16.7	19.6	14.3
25-29 gadi %	16.1	16.0	13.0	14.3	5.4
Smags miesas bojājums					
Visi notiesātie	160	155	165	142	146
14-17 gadi %	3.1	5.2	1.8	0.7	-
18-24 gadi %	16.9	25.2	18.8	19.7	12.3
25-29 gadi %	14.4	18.1	17.6	16.9	18.5
Izvarošana					
Visi notiesātie	16	32	16	16	16
14-17 gadi %	6.3	-	-	-	12.5

18-24 gadi %	18.8	40.6	31.3	18.8	12.5
25-29 gadi %	6.3	9.4	-	12.5	-
Zādzība					
Visi notiesātie	3519	3753	3573	3133	3343
14-17 gadi %	10.8	9.4	6.5	7.3	7.0
18-24 gadi %	30.8	26.8	24.7	24.1	20.7
25-29 gadi %	18.2	18.3	17.6	17.7	17.6
Huligānisms					
Visi notiesātie	135	149	112	94	77
14-17 gadi %	9.6	9.4	10.7	9.6	13.6
18-24 gadi %	34.1	40.3	31.3	43.6	29.4
25-29 gadi %	20.7	22.1	19.6	21.3	19.0
Narkotisko vielu nelikumīga izgatavošana, glabāšana vai realizēšana					
Visi notiesātie	863	832	1127	1204	1180
14-17 gadi %	1.7	1.1	1.6	1.9	5.2
18-24 gadi %	22.4	19.4	16.7	16.1	31.2
25-29 gadi %	27.7	23.6	24.7	20.0	26.0

Novērojot personības deformācijas pakāpi un raksturu, nosacīti var nodalīt vairākus jauniešu noziedznieku tipus:

- 1) gadījuma rakstura noziedznieks, kura noziedzīgais nodarījums nenotiktu, ja neiestātos apstākļu sakritība;
- 2) situatīvais noziedznieks, kurš vienmēr centīsies izmantot labvēlīgo situāciju noziedzīgā nodarījuma izdarīšanai;
- 3) viegli deformētais noziedznieks – šim tipam atbilst jaunieši, kurš noziedzīgu nodarījumu izdara pirmo reizi, bet personai jau agrāk konstatēta novirzīta uzvedība;
- 4) morāli deformētais noziedznieks, kuram jau iepriekš konstatēta novirzīta uzvedība;
- 5) ļaunprātīgi stabils noziedznieks, kuram raksturīga stabila krimināla ievirze.

Atbilstoši bīstamības pakāpei: absolūti bīstams; sevišķi bīstams; bīstams; un noziedznieks ar nelielu bīstamību.

3. tabula

Nepilngadīgo notiesāto personu kopskaits un nodarījumu īpatsvars

	2013	2014	2015	2016	2017
Kopskaits	603	532	413	383	389
Slepkavība ar iepriekšēju nodomu %	0.5	1.5	0.7	0.8	0.8
Smagi miesas bojājumi %	0.8	1.5	0,7	0.3	-
Izvarošana %	0.2	-	-		0.5
Zādzība %	62.9	66.0	56.4	59.8	59.9
Huligānisms %	2.2	2.6	2.9	2.3	1.0
Narkotisko vielu nelikumīga izgatavošana, glabāšana vai realizēšana	2.5	1.7	4.4	6.0	4.1

4. tabula

18 līdz 24 gadus vecu notiesāto personu īpatsvars

	2013	2014	2015	2016	2017
Kopskaits	2332	2254	2170	1891	1771
Slepkavība ar iepriekšēju nodomu %	0.4	0.3	0.4	0.6	0.5
Smagi miesas bojājumi %	1.2	1.7	1.4	1.5	1.0
Izvarošana %	0.1	0.6	0.2	0.2	0.1
Zādzība %	46.5	44.6	40.7	39.9	39.0
Huligānisms %	2.0	2.7	1.6	2.2	1.4
Narkotisko vielu nelikumīga izgatavošana, glabāšana vai realizēšana	8.3	7.1	8.7	10.3	12.1

5. tabula

25 līdz 29 gadus vecu notiesāto personu īpatsvars

	2013	2014	2015	2016	2017
Kopskaits	1622	1711	1777	1659	1694
Slepkavība ar iepriekšēju nodomu %	0.6	0.7	0.4	0.5	0.2
Smagi miesas bojājumi %	1.4	1.6	1.6	1.4	1.6
Izvarošana %	0.1	0.2	-	0.1	-
Zādzība %	39.6	40.2	35.5	33.5	34.8
Huligānisms %	1.7	1.9	1.2	1.2	1.2
Narkotisko vielu nelikumīga izgatavošana, glabāšana vai realizēšana	14.7	11.5	15.6	14.5	15.3

Jaunatnes noziedzības faktoru raksturojums

Jaunatnes noziedzības izpētē būtiska nozīme ir ietekmējošo faktoru jeb faktoru kompleksu noteikšanai. Faktora termins [lat. *factor* – tas, kas dara, izgatavo] saistāms ar apstākli, kas cēloniski iedarbojas uz procesu – to izraisa (cēlonis), nosaka (determinants), veicina vai pastiprina⁴². Kriminoloģijā nošķir noziedzības kā sociālas parādības faktoru kopumu; atsevišķu noziedzīgu nodarījumu grupu cēloņus un konkrētu noziedzīgu nodarījuma cēloņus. Kriminoloģijas zinātnē pieņemts norādīt arī veicinošos apstākļus. Profesors Vitolds Zahars raksta, ka „noziedzības apstākļi ir sociālās dzīves parādība, kas nerada noziedzīgu nodarījumu, bet veicina tā rašanos un eksistēšanu. Cēlonis rada noteiktu seku iespējamību – rada noziedzīgu nodarījumu. Apstākļi tikai veicina iespējas realizāciju. Noziedzības cēloņi vienmēr ir saistīti ar sabiedrības dzīves kvalitāti, morāli, tikumību, kultūru, reliģiju un citām katram indivīdam un sabiedrībai kopumā nozīmīgām vērtībām”⁴³.

Kriminoloģijas teorijā noziedzības faktori plašā nozīmē ir visi apstākļi, bez kuriem tā nevarētu rasties un pastāvēt. Noziedzības cēloņi ir aktīvie spēki, kas ar savu iedarbību nosaka tās eksistēšanu. Noziedzības ierobežošanas fokusā savienojas vairāki elementi – ekonomikas, socioloģijas, psiholoģijas, tiesību zinātnes un politikas, zinātniskā teorija un sociālā prakse⁴⁴. Ir daudz noziedzīgo nodarījumu ietekmējošo faktoru. Atkarībā no pētījuma dziļuma un detalizācijas pakāpes kriminoloģijā saskata 400 līdz 500 faktorus, kuri lielākā vai mazākā mērā ietekmē noziedzīgo darbību, t. sk. klimatiskos apstākļus, saules aktivitātes paaugstināšanos, u.c.⁴⁵

Speciālisti joprojām diskutē par to, kas liek jauniešiem izdarīt noziedzīgos nodarījumus. Lai gan liela daļa valstu akceptē legālo pāreju no pusaudža vecuma uz jauna pieaugušā vecumu līdz ar 18 gadu vecuma sasniegšanu, tomēr pētnieki apšaubā, vai cilvēka smadzenes šajā vecumā ir pilnībā nobriedušas. Jāpiekrīt, ka jaunība ir izšķirošs posms cilvēku dzīvē, kad tiek pieņemti turpmāko dzīves gaitu ietekmējoši būtiski lēmumi, un kurā tiek apgūtas būtiskas sociālās prasmes, kompetences un profesionālā kvalifikācija⁴⁶. Indivīds visu mūžu turpina asimilēt sabiedrības vērtības un normas, tomēr pamatprocesi notiek tieši pirms personas brieduma stadijas iestāšanās. Tiesu materiālu izpēte parāda, ka ar nepilngadīgas personas kriminālu uzvedību saistītas problēmas galvenokārt ir

neefektīva audzināšanas procesa rezultāts un/vai plašākas sociālas problēmas. Saskaņā ar krievu zinātnieka Mihaila Gerneta (*Михаил Гернет*) atziņām, nozīmīgākie noziedzīgu nodarījumu izdarīšanas cēloņi ir: bezdarbs, nabadzība, trūcīgums, nevienlīdzīgas iespējas iegūt izglītību un veidot karjeru, neaizsargātības sajūta pret dažādiem dzīves pārbaudījumiem⁴⁷.

Konkrēta noziedzīga nodarījuma cēloņi izriet no personības un tās mijiedarbības ar vidi.

Noziedzīgo nodarījumu izraisa cēloņu kopums, kura cēloniskajā ķēdē ir savijušies sociālie, tikumiskie, morālie, psiholoģiskie un organizatoriskie apstākļi. Tādējādi apstākļu kompleksu, kas izraisa konkrētu noziedzīgu nodarījumu, var diferencēt šādās grupās:

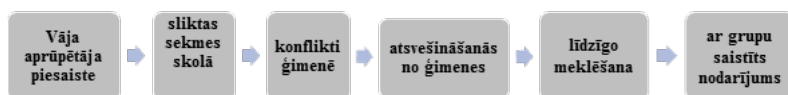
- a) nelabvēlīgi personības tikumiskās veidošanās apstākļi;
- b) noziedzīga nodarījuma izdarīšanas iemesls, ko rada konkrēta dzīves situācija;
- c) noziedzīga nodarījuma izdarīšanu atvieglojoši apstākļi⁴⁸.

Būtiski norādīt, ka personības veidošanas pamatfaktori ir iedzimtība, socializācija un pašaktualizācija⁴⁹. Jaunieša personība atrodas aktīvā veidošanās stadijā, tiešā sakarā ar mikrovides ietekmi, proti, attiecībām ģimenē, skolā, draugiem un paziņu loku. Multidisciplināri pētījumi apliecina, ka delikventas uzvedības aizsākums gandrīz vienmēr ir meklējams ģimeniskajos bērna augšanas apstākļos. Vairākos pētījumos saskatīta saistība starp vecāku kriminālo pieredzi un tās ietekmi uz bērnu. Tajā ģimenē, kurā vecākam ir krimināla pagātne, novērojama lielāka varbūtība bērna kriminālajai uzvedībai nekā ģimenē bez kriminālās pagātnes. Nīderlandes pētnieku grupa (*Marijke van de Rakt, Paul Nieuwbeerta, Nan Dirk De Graaf*), analizējot 4271 notiesāto vīriešu pagātni un viņu 6962 bērnus un 717 netiesātos un viņu 1133 bērnus, konstatēja, ka bērni, kuru tēvu pagātnē ir pastāvīga un noturīga sodāmība, biežāk kļūst par noziedzniekiem⁵⁰.

Ģimenes mijiedarbība ar sabiedrību nav noliedzama. Zināmā mērā ģimene ir indivīda attiecību ar sabiedrību modelis, jo ģimene veic socializācijas funkciju, tas ir, cilvēka piemērošanos dzīvei sabiedrībā. Tā ir objektīvi noteikta mikrovide, kurā darbojas sava vērtību un audzināšanas sistēma. Veselīgi funkcionāla ģimene var efektīvi novērst iespējamus likumpārkāpumus, bet nelabvēlīga ģimene var veicināt noziedzīgus nodarījumus⁵¹. Ģimenes attiecību problēmas parāda, ka pozitīvas uzmanības deficīts ir izplatīts visu sociālo slāņu ģimenēs. Sociālā riska ģimeni var raksturot šādi fak-

tori: ģimene riska situācijā; abi vecāki nodarbināti; maza emocionālā saskarsme ar bērnu; bezdarbs; trūkums; izlikšana no dzīvokļa; jauktas laulības; sektas; vecāku izglītības trūkums; informācijas trūkums; atbalsta sistēmas trūkums; daudzbērnu ģimenes; ģimenes krīze – ģimenes locekļu zaudējums; bērna piedzimšana; slimība u. c. Augsta riska ģimeni raksturo: jebkura veida vardarbība ģimenē; jebkura veida atkarības problēmas; devianta un asociāla uzvedība; ne-labvēlīgi bērnu audzināšanas apstākļi; bērnu izglītības un veselības pamešana novārtā⁵². Piemēram, daudzpusēja cēlonības saistība ar vāju aprūpētāja piesaisti un nepilngadīgā uzvedību (sk. 1. attēlu)⁵³.

1. attēls
Daudzpusēja cēlonības saistība

Nenoliedzami mūsdienu bērnu, pusaudžu un jauniešu uzvedības traucējumi, negatīvas attieksmes iemesli ir saistāmi ar spriedzes sekām, lomu konfliktu, vecāku laika trūkumu vēlīt uzmanību bērnam un divvirzienu saskarsmes saiknes nepilnību. Visbiežāk sastopamie jauniešu kriminālās uzvedības cēloņi ir:

1. Nepietiekama saskaņa ģimenē, kas izpaužas kā nepietiekamas vecāku rūpes par bērnu un uzmanības trūkums; vardarbība ģimenē, slikta materiālā labklājība un nespēja apmierināt bērna pamatvajadzības, vecāku asociāla uzvedība, vecāku atkarības.
2. Nepietiekama izglītība; klaiņošana; pakļaušanās ielas ietekmei; skolas kavēšana.
3. Nevienlīdzīgas iespējas visiem jauniešiem racionāli pavadīt brīvo laiku.
4. Jauniešu atkarības. Pētījums “Riska un aizsargājošo faktoru ietekme uz atkarību izraisošo vielu lietošanu jauniešu vidū” atklāj bīstamu tendenci – pieaug to jauniešu skaits, kuri marihuānu/hašišu izmēģina agrā vecumā⁵⁴.
5. Vienaudžu ietekme.
6. Augsts tiesiskā nihilisma līmenis. Jauniešiem varbūt izteikti negatīva attieksme pret likumiem un to vērtību noliegšana.
7. Nozīmīgi ir jauniešu vardarbības riska faktori: individuāli – bioloģiskie; psiholoģiskie un uzvedības raksturojums. Vardarbība starp jauniešiem ir ar augstu impulsivitāti, nežēlīgumu, noziedznieku starpā nepastāv rīcības

- ierobežojumi, kas veido viņu rīcības atbildības pastiprinošos apstākļus. Kriminoloģijā destruktīvi vardarbīgā noziedzība tiek nodalīta egoistiskā un mantkārīgā.
8. Vispārcilvēcisko vērtību ietekmes vājināšanās sabiedrībā. Laulības institūta lomas un nozīmes samazināšanās; lielais šķirto laulību skaits un izjukušās ģimenes, vardarbība un konflikti ģimenē.
 9. Sabiedrībā valdošais materiālo vērtību kults.
 10. Kopienas līmeņa faktori – bandas; šaujamieroči, narkotikas; nespēja sociāli integrēties.
 11. Sabiedrības līmeņa faktori – sociāli demogrāfiskie rādītāji; ienākumu nevienlīdzība; valsts politiskā struktūra; kultūras faktoru ietekme⁵⁵.
 12. Kriminogēnie faktori nav skatāmi atsevišķi no ekonomiskās krīzes radītajiem blakus apstākļiem un sekām⁵⁶.
 13. Nodarījumu motivāciju pārsvarā raksturo savtīgie motīvi. Pēdējos gados pusaudžu noziedzīgu nodarījumu motīvi mainās, tie kļūst līdzīgāki pieaugušo noziedzīgo nodarījumu motīviem un aizvien biežāk ir saistīti ar materiālo vēlmju apmierināšanu⁵⁷.

Jaunatnes noziedzības novēršanas kriminoloģiskais tvērums

Pretdarbība jaunatnes noziedzībai īstenojama divos virzienos:

- 1) noziedzīgu nodarījumu novēršana. Latviešu valodas vārdnīcā vārds novērst⁵⁸ tiek skaidrots kā nepieļaut, ka (kas) notiek, norisinās, rodas;
- 2) noziedzīgu nodarījumu apkarošana (apkarot⁵⁹ – aktīvi darboties, rīkoties, lai likvidētu (ko)).

Bez šaubām, novēršanai ir prioritāte pār noziedzīgu nodarījumu apkarošanu, jo efektīvāk ir veikt darbības pirms problēma ir radusies nevis reaģēt pēc noziedzīga nodarījuma. Novēršanu praksē mēdz apzīmēt arī ar terminiem „prevencija” un „profilakse”.

Jauniešu izdarīto noziedzīgo nodarījumi cēloņiem ir noteiktas īpatnības, to noteikšana var pozitīvi ietekmēt kriminogēno situāciju valstī. Tādēļ valsts kriminālpolitikā noteicošajiem jābūt prevencijas pasākumiem⁶⁰. Jāpiekrīt viedai atziņai: gudrs likumdevējs novērsīs noziedzīgu nodarījumu, lai nebūtu spiests sodīt par to⁶¹.

Kriminoloģiskajā doktrīnā noziedzības novēršanas teorija

ir zināšanu kopums par darbībām, kas jāveic, lai pilnveidotu sabiedriskās attiecības ar mērķi:

- noskaidrot un neitralizēt noziedzības cēloņus un apstākļus, kas to veicina, noskaidrot un neitralizēt parādības un procesus, kas nosaka noziedzības līmeni, pieaugumu un atsevišķu noziedzīgu nodarījumu veidu un formu izplatību;
- neitralizēt faktorus, kas veicina antisabiedrisku iezīmju veidošanos noteiktās personu grupās, ietekmē grupu sadzīves iezīmju veidošanos noteiktās personu grupās, ietekmē grupu sadzīves apstākļus;
- novērst iemeslus, kas nosaka atsevišķu noziedzīgu nodarījumu izdarīšanu;
- attīstīt noziedzības kontroles formas un metodes⁶².

Faktiski noziedzīgu nodarījumu novēršanas ideja ir centrālais kriminoloģijas zinātniski-praktiskais kodols. Tā būtība ir aizsteigties priekšā notikumiem. Tā ir mērķtiecīgi plānotu metožu sistēma, veidota no savstarpēji saistītiem pasākumiem, kas dod iespēju iejaukties notikumos vai cilvēka uzvedībā, lai novērstu noziedzīgu nodarījumu, pirms tas noticis. Novēršanas subjektu loks ir plašs – tiesībsargājošās iestādes; valsts iestādes; specializētās nevalstiskās iestādes; nevalstiskās iestādes; iedzīvotāji un ģimene.

Jaunatnes noziedzībai ir savas likumsakarības un kā sabiedrībā objektīvi eksistējoša, negatīva parādība tā ir ciešā mijiedarbībā ar citām sociālajām parādībām, līdz ar to prasa specifiskas formas un metodes tās prevencijā. Novēršanas pasākumiem ir jābūt plānveidīgiem un organizētiem.

Vispārsociālās novēršanas pasākumi aptver sociālos, ekonomiskos, kultūras un audzināšanas pasākumus, ar tiem tiek radīti labvēlīgi apstākļi sociāli ekonomiskās sistēmas uzlabošanai un pilnveidošanai, piemēram, ekonomikas stabilizācija; jauniešu nodarbinātības palielināšana; bezdarba līmeņa samazināšana; ekonomiskās efektivitātes un sociālo taisnīguma sabalansētība; sabiedrības kopējās morālās un tikumiskās apziņas uzlabošana.

Speciālie kriminoloģiskie noziedzības novēršanas pasākumi, kuru tiešais mērķis ir noziedzīgu nodarījumu novēršana. Tos varam iedalīt:

1. vispārējie;
2. grupas (orientējas uz atsevišķām sabiedrības grupām);

3. individuālie (atsevišķas personas, to mikrovide), tos savukārt iedala:

- a) agrīnajos – vērsti uz indivīda personības veidošanos;
- b) tiešajos – vērsti uz iekšējiem, subjektīviem un tiešiem noziedzīga nodarījuma cēloņiem.

Jauniešu izdarīto noziedzīgo nodarījumu prevencijai var attiecināt trīs kriminoloģijā pieņemtos savstarpēji saistīto un koordinēto pasākumu prevencijas līmeņus – primārā, sekundārā un terciārā prevencija⁶³:

- **primārā prevencija** vērsta uz indivīdu un ģimeni, parasti uzmanības centrā ir proaktīvi un apsteidzoši pasākumi, lai pieļautu jaunieša noziedzīgu rīcību. Piemēram, jaunieša iesaiste sabiedriskās aktivitātēs; vecāku audzināšanas prasmju uzlabošana, kas savukārt neitralizē jaunieša kriminālās uzvedības risku;
- **sekundārā prevencija** – iejaukšanās pasākumi, kas vērsti uz jauniešiem, kuriem ir augsts kriminālās uzvedības risks, piemēram, nemācās un nestrādā;
- **terciārā prevencija** tiek izmantota pēc noziedzīga nodarījuma izdarīšanas, lai novērstu jaunieša recidīvu uzvedību.

Jauniešu noziedzības prevenciju dažādos līmeņos īsteno dažādas iestādes. Svarīgi, lai ģimene tiktu uzskatīta par prevencijas sistēmas pamata līmeni. Tieši vecāki bērnam iemāca uzvedības normas, māca ko drīkst un ko nedrīkst darīt, skaidro nepareizas rīcības sekas. Ģimenes prevencijas pamatā ir mīlestība, sapratne un atsaucība, pastāvīga jaunieša izturēšanās vērošana, lai savlaicīgi atpazītu novirzes rīcībā un uzvedībā. Tādejādi agrīni iespējama kriminogēno īpašību formēšanās neitralizēšana⁶⁴.

Kopumā jāsecina, ka jaunatnes noziedzība ir sarežģīta, mainīga kriminoloģiska parādība, ar noteiktām tās veidošanos un pastāvēšanu nosakošām likumsakarībām. Jāatzīst, ka kriminoloģiski nozīmīgākie ir agrīnās prevencijas pasākumi, īpaši attiecībā uz jauniešiem, kuru uzvedība izpaužas kriminālās tieksmes vai kuri atrodas nelabvēlīgā vai kriminogēnā vidē.

Secinājumi

1. Autore piedāvā šādu jaunatnes noziedzības skaidrojumu: jaunatnes noziedzība ir masveidīga sociāli negatīva, bīstama

un krimināltiesiska parādība, ko veido jauniešu, proti, personu vecumā no 14 gadiem līdz 29 gadiem, reģistrēto un neregistrēto noziedzīgo nodarījumu kopums, kuriem piemīt savas likumsakarības un tos raksturo kvantitatīvi un kvalitatīvi parametri.

2. Jaunatnes noziedzības stāvoklis un īpatnības ir tieši atkarīgi no sabiedrībā notiekošajiem procesiem. Jauniešu izdarītie noziedzīgie nodarījumi ir ar pietiekami augstu sabiedrisko bīstamu, jo nenovēršot jauniešu noziedzīgu nodarījumu recidīvu, un, neveicot jauniešu sociālās uzvedības korekcijas un sociālās rehabilitācijas pasākumus, tad nākotnē šādi jaunieši veidos noziedznieka kontingentu.
3. Jaunatnes noziedzības kā jauniešu izdarīto noziedzīgo nodarījumu kopums, kas izdarīti konkrētā teritorijā noteiktā laika periodā, kriminoloģiskā izpēte atspoguļo attiecīgā personu kopuma demogrāfiskās īpatnības, sociālo stāvokli, psihofizisko raksturojumu, šo personu dzīves apstākļus, vērtību sistēmu, pozitīvos un negatīvos faktorus, kuri atklāj ietekmi uz jauniešu personību. Tādejādi, jaunatnes noziedzības kriminoloģisko raksturojumu nosaka vairākas īpatnības:
 - a. noziedznieka personības raksturojums;
 - b. noziedznieka vecuma īpatnības;
 - c. noziedzīgo nodarījumu dažādība;
 - d. veikto nodarījumu intensitāte;
 - e. sociāla determinācija.
4. Jauniešu, proti, personu vecumā no 14 gadiem līdz 29 gadiem, kriminālā aktivitāte Latvijā ir pietiekami augsta un ir būtiska problēma. Apkopojot kriminālās statistikas datus, var konstatēt, ka notiesāto jauniešu īpatsvars no notiesāto kopskaita veido šādu proporciju: 2013 – 52.8%; 2014 – 48.9%; 2015 – 45.6%; 2016 – 44.1%; 2017 – 42.3%. Jaunatnes noziedzības struktūrā dominējoši ir mantiskie noziedzīgie nodarījumi.
5. Jauniešu noziedzības prevenciju var definēt kā zinātniski pamatotu noziedzības novēršanas subjektu (tiesībsargājošās iestādes, valsts, sabiedrība un ģimene) veikto pasākumu kopumu, kuru mērķis ir neitralizēt faktorus, apstākļus un situācijas, kas nosaka noziedzības rašanos, noziedzīga nodarījuma pastāvēšanu un veido indivīda kriminālo uzvedību.

Atsauces

- ¹ Шестаков, Д. Криминология. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006, с. 50.
- ² Bhusal, D. R. Economic Crime Law and Legal Practice in the context of Nepal: Dissertation, Kathmandu (Nepal), 2009, p. 11.
- ³ Zahars, V. Kriminālpolitika: mūsdienu tendences un procesi. Monogrāfija. – Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2018., 15. lpp.
- ⁴ Kego, W. Internationally organized Crime and Global Crisis // Starptautiskās zinātniskās konferences “Drošības nostiprināšanas problēmas krīzes apstākļos” materiāli. – Rīga: Rīgas Stradiņa universitāte, 2009., 15-16. lpp.
- ⁵ Exploring the diversity of NEETs. Pieejams: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1602en.pdf (sk. 20.06.2019.).
- ⁶ Криминология XX век / Под редакцией д.ю.н., проф. В.Н. Бурлакова. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2000, с. 380.
- ⁷ Nepilngadīgo noziedzība: problēmas, kas jārisina kopīgi. Pieejams: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+IM-PRESS+20070314STO04228+0+DOC+PDF+V0//LV&language=LV> (sk. 03.05.2019.).
- ⁸ Youth Justice Statistics 2017/2018. England and Wales. Youth Justice Board / Ministry of Justice. Pieejams: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/774866/youth_justice_statistics_bulletin_2017_2018.pdf (sk. 02.06.2019).
- ⁹ Pārskats par nepilngadīgo noziedzību, noziedzīgos nodarījumos cietušiem bērniem un noziedzības novēršanas problēmām. 2018 gada 12 mēnešos. Pieejams: <http://www.vp.gov.lv/?id=305&said=305&rsd=1> (sk. 21.05.2019).
- ¹⁰ Apkopotī Valsts policijas darba rezultāti: Pārskats par nepilngadīgo noziedzības stāvokli, noziedzīgos nodarījumos cietušajiem bērniem un noziedzības novēršanas problēmām (2013-2018). Pieejams: <http://www.vp.gov.lv/?id=305&said=305&rsd=1> (sk. 03.07.2019.).
- ¹¹ Latviešu valodas vārdnīca. 2. izdevums / autoru kolektīvs. Avots, 2006, 456.-457. lpp.
- ¹² Шаталов, Е.А., Молдаванов, К.В. Молодежная преступность и основные направления противодействия ей. Монография. – Москва: Издательство «Проспект», 2015, с. 22.
- ¹³ Pētījumi: <https://drossinternets.lv/lv/info/petijumi> (sk. 17.06.2019).
- ¹⁴ Кон, И.С. Ребенок и общество. – Москва: Академия, 2003, с. 85.
- ¹⁵ Изменения преступности и проблемы охраны правопорядка / Под ред. А. И. Долговой. Москва: 1994, с. 9; Тайбаков, А. А. Профессиональный преступник // Социологические исследования. 1993. № 8, с. 86.
- ¹⁶ Grūtups, A. Par Staņislava Rogaļova apsūdzību seksuālajos noziegumos un slepkavībās. – Apgāds „Atēna”, 2010, 121. lpp.
- ¹⁷ Welsh, B. C., Loeber, R., Stevens, B. R., Stouthamer-Loeber, M., Cohen, M. A., Farrington, D. P. Costs of Juvenile Crime in Urban areas: a Longitudinal-Perspective. London: Sage Publications, 2008, p. 6-7.

- ¹⁸ Kriminoloģija. Mācību grāmata / zin. red. K. Ķipāne, A. Vilks. – Rīga: Nordik, 2004, 157. lpp.
- ¹⁹ Patterson, G. R., De Baryshe B., Ramsey R. A. Developmental Perspective on Antisocial Behavior // *American Psychologists*, 44, 1990, p. 329-335.
- ²⁰ 2016. gada 14. aprīļa Ministru kabineta rīkojums Nr. 256 (prot. Nr. 17 36.§). Par Jaunatnes politikas īstenošanas plānu 2016.–2020. gadam.
- ²¹ Study on the State of Young People and Youth Policy in Europe. Final Reports. IARD, 2001. Pieejams: <http://www.youthpolicy.org/library/documents/study-on-the-state-of-young-people-and-youth-policy-in-europe/> (sk. 27.06.2019.).
- ²² Putniņš, L., Raščevska, M. Angļu-latviešu psiholoģijas terminu vārdnīca. – Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 17. lpp.
- ²³ Trapeniece, I. Es rullēju, tu rullē. Vai viņš/viņa rullē/ Cool...: Par jauniešu dzīves kvalitāti // *Zinātne*, 2006., 112. lpp.; Zimmerman M. A, Stewart S, Morrel-Samuels S, Franzen S, Reischl T. (May, 2011). Youth empowerment solutions for peaceful communities: Combining theory and practice in a community level violence prevention curriculum. *Health Promotion and Practice*. P. 425-439.
- ²⁴ Girgensone, B., Mihailovs, I. J. Terminu skaidrojošā vārdnīca. Ģimenes un bērnu tiesībās. – Rīga: Drukātava, 2016., 181. lpp.
- ²⁵ Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелл; пер. с англ. – СПб: Питер, 2003, с. 230.
- ²⁶ Каневский, Л.Л. Актуальные проблемы профилактики преступности и иных правонарушений молодежи // Проблемы предупреждения и пресечения преступности и иных правонарушений молодежи, защиты и прав: материалы республиканской научно-практической конференции. Уфа, 2000, с. 9.
- ²⁷ Шаталов, Е.А., Молдаванов, К.В. Молодежная преступность и основные направления противодействия ей. // Монография. – Москва: Издательство «Проспект», 2015, с. 13.
- ²⁸ Старков, О. Криминология. Общая, Особенная и Специальные части. Учебник. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012, с.75.
- ²⁹ Шаталов, Е.А., Молдаванов, К.В. Молодежная преступность и основные направления противодействия ей. // Монография. – Москва: Издательство «Проспект», 2015, с. 17.
- ³⁰ Youth Justice Statistics 2017/18 England and Wales. Youth Justice Board / Ministry of Justice, 2019.
- ³¹ Корецкий, Д., Стешич, Е. Европейские стандарты и российская криминальная действительность // *Законность*. 2006, № 1, с. 34-38.
- ³² Ķipāne, A. Vardarbība sportā kā sporta kriminoloģijas izpētes virziens // *Administratīvā un Kriminālā Justīcija*. 2018, Nr.2 (83), 63-84. lpp.
- ³³ Farrington, D. P. Age and Crime. In *Crime and Justice: An Annual Review of Research*, Vol. 7, eds. M. Tonry and N. Morris, Chicago, Ill.: University of Chicago Press, 1986, p.189-250; Piquero, A. R., Farrington, D. P. and Blumstein, A. Key Issues in Criminal Career Research: New Analyses of the Cambridge Study in Delinquent Development, Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2007, p. 50.
- ³⁴ Piquero, A. R., Hawkins, D. J., and Kazemian, L. Criminal Career Patterns. In

- From Juvenile Delinquency to Adult Crime: Criminal Careers, Justice Policy, and Prevention / eds. R. Loeber and D. P. Farrington. New York: Oxford University Press, 2012, p. 14-46.
- ³⁵ Bela-Krūmiņa, B.; Tisenkopfs, T. Dzīves kvalitāte Latvijā. – Rīga: Zinātne, 2006, 112. lpp.
- ³⁶ Jauniešu dzīves kvalitāte Baltijas valstīs: Pētījuma ziņojums (Latvija). Pieejams: https://youthpitstop.com/app/uploads/2019/02/Well-being-of-Young-People-in-the-Baltic-States_2018_LATVIA.pdf (sk. 13.06.2019).
- ³⁷ Jaunatnes likums. 08.05.2008. likums/LV, 82 (3866), 28.05.2008.; Ziņotājs, 10.07.2008.
- ³⁸ Jaunatnes politikas pamatnostādnes 2009.-2018. gadam. Pieejams: www.lm.gov.lv/ (sk. 22.06.2019.).
- ³⁹ Latentā noziedzība un atkārtota viktimizācija dažādos noziedzīgos nodarījumos. Latvijas iedzīvotāju aptauja. Pētījuma cents SKDS, 2017.
- ⁴⁰ Apkopotas statistikas tabulas (2013-2017). Centrālā statistikas pārvalde. Pieejams: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/socialie-procesi/likumparkapumi> (sk. 12.07.2019).
- ⁴¹ Clarkson, C. M. V., Keating H. M. Criminal Law. Text and Materials. London: Sweet & Maxwell, 2003, p. 435.
- ⁴² Svešvārdu vārdnīca. Autoru kolektīvs. – Rīga: Avots, 2008, 244. lpp.
- ⁴³ Zahars, V. Latvijas kriminālpolitika: retrospekcija un nākotnes vīzija. – Daugavpils: Daugavpils Universitātes akadēmiskais apgāds "Saule", 2011., 31. lpp.
- ⁴⁴ Криминология: Учебник для юридических вузов / под. общ. ред. А.И. Долговой. – Москва: Инфра Норма- Москва, 2001, с. 164.
- ⁴⁵ Vilks, A., Usatjuka, N. Par noziegumu faktoriem šodienas Latvijā. Pieejams: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/19464> (sk. 12.06.2019).
- ⁴⁶ Pētījums "Jauniešu sociālās un politiskās darbības izpēte Latvijā". Gala ziņojums. Rīga, 2007. Pieejams: petijumi.mk.gov.lv/node/1705 (sk.27.06.2019.).
- ⁴⁷ Гернет, М.И. Избранное. – Москва: Юстицинформ, 2005, с. 5.
- ⁴⁸ Stumbiņa, Ē., Briks, V., Niedre, A. Kriminoloģija. – Rīga: Zvaigzne, 1981, 63. lpp.
- ⁴⁹ Šeit: pašstenošanās; pašrealizācija – ir personības radošā potenciāla atklāšana un atīstība.
- ⁵⁰ Van de Rakt, M., Nieuwebeerta, P. and de Graaf, N.D. Like Father, Like Son. The Relationships between Conviction Trajectories of Fathers and their Sons and Daughters. Pieejams: <http://ics.uda.ub.rug.nl/FILES/root/Articles/2008/RaktMvd-LikeFather/RaktMvd-LikeFather-2008.pdf> (sk. 12.05.2019.).
- ⁵¹ Kipāne, A. Inovatīvas pieejas kriminoloģijas attīstībai Latvijā: salīdzinošā kriminoloģija un ģimenes kriminoloģija. Socrates. RSU elektroniskais juridisko zinātņu rakstu žurnāls. 2017, Nr.3 (9), 48.-72. lpp. Pieejams: <https://www.rsu.lv/socrates> (sk. 20.06.2019).
- ⁵² Riska faktoru novērtēšanas kritēriji nelabvēlīgajās ģimenēs. Bērnu un ģimeņu lietu ministrijas un Latvijas pašvaldību konsultāciju centra metodoloģiskā semināra bāriņtiesu/ pagasttiesu un sociālajiem darbiniekiem metodiskais materiāls. – Rīga, 2005. Pieejams: http://www.lm.gov.lv/upload/berns_gimene/bernu_tiesibas/riska_fakt_nelabv_gim.pdf (sk. 12.06.2019.).

- ⁵³ Einstadter, W. J., Henry, S. Criminological theory: An Analysis of Its Underlying Assumptions. USA, Rowman & Littlefield Publisher, INC, 2006, p. 17.
- ⁵⁴ Pētījuma "Riska un aizsargājošo faktoru ietekme uz atkarību izraisīto vielu lietošanu jauniešu vidū". Tirdzniecības un sociālo pētījumu institūts "Latvijas Fakti", 2016. Pieejams: http://www.veseligsridzinieks.lv/wp-content/uploads/2015/05/Rezultātu-atskaite_Riska-faktoru-ietekme_atkaribu-izraisos-sas-vielas_2016.pdf (sk. 22.06.2019.).
- ⁵⁵ World Report on Violence and Health/ edited E.G Krug, Mercy A.J., Zwi B.A. and Rafael Lozano R. Geneva: World Health Organization WHO, 2002, p. 34.-42.
- ⁵⁶ Zahars, V. Noziedzības ekonomiskie un sociālpsiholoģiskie faktori. Mācību līdzeklis. – Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2017, 58. lpp.
- ⁵⁷ Turpat, 61.-62. lpp.
- ⁵⁸ Latviešu valodas vārdnīca. 2. izdevums / autoru kolektīvs. – Avots, 2006., 736. lpp.
- ⁵⁹ Turpat, 66. lpp.
- ⁶⁰ Лелеков, В.А., Буслов, М.М. Молодежная преступность: криминологическая характеристика краж и грабежей // Вестник ТГУ, выпуск 4 (84), 2010, с. 351-356.
- ⁶¹ Stumbaņa, Ē., Birkavs, V., Niedre, A. Kriminoloģija. – Rīga: Zvaigzne, 1981., 71. lpp.
- ⁶² Kriminoloģija. Mācību grāmata / zin. red. K. Kipēna, A. Vilks. – Rīga: Nordik, 2004., 75. lpp.
- ⁶³ Mackey, A. D. and Levan, K. Crime Prevention. Burlington: Jones & Bartlett Learning, 2013, p. 4-5.
- ⁶⁴ Бидова, Б.Б., Егизарова С.В. Проблемы профилактики преступности в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1, с. 137-140.

Аннотация

В эпоху общества риска все большее значение приобретает слово «преступность». Быстрое экономическое развитие, динамичные и довольно противоречивые технологические процессы, характеризующие нынешнюю глобальную обстановку, в качестве одного из основных приоритетов требуют более активного реагирования на преступность. В последние годы уголовные преступления, совершаемые молодыми людьми, особенно несовершеннолетними, являются приоритетным вопросом для правоохранительных органов, общества и государства. Термин «молодежная преступность» появился в криминологии сравнительно недавно. Эта тема мало изучена в Латвии. Статья автора дает представление о

криминологических масштабах молодежной преступности. Посредством этой статьи автор хотел бы начать дискуссию о перспективах криминологического исследования молодежной преступности в Латвии.

Цель статьи – описать явление молодежной преступности путём анализа теоретических и практических аспектов. Актуальность изучения криминологического аспекта молодежной преступности обусловлена распространённостью этого вида преступности и проблемами ее выявления и предупреждения. Определены следующие задачи исследования: описать криминологическое содержание молодежной преступности и предоставить криминологическую классификацию субъекта; проанализировать ее причины и обстоятельства, способствующие ее возникновению; выявить содержание криминологической профилактики. Исследование основано на анализе мнений и выводов ученых и различных документов. В статье использованы монографический, конструктивный метод, логическая интерпретация, статистические методы и метод интерпретации правовых норм.

Автор делает вывод о том, что молодежная преступность является сложным, динамичным криминологическим явлением с определенными закономерностями, которые определяют ее формирование и существование. Автор признает, что криминологическое значение обеспечивается мерами ранней профилактики, особенно в отношении молодых людей, поведение которых проявляется в криминальной склонности или которые находятся во враждебной или криминогенной среде.

ТЕОРИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ЕЕ РОЛЬ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПО ПОДРАЖАНИЮ

*Магистр криминологии Даниил Бернард Гратковский,
Польша*

Abstract

The reasons for the copycat crimes at the moment are a “white spot” in criminology. Theories explaining the origins of human behaviour can help in filling it out. Skinner’s and Bandura’s behavioristic theories explain the copycat process with the action of operant conditioning and the learning of aggression, respectively. Confronting the escape process from freedom is one of the reasons why a person can go against social norms and laws. These theories conclude in the cognitive theory of identification, which currently most extensively explains the mechanism of imitation, as well as is taking into consideration the influence of the media, an important actor in the mechanism of copycat crimes, on a person and vice versa.

Keywords: copycat crimes, operant conditioning, learned aggression, identification theory.

В свободной энциклопедии Википедия, под статьей „*Sandy Hook Elementary School shooting*”, описание трагедии составлено очень подробно – помимо имен и фамилий всех жертв массового расстрела приведены также виды оружия, которые использовал 20-летний *Адам Ленза*, и поочередность его действий с временными рамками¹. Около 9:30 подросток застрелил свою мать, после чего, начиная с 9:35 до около 9:50 совершил массовый расстрел учеников и учителей в школе в Ньютауне. Википедия также информирует, что было выпущено от 50 до 100 пуль, указан примерный маршрут по школе. Рапорты о расследовании данной трагедии опубликованы также в открытом доступе на странице Департамента экстренных служб и общественной защиты штата Коннектикут².

<http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4304>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Основанная на данных рапортах публикация портала *The Guardian* информирует, что преступник «был одержим массовыми убийствами в преддверии собственного тщательно спланированного нападения и хранил фотографии газетных статей о расстрелах детей с датами публикаций, начиная с 1891 года»³. На основе статей и рапортов можно сделать вывод, что, готовясь к совершению преступления, Ленза основывался на массовых расстрелах, имевших место, в том числе, в 1999, 2006 и 2008 годах; также следует уделить внимание психическому состоянию молодого человека и его коллекции видеоигр.

В силу того, что однозначной причины совершения данного преступления нельзя выявить (так как преступник совершил самоубийство, анализированные же улики могут сузить, но не указать на конкретную причину), может появиться предположение – не была ли данная одержимость прошлыми случаями массовых расстрелов в школах одновременно и причиной, по которой молодой человек совершил данное преступление?

Преступник подражающий

На основе доступной на данный момент информации нельзя выделить одной конкретной теории, которая бы объясняла, почему совершаются преступления по подражанию⁴. Обычно накладываются несколько сложных факторов, и общий портрет подражающего не сильно отличается от портрета серийного убийцы: мужчина до тридцати лет, нередко с расстройством личности, по происхождению из дисфункциональной среды, часто был социально исключенным, семья же не уделяла должного внимания воспитанию (что, возможно, привело к эмоциональной нестабильности). Учитывая недоверие к людям, среди которых будущий подражатель рос, он доверил свое образование средствам массовой информации. Такой преступник обычно уже имеет криминальную историю⁵.

На данный момент наиболее полно объясняет такого рода поступки теория идентификации, сформулированная на основе исследований в направлении когнитивной науки. Но чтобы представить ее, сначала стоит обратить внимание на то, какие теории предшествовали ее появлению и какие она или которые ее дополняют.

Оперантное обусловливание

Теория S-R является одной из бихевиористических теорий, и относится она к взаимосвязи стимула и реакции. Исходя из нее, принимая во внимание исследования И. Павлова, психолог Беррес Скиннер (*Burrhus Skinner*) вывел две поведенческие модели живых организмов: характерную реакцию (как ответ на известный стимул) и спонтанную реакцию (познание, реакция на новый стимул), обе модели поведения также связал понятием подкрепления. Поведение и его подкрепление выглядят (в упрощении) следующим образом: стимул → реакция → последствие → эффект.

Если индивидуум испытал негативные последствия на реакцию, вызванную стимулом, эффектом будет меньшая вероятность повторения данной реакции при принятом стимуле. И наоборот, если последствием будет награда, эффектом будет большая вероятность повторения данной реакции при данном стимуле – таким образом, спонтанная реакция становится характерной для данного организма. Данный метод формирования поведения получил название оперантного обусловливания. Свои выводы Б. Скиннер подкреплял исследованиями над животными, проводимыми в так называемой камере оперантного обусловливания (известной также как «ящик Скиннера»)⁶. К примеру, крыса, находящаяся в ящике, должна нажать на кнопку для того, чтобы получить еду с целью утоления голода (о чем она узнает случайно, в рамках познания). После того как грызун выработал поведенческую модель (нажатие кнопки → появление еды), добавляется новое условие: еда выдается только, если кнопка была нажата во время звучания сигнала. Крыса ведет себя согласно изначальному распорядку, но еда не появляется. В рамках очередного познавательного процесса грызун случайно нажимает кнопку во время аудиосигнала и получает еду, которую перестал получать ранее, до введения сигнала. После нескольких повторений этой ситуации крыса учится новой модели, привыкая к тому, что еда появляется после нажатия кнопки во время сигнала.

В связи с этим Б. Скиннер считал, что организм не имеет свободы выбора модели своего поведения – все характерные реакции человека являются эффектом кнута или пряника (цели,

мотивации, прочие мыслительные процессы для Б. Скиннера не имели значения, так как они не могут быть выявлены во время наблюдения). Наблюдения за другими людьми и последствиями их поведения также являются источником поведенческой модели для индивидуума; к примеру, если человек видит, как мужчина избивает жену и видит негативные для мужа последствия, то он для себя принимает, что данное поведение связано с наказанием⁷.

В данном контексте хотелось бы упомянуть Чезаре Беккариа (*Cesare Beccaria*), представляющего человека существом, которое влечет к удовольствию и которое избегает неприятностей. В связи с этим не только наказание за преступление должно быть настолько неприятным, чтобы человек избегал его повторения⁸, но и награда за добродетель должна иметь место, дабы ее, добродетель, подкрепить⁹.

Такого рода редукция поведения человека была подвергнута критике, в том числе приводились возражения, что такое упрощение поведенческих механизмов человека есть не что иное, как желание того, чтобы человек был прост, как машина («пустой организм», как называл это Боринг), которую можно формировать, изменять и которой можно манипулировать по собственному желанию, что человек в свете данной теории есть лишь совокупность событий, результатом которых были или позитивные, или негативные последствия.

Социальное научение

Тем не менее, теория Б. Скиннера и работы И. Павлова были использованы для разработки дефиниции научения. Джон Доллард (*John Dollard*) и Нил Миллер (*Neal Miller*) описывали процесс научения как получение знания об обстоятельствах, в которых реакция связана со стимулом: после окончания процесса научения у индивидуума появляется определенная реакция, связанная с определенным стимулом¹⁰. Также исследователи пришли к выводу, что подражание является важной частью научения, и индивидуум с большей вероятностью будет подражать, если получит за это награду.

Альберт Бандура (*Albert Bandura*) признает данную, более широкую, дефиницию более корректной, в том числе потому, что, по его мнению, выводы Б. Скиннера не принимают во внимание

того, что поведение может быть подкреплено не только наградами или наказаниями, но может происходить из мыслительных процессов, не подкрепленных непосредственным опытом: «если какое-то слово предвещает физически болезненное раздражение, то оно приобретает предупреждающее значение для человека, а вовсе не болезнетворные свойства физического раздражителя»¹¹.

Отец теории социального научения подчеркивал так же, как и Б. Скиннер, что индивидуум обучается в том числе на основе собственных наблюдений за окружающим его миром. Как пример данной теории можно взять его эксперимент с куклой Бобо. Было проведено исследование в группе детей от 3 до 5 лет. Каждый из них случайным образом был распределен в одну из трех групп. В первой группе дети наблюдали за взрослым, который вел себя агрессивно по отношению к кукле Бобо; во второй тот же человек воздерживался от агрессивного поведения; третья группа была контрольной. Выяснилось, что дети из первой группы подражали агрессивному поведению (как физическому, так и вербальному) в последующей игре с куклой Бобо. Исследования выявили и гендерные различия: мальчики прибегали к физической агрессии чаще, чем девочки, в случае же словесной агрессии не наблюдалось таких различий. Также поведение взрослого мужчины оказало большее влияние на мальчиков, чем на девочек – последние чаще подражали взрослым женщинам¹².

Человек запоминает, что он видел на уровне ментальных образов, и, как следствие, повторяет подсознательно ранее увиденное действие, если появляется некая внешняя или внутренняя мотивация¹³. Познавая мир посредством наблюдения, зрители буквально копируют то, что они видят в окружающем их мире, в том числе – на экране телевидения. В более поздних исследованиях А. Бандура признал, что копирование агрессивного поведения является прерогативой детей. Взрослые принимают модели агрессивного поведения избирательно, интегрируя их в свои базовые поведенческие модели, демонстрируя их только в крайнем случае.

Говоря о запоминании образцов поведения, стоит помнить также о понятии стереотипа и стереотипного поведения, когда человек на основе своего прошлого опыта (а также опыта

других людей) вырабатывает определенные взгляды и модели поведения по отношению к окружающему миру, явлениям и ситуациям. К примеру, девушка, которая подверглась насилию со стороны представителя определенной культуры, будет впредь избегать других представителей данной культуры, ожидая с их стороны подобного проявления насилия.

Отказ от бегства от свободы

Переходя к другим теориям об истоках человеческого поведения, ряд мыслителей начал проявлять беспокойство, связанное с тем, что человек постоянно находится между молотом и наковальней: с одной стороны – социальные нормы, с другой – врожденные потребности личности. Стараясь освободиться от ограничений социальных норм, личность входит в конфликт со своей средой, что приводит к чувству отчуждения, алиенации¹⁴.

Как и с каждой негативной эмоцией, человек борется с чувством алиенации или старается его избежать, к примеру, он может «убежать» от свободы, подавляя свою индивидуальность. Личности могут приспособиться, принять и смириться с общественным порядком. Правда, нередко такого рода смирение порождает псевдоличность, которая отвечает социальным ожиданиям, но которая по факту не является реальной личностью человека¹⁵.

Помимо бегства от свободы, есть и другой метод борьбы с алиенацией, и он является характерным для людей с деструктивными особенностями – борьба с общественными нормами или желание идти против них¹⁶. Такого рода формулировка позволяет приписать к данным личностям и преступников.

Установка и идентификация

На основе вышеупомянутых теорий – оперантного обусловливания, социального научения, стереотипа и бегства от свободы – было сформулировано одно из понятий в когнитивистике – установка, которая представляет собой способ поведения, реагирования по отношению к определенным

происшествиям, явлениям и людям. Установка формируется на основе прошлого опыта или увиденного стереотипа¹⁷.

Каждый индивидуум подбирает индивидуальную установку на основе потребностей и ожиданий социума, которые, в том числе, состоят из допускаемого общественностью поведения, права, традиций и средств массовой информации (которые представляют и отражают упомянутые элементы)¹⁸.

Люди принимают и оценивают информацию, полученную из СМИ, посредством ее интерпретации с точки зрения собственного опыта. Люди усваивают ее гораздо более широким образом, чем они в состоянии описать или осознать, они создают на основе этой информации конкретные шаблоны и сценарии, благодаря которым учатся вести себя в той или иной ситуации.

Немаловажным в создании установок является процесс идентификации – личность (сознательно или нет) принимает характерные черты других людей¹⁹, в том числе героев сериалов, фильмов, книг. Вхождение в положение героя, общие черты вызывают эмоциональный отклик и позволяют принять установки данного персонажа.

В процессе идентификации важную роль играет эмпатия, способность понимать других людей, сопереживать их потребностям и чувствам. Эмпатия работает на двух уровнях: познавательном, основанном на понимании установки другого человека, и эмоциональном – способности идентифицировать себя с другим человеком на уровне эмоций²⁰.

Правда, не всегда поведение персонажа является поведением позитивным или общественно допустимым – его аморальное поведение может побудить человека, идентифицирующего себя с героем, принять антиобщественную установку. Причем данное поведение может быть изначально совершенно положительным героем, который только раз позволил себе, в качестве доказательства своей правоты, аморальный поступок, а может быть совершенно и харизматичным антигероем.

Дефиниция преступлений по подражанию

Перед тем как подвести итог и объяснить выбор последней теории как наиболее подходящей для того, чтобы понять, почему возникает желание подражать (анти)герою, стоит объяснить,

чем по сути являются преступления по подражанию.

Для начала следует отметить, что в англоязычной литературе чаще можно встретить более широкое понятие – *scopuscit effect*, то есть эффект подражания, которое описывается (и относится к контексту нижеприведенной публикации) как явление, связанное с копированием поведения преступников или самоубийц, о котором узнали из сообщений в средствах массовой информации.

Объяснение данного понятия, основанное на книге криптозоолога Филипа Колмана (*Philip Coleman*)²¹, не кажется достаточно правильным: слишком широкое понятие со слишком узкой дефиницией, так как эффект подражания не относится исключительно к преступным действиям или самоубийствам. Например, пародии или копирование предметов искусства носят характер подражания, но преступлениями по факту не являются. Также, как было указано выше, подражание – это один из методов научения.

Основываясь же на словарных дефинициях, научных работах и исследованиях конкретных происшествий, преступления по подражанию можно представить следующим образом: это преступления, мотивированные или вдохновленные другим преступлением или имитирующие другое преступление, особенно, если преступление было сенсационным (а значит – волнующим, вызывающим сильное впечатление) и неоднократно описывалось в средствах массовой информации, а также фиктивным преступлением, описанным в литературе, фильмах, сериалах и т. д.²²

При этом хочу подчеркнуть, основываясь на описанных в новостях и литературеслучаях, что у преступников подражающих чаще всего уже ранее имелся замысел совершения того или иного преступления – показанное в средствах массовой информации и литературе преступление является лишь вдохновляющим для их образа действия²³.

Поп-культура и СМИ создают стереотипы, пронизывающие все стороны нашей жизни. Например, вор в чулке на голове существует в социальном дискурсе как стереотип, иногда насмешка над преступником-вором, и происхождение данного представления трудно проследить. Или же вори в клоунских масках – изначально городской миф, теперь же – относительно частое явление.

Заклучение

На данный момент наиболее полно причину становления подражающего преступника описывает теория идентификации, разработанная когнитивной наукой – эта теория не только объединяет описанные выше теории, но и, что немаловажно, указывает на влияние средств массовой информации на человека (предоставляя ему героев, которым хочется сопереживать и за которыми хочется следить), а также, косвенно, указывает на общество, которое своим желанием переживаний, сильных эмоций, создает спрос на сенсационные материалы со стороны средств массовой информации и в некотором роде заставляет их адаптироваться к ожиданиям своих получателей²⁴. Можно сказать, это замкнутый круг – человек совершил преступление по образу представленного СМИ, которые, увидев такое нетипичное и сенсационное событие, тут же его описывают, тем самым создавая условия для последующих подражателей.

Достаточно интересным случаем в данном контексте является фильм Оливера Стоуна „Прирожденные убийцы”. Главные герои фильма Микки и Мэллори. Отец Микки избивал свою жену и сына, позже совершил самоубийство. Мэллори же подвергалась сексуальному насилию со стороны отца, ее мать, хоть и знала, но не вмешивалась. Герои вместе убивают родителей Мэллори и отправляются в путешествие по маршруту 666, жестоко убивая случайно встреченных невинных людей и не оставляя после себя ни одного свидетеля.

За героями следят СМИ, создают из них идолов своего поколения и представляют их преступления как своего рода борьбу против системы. Главный герой признает, что убийства помогают ему установить контроль над своей жизнью, растущая популярность пары также важна для него – он сетует на то, что программа, посвященная им, не побил рекордов, установленных программой, посвященной Чарльзу Мэнсону.

Фильм является критикой сенсационности СМИ. Один из главных героев, ведущий программу, посвященную убийцам, открыто заявляет, что «[когда пара] убивала, она была собственностью СМИ».

Кроме того, фильм не только является хорошим (хотя и упрощенным) примером того, как работает механизм

преступлений по подражанию специфического характера, так как главный герой отождествлял свои действия с действиями диких животных, но и преступления, на которые он вдохновил, являются примером, в том числе, теории идентификации.

В марте 1995 года двое подростков покинули дом и отправились в путешествие по Соединенным Штатам. Бенджамином Даррасом и Сарой Эдмондсон, которые были вдохновлены фильмом Оливера Стоуна и хотели быть похожими на своих кумиров, был убит один человек и один был ранен²⁵. Эти молодые люди так же, как Микки и Мэллори, любили фильмы для взрослых и галлюциногенные наркотики.

Заслуживающим внимания является факт, что после инцидента вторая жертва пары подала иск против режиссера Оливера Стоуна и кинокомпании Time Warner: «Создатели фильма знали или должны были предположить, что фильм может спровоцировать или вдохновить [...] подобные преступления»²⁶.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на все вышесказанное, преступления по подражанию могут оказаться явлением преувеличенным, сенсацией, созданной средствами массовой информации и для нужд средств массовой информации. Поэтому дальнейшие исследования в данной области, проводимые не только криминологами, а также журналистами-медиаведами, социологами и психологами, знания которых о влиянии медиасистемы на людей и *vice versa*, как и знания о поведенческой психологии, могут помочь конкретизировать данное понятие и *смогут* помочь развеять (или подтвердить) мифы, которыми оно обросло.

Ссылки

- ¹ Sandy Hook Elementary School shooting, <https://en.wikipedia.org>.
- ² Sandy Hook Elementary School Shooting Reports, <https://csp sandyhookreport.ct.gov>.
- ³ Pilkington E. Sandy Hook report – shooter Adam Lanza was obsessed with mass murder, 25.11.2013.
- ⁴ Surette R. Copycat Crime, 09.2017, <http://oxfordre.com>.
- ⁵ Griffiths M. Hong Kong murders: The psychology of copycat crime, 04.11.2014, <http://www.independent.co.uk>. Шмидт В. Актуальные проблемы судебной медицины и криминальной психиатрии. Рига, Балтийская Международная академия, 2008. С. 40 – 42.

- ⁶ Zimbardo P.G., Johnson R.L., McCann V. Psychology: Core Concepts, 7th ed., Pearson, London, 2012. P. 142 – 144
- ⁷ Василюк Ф. Методологический анализ в психологии. Московский городской психолого-педагогический университет. – Москва: Смысл, 2003. С. 100 – 105.
- ⁸ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – Москва: Стелс, 1995. С. 83 – 87.
- ⁹ Там же. С. 240.
- ¹⁰ Dollard J., Miller N.E., Social learning and imitation. Yale University Press, New Haven 1941. P. 1 – 2.
- ¹¹ Бандура А. Теория социального научения. – Санкт-Петербург: Евразия, 2000. С. 24.
- ¹² Bandura A., Ross D., Ross S.A. Transmission of aggression through imitation of aggressive models, “The Journal of Abnormal and Social Psychology”, 1961, nr 63. P. 577 – 582.
- ¹³ Березкина О. Социально-психологическое воздействие СМИ. – Москва: Издательский центр «Академия», 2009. С. 34 – 38.
- ¹⁴ Domeracki P. Z dziejów filozoficznych zamyśleń nad samotnością, „Kultura i Edukacja”, 2004, nr 3. P. 43.
- ¹⁵ Szabała H. Refleksje o konformizmie, „Folia Philosophica”, 2002, nr 20. P. 170, 178.
- ¹⁶ Przybysz-Zaremba M. Egzemplifikacje wybranych teorii zachowań agresywnych człowieka – perspektywa trójwymiarowa, „Studia nad rodziną”, 2015, nr 2. P. 327 – 328.
- ¹⁷ Perloff R.M. The Dynamics of Persuasion: Communication and Attitudes in the 21st Century, Routledge, London 2017. P. 85 – 87.
- ¹⁸ Ibid. P. 87 – 90.
- ¹⁹ Ibid. P. 168 – 169.
- ²⁰ Ibid. P. 130 – 131.
- ²¹ Coleman L. The Copycat Effect: How the Media and Popular Culture Trigger the Mayhem in Tomorrow’s Headlines, Pocket Books, New York 2004. P. 1 – 5.
- ²² Surette R. Copycat Crime, 09.2017, <http://oxfordre.com>. Psychology of copycat criminals, <http://www.newenglandcollegeonline.com>. Kipfer B.A., Chapman R.L. The Dictionary of American Slang, 4th ed., HarperCollins Publishers, New York 2007.
- ²³ Surette R. Copycat Crime, 09.2017, <http://oxfordre.com>.
- ²⁴ Siemieniecki B. Kognitywistyka a media – obszary cywilizacyjnych zagrożeń i możliwości, <http://www.pedagogika.umk.pl>.
- ²⁵ Brooks X. Natural born copycats, 20.12.2002, <https://www.theguardian.com>.
- ²⁶ Judge dismisses ‚Natural Born Killers’ incitement case, 13.03.2001, <https://www.rcfp.org>.

Anotācija

Noziegumu, kas izpaužas kā cita noziedznieka uzvedības atdarināšana, cēloņi ir maz pētīti kriminoloģijā. Šos cēloņus analizē cilvēku uzvedības izskaidrošanas teoriju ietvaros, piemēram, Skinera un Banduras biheiviorisma teorija izskaidro šo procesu kā agresijas apguvi, meklējot iekšēju attaisnojumu sociālo normu un likumu pārkāpšanai. Šo teoriju var saistīt ar kognitīvās identifikācijas teoriju, kas šobrīd visplašāk izskaidro imitācijas mehānismu, kā arī akcentē plašsaziņas līdzekļu nozīmi atdarināšanas noziegumu (*copycat crimes*) mehānismā. Balstoties uz 2012. gadā izdarītās masu slepkavības apstākļiem, rakstā tiek izklāstītas iepriekš minētās teorijas, raksturojot kriminoloģiskās atziņas par atdarināšanas noziegumiem.

VALSTS TIESĪBU АРАКЅНОZARE

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ УКРАИНЫ

Кандидат юридических наук, доцент Андрей Мота, докторант Национальной академии Государственной пограничной службы Украины имени Богдана Хмельницкого, Украина

Abstract

The article is devoted to the scientific review of counteraction to illegal migration by the State Border Service of Ukraine. The features of the theoretical aspects of illegal migration are analyzed. The statistics of activity of border units concerning counteraction to illegal migration are given. The results of the survey of questioned servicemen and employees of the State Border Service of Ukraine regarding the perception of countering illegal migration at the state border and within the controlled border areas are used. The typology of legal ambushes of the state border security agencies was determined. The components of the activity of the State Border Service of Ukraine to counter illegal migration include: preventing illegal migration, fighting it, and protecting the rights of illegal migrants.

Keywords: illegal migration, border service, counteraction, border, prevention.

Постановка проблемы противодействия нелегальной миграции обусловлена геополитической ситуацией в мире, при которой положение Украины дает не только определенные преимущества, но и предопределяет прохождение значительных миграционных потоков через ее территорию. Важным научным и практическим заданием стало переосмысление значения

<http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4305>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

органов охраны государственной границы как необходимой институциональной составляющей обеспечения эффективной миграционной политики, применения новых форм и методов воздействия на миграционную ситуацию, гуманизации законодательства в миграционной сфере.

Изучение миграционных проблем, в частности деятельности по противодействию нелегальной миграции, в разные времена проводили такие ученые, как А. Бандурка (*Bandurka A., 2002*), С. Братков (*Bratkov S., 2010*), И. Василенко (*Vasilenko I., 2006*), Д. Голобородько (*Goloborodko D., 2009*), Р. Еппярд (*Appleyard R., 1991*), М. Заводни (*Zavodny M., 2016*), Ж. Зайончковская (*Zayonchkovskaya Z., 2008*), В. Колпаков (*Kolpakov V., 2002*), О. Кузьменко (*Kuzmenko O., 2000*), Р. Лизут (*Lizut R., 2016*), Е. Малиновская (*Malynovska O., 2018*), Т. Огнев (*Ognev T., 2017*), В. Олефир (*Olefir V., 2015*), П. Оррениус (*Orrenius P., 2016*), В. Палько (*Palko V., 2004*), А. Пискун (*Piskun O., 1998*), А. Платонов (*Platonov A., 2006*), Ю. Рымаренко (*Rymarenko Y., 2001*), А. Савченко (*Savchenko A., 2008*), И. Серова (*Serova I., 2012*), В. Снигур (*Snigur V., 2008*), Д. Солт (*Salt J., 2001*), Н. Тындык (*Tyndyk N., 2008*), М. Урда (*Urda M., 2018*), Ч. Хиршман (*Hirschman Ch., 2004*), Д. Холлифилд (*Hollifield J., 2014*), М. Четверткова (*Chetvertkova M., 2015*), В. Ярмаки (*Yarmaki V., 2013*) и другие. Их исследования создали теоретическую основу для поиска новых путей изучения природы, содержания, структуры миграционных правоотношений, разработки теоретико-методологических и практических аспектов решения миграционных проблем, выработки научно обоснованных рекомендаций по формированию современной миграционной политики и обеспечению пограничной безопасности. Однако остаются неисследованными современные аспекты противодействия нелегальной миграции, особенности привлечения к этой правоохранительной деятельности органов Государственной пограничной службы Украины (далее – Госпогранслужба Украины), их процессуального участия в делах о миграционных правонарушениях, что обуславливает актуальность темы статьи и ее значение для совершенствования правового регулирования в указанной сфере.

Цель статьи заключается в определении особенностей административно-правовой регламентации и анализе

оперативно-служебной деятельности Госпогранслужбы Украины по противодействию нелегальной миграции.

Задачи: охарактеризовать правовые основы противодействия нелегальной миграции в Украине и участия в этой деятельности Госпогранслужбы Украины; установить исследовательские подходы в понимании нелегальной миграции как негативного явления; обосновать организационно-правовые основы деятельности органов охраны государственной границы как субъекта противодействия нелегальной миграции.

Объектом исследования выступает оперативно-служебная деятельность органов Госпогранслужбы Украины при реализации полномочий по противодействию нелегальной миграции.

Методы исследования. Теоретико-методологические подходы к решению проблемы противодействия нелегальной миграции органами Госпогранслужбы Украины дают основания считать, что правовое регулирование такой деятельности отражает влияние юридических норм на взаимообусловленные правоотношения миграции и пограничной безопасности. Анализ статистического материала подтверждает объективные закономерности контроля миграционной ситуации на основе обеспечения неприкосновенности государственной границы. С помощью общенаучного диалектического метода исследованы правовое регулирование в сфере миграции и охраны государственной границы, осуществления органами, предназначенными для такой охраны, эффективных мер возможного влияния на нелегальных мигрантов. Системный анализ способствовал определению нелегальной миграции как многоаспектного асоциального явления. Формально-юридический метод направлен на исследование нормативных источников и выявления тенденций развития действующего законодательства Украины, которое регулирует противодействие нелегальной миграции. Результаты применения социологических методов позволили определить обобщенную информацию о практическом понимании процесса противодействия нелегальной миграции как направления деятельности Госпогранслужбы Украины.

С провозглашением независимости Украина вошла в мировое миграционное пространство как самостоятельный

субъект. Важным аспектом государственной деятельности стало урегулирование правоотношений в двух взаимосвязанных сферах – миграционной и охраны границы. Эволюционное развитие правового регулирования противодействия нелегальной миграции обусловило создание Государственной пограничной службы Украины как правоохранительного органа специального назначения. В течение 1991 – 2018 годов органами охраны государственной границы Украины задержаны 152,25 тыс. нелегальных мигрантов, в том числе, за незаконное пересечение границы – 124,17 тыс. человек, за нарушение правил пребывания на территории страны – 26,63 тыс. человек, за другие правонарушения – 1,45 тыс. человек. Не допущено в Украину 182,54 тыс. иностранцев – потенциальных нелегальных мигрантов. Принято решение о принудительном возвращении, принудительном выдворении и реадмиссии 42,05 тыс. иностранцев-правонарушителей. Такая практика свидетельствует о необходимости фундаментальных исследований полномочий органов и подразделений Госпогранслужбы Украины по противодействию нелегальной миграции, что является актуальным прикладным заданием на протяжении длительного времени.

Нелегальная миграция начала признаваться среди прочего реальной и потенциальной угрозой национальной безопасности Украины, стабильности в обществе в военной сфере и сфере безопасности государственной границы Украины в соответствии со ст. 7 Закона Украины «Об основах национальной безопасности Украины» от 19 июня 2003 года¹. При современной нормативно-правовой регламентации активизация миграционных процессов вследствие боевых действий признается актуальной угрозой национальной безопасности Украины, связанной с экономическим кризисом, истощением финансовых ресурсов государства, снижением уровня жизни населения². В связи с этим может идти речь об уголовной ответственности нелегальных мигрантов, поскольку указанные формулировки указывают на такой обязательный признак преступления, как общественная опасность. Так, уголовно-правовые меры использовались для противодействия незаконному пересечению государственной границы в советские времена, и длительное время уголовно-правовой запрет существовал на такое правонарушение и в

независимой Украине. Лишь в 2004 году законодатель отказался от возможности уголовного преследования нелегальных мигрантов, которые в основном прибегали к незаконному пересечению государственной границы в поисках лучших условий жизни.

Такая трактовка соответствует международно-правовой регламентации согласно ст. 5 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, положения которого не применяются для уголовного преследования мигрантов в силу только того обстоятельства, что они стали объектом деяний, за которые предусмотрена уголовная ответственность. Вместе с тем каждое государство-участник настоящего Протокола обязуется принимать законодательные и другие меры, которые могут потребоваться для того, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых две группы деяний, когда они совершаются умышленно и с целью получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду:

- незаконный ввоз мигрантов;
- создание условий для незаконного ввоза мигрантов (рассматривается как цель). Определены два возможных способа:
 - изготовление поддельного документа на въезд/ выезд или удостоверения личности;
 - приобретение или предоставление такого документа, а также владение им;
- предоставление любому лицу, которое не является гражданином соответствующего государства или не проживает постоянно на его территории, возможности находиться в этом государстве без соблюдения необходимых требований для законного пребывания в нем путем использования способов, упомянутых выше, или любых других незаконных средств³.

Как можно заметить, Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху не содержит понятия нелегальной миграции (нелегального мигранта) или какого-то альтернативного соответствия. В этом универсальном международном документе определено понятие «незаконный въезд», что означает пересечение границ без соблюдения необходимых требований для законного въезда в принимающее

государство. То есть, международное сообщество не допускает нелегальности (незаконности) определенного перемещения отдельной личности.

Нелегальная миграция представляет общественную опасность в совокупности всех ее противоправных проявлений. В таком смысле это негативное явление становится объектом воздействия и получает самостоятельную правовую нагрузку. Понимание нелегальной миграции как объекта отражает ее гносеологический смысл и соотношение с деятельностью уполномоченного органа (должностного лица). Объект (лат. *objectum* – предмет) – это «то, на что направлена познавательная и иная деятельность субъекта»⁴. В теории управления философское понятие «объект» рассматривается «не только как формально определенные организационные структуры, но и как субъективная деятельность людей, их сознательное поведение»⁵.

Сформулированный таким образом общетеоретический подход применяется для научных исследований массовых явлений противоправного характера. В частности, в криминологии наряду с традиционным взглядом на преступность как собирательное понятие и совокупность общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом, предложено рассматривать ее как специфическое социальное явление, которое должно стать объектом социального контроля⁶. Исходя из такого понимания, М.Н. Урда определяет именно противодействие незаконной миграции как направление уголовной политики, что «представляет собой деятельность государства по определению в уголовном законе и непосредственно (бланкетно) связанном с ним миграционном законодательстве преступности общественно опасных нарушений, пределов наказуемости соответствующих деяний, а также результата такой деятельности, являющегося предпосылкой совершенствования законодательства и практики его применения в миграционной сфере»⁷.

В административном праве из подобных позиций исходит В.К. Колпаков, который на основе понимания административного деликта (проступка) как правового феномена считает, что исследование всего комплекса свойств проступка осуществляется в соответствующих организационных формах – делах об административных правонарушениях, которые по своей сути являются гносеологическим отражением конкретного деяния⁸.

Объект, на который необходимо воздействовать, противодействовать ему как определенному явлению отличается от объекта правонарушения (в частности, административного), которым являются охраняемые общественные отношения. Сущность второй конструкции обусловлена сформулированной в отечественном правоведении позицией по объекту правоотношения как определенного личного или социального блага, для получения и использования которого устанавливаются взаимные юридические права и обязанности субъектов⁹. Понятие «миграции» отражает определенные преимущества, потребности и интересы физических лиц в пространственном передвижении, однако оценка его как объекта правонарушения с традиционным для административно-правовой науки выделением общего, родового и непосредственного объекта затруднено отсутствием составов административных проступков, которые могли бы причинять вред ключевому миграционному благу – праву на свободу передвижения.

Исходя из обобщенного понимания нелегальной миграции, реальную или потенциальную угрозу которой следует оценивать с учетом причиненного или возможного вреда от всех возможных её форм, должна организовываться государственная деятельность, направленная на преодоление этого асоциального явления правовой действительности. Исследуя административно-правовое противодействие нелегальной миграции, О.В. Кузьменко считает, что она «на общегосударственном уровне реализуется благодаря функционированию особого механизма, основными компонентами которого являются организационно-структурные образования, административно-правовые меры, нормативное обеспечение». «Этот механизм, – по мнению этого автора, – является системной составной частью общегосударственного механизма воздействия в отношении социально негативных явлений»¹⁰. В рамках механизма реализации миграционных законов Н.П. Тындык рассматривает юридические институты миграционного законодательства, предлагая условно их разделять по уровню нормативного закрепления на «конституционно-правовые (право – гражданства, убежища, свободы передвижения, иммиграции и т. п.) и их своеобразное продолжение – отраслевые правовые институты, которые в рамках Конституции Украины установлены

действующим законодательством (право – беженцев, трудовых мигрантов и т. п.)). «Определение этими институтами юридических взаимоотношений, – пишет Н.П. Тындык, – конкретизация во многом их действий является определенной методологической основой развития и совершенствования целостной системы миграционного законодательства»¹¹. Соответственно М.Ю. Четверткова считает административно-правовое противодействие незаконной миграции комплексом «упорядоченных действий государственных органов по выявлению, пресечению, устранению нарушений миграционного законодательства, совершаемых иностранными гражданами, лицами без гражданства, и применению к ним мер воздействия с целью ликвидации негативных последствий, вызванных незаконной миграцией»¹².

Противодействие нелегальной миграции определено как одна из основных функций Госпогранслужбы Украины, и ее реализация составляет оперативно-служебную деятельность этого правоохранительного органа специального назначения согласно закону¹³. Отображение противодействия нелегальной миграции как функционального направления административной деятельности Госпогранслужбы Украины оставалось бы чисто теоретической моделью без нормативного закрепления прав и обязанностей, которые дают возможность осуществить такую функцию. М.А. Король по этому поводу указывает, что «реализация функций происходит посредством осуществления органами и подразделениями Государственной пограничной службы Украины своих полномочий»¹⁴.

Закон Украины «О Государственной пограничной службе Украины» содержит отдельный раздел IV, которым определены обязанности и права органов, подразделений, военнослужащих, а также работников Госпогранслужбы Украины¹⁵. Однако, в этом законе, как и в Законе «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства», не содержится указания о применении тех или иных полномочий именно в противодействии нелегальной миграции. Характеризуя деятельность отделов пограничной службы, Р.М. Ляшук не без оснований отмечает, что их основные полномочия «направлены на общую охрану границы, а их использование в целях противодействия нелегальной миграции и преступлениям не обеспечивает должной эффективности»¹⁶.

На основе анализа других законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов, а также позиций отдельных ученых он приводит следующие полномочия отделов пограничной службы «в ходе противодействия незаконной миграции»: регистрация иностранцев и лиц без гражданства, которые в установленном порядке прибывают в Украину, их паспортных документов в пунктах пропуска через государственную границу; организация в соответствии с законодательством принятия заявлений о предоставлении статуса беженца от лиц, которые намерены его приобрести, и вынуждены были незаконно пересечь государственную границу Украины; проставление в документах указанных лиц соответствующих отметок; проставление отметки «запрет въезда в Украину» за злостное и неоднократное нарушение законодательства Украины иностранными гражданами и лицами без гражданства; привлечение иностранцев к административной ответственности за нарушение правил пребывания в Украине и незаконное пересечение государственной границы; привлечение к ответственности перевозчиков за нарушение правил перевозки пассажиров; выдворение иностранцев и лиц без гражданства с территории Украины¹⁷. Хотя последние две группы полномочий относятся к компетенции органов, а не подразделений охраны государственной границы, позиция этого автора отражает многообразие правовой регламентации соответствующей деятельности.

Исследование правовых основ противодействия нелегальной миграции Госпогранслужбой Украины проводил В.Х. Ярмаки. В своей статье он указывает лишь отдельные законы, составляющие правовую основу такой деятельности, среди которых регламентирующие оперативно-розыскную составляющую¹⁸. То есть, к средствам противодействия нелегальной миграции относят также формы и методы, нехарактерные для административной деятельности. А.В. Платонов считает предпочтительным термин «противодействие», учитывая то, что понятие «борьба» больше приемлемо для активных действий в отношении криминальных элементов, а «противодействие» – предполагает среди прочего также превентивные, предупредительные и профилактические действия. Также он считает, что понятие «противодействие нелегальной миграции» включает защиту прав человека,

в том числе нелегальных мигрантов, а «термин «борьба» является более пригодным при рассмотрении проблемы транснациональной организованной преступности, которая связана с нелегальной переправкой мигрантов, что приводит к нарушению государственной границы»¹⁹.

Восприятие персоналом Госпогранслужбы Украины, среди которого проводился письменный опрос²⁰, того, что охватывает противодействие нелегальной миграции на государственной границе и в пределах контролируемых пограничных районов, является неоднозначным, однако, свидетельствует об определенных тенденциях в представлении о назначении органов охраны государственной границы и правовых основ их деятельности. Более половины всех опрошенных (59% военнослужащих и работников, выполнявших задачи по оперативно-служебной деятельности и 58,3% курсантов, обучающихся по офицерской программе) связывают такое противодействие с осуществлением оперативно-розыскной деятельности. Другие виды деятельности (осуществление производства по делам об административных правонарушениях нелегальных мигрантов; реадмиссия, принудительное возвращение и принудительное выдворение) указало значительно меньше опрошенных (обобщенно: 25,8 % военнослужащих и работников, 25 % курсантов). Комплексно противодействие нелегальной миграции Госпогранслужбой Украины воспринимает 33,6 % военнослужащих (работников) и 41,7 % курсантов, которые указали все виды деятельности, предложенные в качестве вариантов ответа. То есть, считается, что выявление фактов нелегальной миграции (оперативно-розыскная деятельность) является приоритетным наряду с восстановлением нарушенного состояния (реадмиссия – передача другим государствам; принудительное возвращение и принудительное выдворение), а также процессуальной деятельностью (осуществление производства по делам об административных правонарушениях), которая дает возможность привлечь нелегального мигранта к ответственности. Кроме того, такой результат проведенного опроса свидетельствует об оценке персоналом Госпогранслужбы Украины преимуществ, которые могут быть в связи с применением специфических (негласных) средств и привлечения к более строгой (уголовной)

ответственности.

В свое время стала достижением регламентация полномочий Госпогранслужбы Украины по борьбе с нелегальной миграцией в законодательстве об административной ответственности. Это важно для обеспечения, в первую очередь, единства процессуальной формы, которая не может существовать только для нужд охраны государственной границы. Лишь отдельные процессуальные права установлены непосредственно Законом Украины «О Государственной пограничной службе Украины». Очертить хотя бы примерный перечень других документов, составляющих правовые основы противодействия нелегальной миграции органами Госпогранслужбы Украины, возможно на основе терминологического понимания. Термин «противодействие» в аспекте направленности на преодоление определенного асоциального явления закреплен в Законе Украины «О противодействии торговле людьми», согласно ст. 1 которого противодействие торговле людьми является системой мер, направленных на преодоление торговли людьми путем ее предупреждения и борьбы с ней и оказания помощи и защиты лицам, пострадавшим от торговли людьми²¹. На основе этого определения возможно предположить, что противодействие нелегальной миграции предусматривает следующие составляющие: предупреждение нелегальной миграции, борьба с ней и защита прав нелегальных мигрантов. Следовательно, деятельность Госпогранслужбы Украины, направленную на противодействие нелегальной миграции, регламентирует три группы нормативно-правовых актов: профилактических, правоохранительных и правозащитных.

Правовые основы профилактического направления противодействия нелегальной миграции органами Госпогранслужбы Украины составляет, прежде всего, законодательство о государственной границе. В.И. Олефир рассматривает противодействие нелегальной миграции как форму обеспечения общественного порядка, основным способом которого является профилактика²². Такая позиция дает возможность рассматривать охрану государственной границы также как способ предотвращения незаконного пересечения мигрантом государственной границы. Поэтому основными документами этой группы являются Законы Украины «О

государственной границе Украины», «О Государственной пограничной службе Украины», «О пограничном контроле» и подзаконные нормативно-правовые акты, принятые для их реализации.

Правоохранительное законодательство предусматривает систему мероприятий, осуществляемых в рамках противодействия нелегальной миграции, направленных на выявление незаконного въезда иностранцев или лиц без гражданства и (или) пребывания на территории Украины, а также других лиц, причастных к этим правонарушениям, и привлечение их к ответственности. Исходя из такого понимания, к нормативно-правовым актам этой группы следует отнести не только законодательство, регламентирующее применение мер административного принуждения, но и, направленное на выявление преступлений и привлечение к уголовной ответственности. Основными законодательными актами, охватываемыми правоохранительным законодательством, являются: Кодекс об административных правонарушениях, Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, законы «Об ответственности перевозчиков при осуществлении международных пассажирских перевозок», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства».

Группа правозащитных актов регламентирует предоставление помощи и защиты лицам, пострадавшим в результате нелегальной миграции. Правовые основы защиты прав человека, в том числе мигрантов, определены в источниках высшей юридической силы – Конституции Украины и международном праве. На законодательном уровне такими нормативно-правовыми документами являются законы «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите» и «О противодействии торговле людьми».

Указанная типология правовых основ деятельности Госпогранслужбы Украины по противодействию нелегальной миграции является условной, поскольку, нормативно-правовые акты каждой из предложенных групп могут одновременно содержать профилактические, правоохранительные и правозащитные положения. Однако, основное назначение указанных выше документов отражает их место в той или иной

группе. Лишь в некоторых случаях определить назначение отдельных актов фактически невозможно.

Так, согласно ч. 1 ст. 2 Кодекса административного судопроизводства Украины (далее – КАСУ) задачей административного судопроизводства является справедливое, беспристрастное и своевременное решение судом споров в сфере публично-правовых отношений с целью эффективной защиты прав, свобод и интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц от нарушений со стороны субъектов властных полномочий²³. Наряду с этим, ст.ст. 288 и 289 КАСУ направлены на процессуальную реализацию положений Закона Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства», предусматривающих применение принудительного выдворения иностранцев и лиц без гражданства за пределы Украины. Поскольку административное судопроизводство имеет совсем другие задачи, В.И. Олефир отмечает, что по своему социальному назначению оно «не может иметь целью применения к гражданину (речь идет об иностранце или лице без гражданства – А. М.) наказание в виде такой санкции, как выдворение за пределы Украины»²⁴. Инициатором обращения в административный суд для реализации такой принудительной меры в соответствии с указанными нормами КАСУ, а также ст. 30 Закона Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства» могут быть органы охраны государственной границы²⁵. Подытоживая особенности реализации административного судопроизводства по делам по обращениям субъектов властных полномочий, А.А. Радчук делает вывод о том, что в такой категории дел административные суды осуществляют «функции, отличные от традиционных». В частности, он считает, что эти судебные учреждения «выполняют роль органа, осуществляющего применение мер юридической ответственности, страхование объективности и целесообразности принятого решения путем введения в процедуру принятия решения независимого субъекта, а также функцию защиты физических или юридических лиц от возможного произвола органов исполнительной власти или органов местного самоуправления»²⁶.

Устранить указанное противоречие в ближайшее время возможно только при условии систематизации миграционного законодательства. Однако единого видения результата такой

работы пока не существует. С учётом недавнего реформирования судебной системы в Украине не следует ожидать кардинального изменения процессуального законодательства, в частности, административно-процессуального, которое содержит соответствующие правоохранные положения. Не предусматривает это также проект Концепции проекта миграционного кодекса Украины, в котором правоохранный состав является как таковой отсутствует²⁷.

В связи с этим следует отметить, что существует еще одна группа документов, которые имеют программный характер правовых основ деятельности Госпогранслужбы Украины по противодействию нелегальной миграции. Со времени провозглашения независимости Украины разными субъектами государственной власти было принято значительное количество концептуальных (стратегических) документов, определяющих основные направления миграционной и пограничной политики. На сегодня документами, непосредственно касающимися деятельности органов охраны государственной границы Украины, являются Стратегия развития Государственной пограничной службы и Концепция интегрированного управления границами. Существует еще ряд подобных актов, определяющих отдельные задачи и связанных с координацией деятельности Госпогранслужбы Украины: Концепция государственной миграционной политики, одобренная Указом Президента Украины от 30 мая 2011 г. № 622/2011; Стратегия развития органов внутренних дел Украины и Концепция первоочередных мер по реформированию системы Министерства внутренних дел, одобренные распоряжением Кабинета Министров Украины от 22 октября 2014 г. № 1118-р; Стратегия национальной безопасности Украины, утвержденная Указом Президента Украины от 26 мая 2015 г. № 287; Концепция развития сектора безопасности и обороны Украины, утвержденная Указом Президента Украины от 14 марта 2016 г. № 92; Стратегия государственной миграционной политики Украины на период до 2025 года, одобренная распоряжением Кабинета Министров Украины от 12 июля 2017 г. № 482-р. Каждый из этих документов может быть охарактеризован как план действий по достижению определенной цели. В регулировании миграционных процессов и охране границы надлежащий результат (соответствующая

цель) связывается с реализацией принципов соблюдения прав человека и интегрированного управления границами.

Из вышеуказанного возможно сделать вывод о доминирующем административно-правовом характере основ деятельности Госпогранслужбы Украины по противодействию нелегальной миграции. Связано это со специфическими свойствами административного права, пределы предмета регулирования которого являются наиболее объемными и по определению которых нет единодушия в юридической литературе²⁸. Однако, таким образом сочетаются возможности выполнения разноплановых задач. Как отмечает Ю.В. Пирожкова, в зависимости от способов правового воздействия административное право может выполнять регулятивную (в ее статическом и динамическом измерениях) и охранную функции (в структуре которой целесообразно выделять пять подфункций: профилактическую, контрольную, конфликтную, восстанавливающую и карательную)²⁹. А.А. Бандурка, характеризуя миграционный процесс, замечает, что он приобретает упорядоченный, урегулированный характер благодаря активному воздействию права, прежде всего, административного, и соответственно, проявляется в административно-правовых отношениях³⁰. Фактически такого же мнения придерживается Н.П. Тындык, которая, несмотря на регулятивное значение административного права, считает, что оно играет чрезвычайно важную роль в миграционной сфере, поскольку производит организующее влияние на миграционные потоки, потребности функционирования и развития которых требуют определенного вмешательства государства с помощью соответствующих правовых рычагов³¹. В противодействии нелегальной миграции безусловное значение приобретает охранная составляющая административно-правового регулирования, предполагающая сочетание различных методов воздействия, которые связаны не только с применением принудительных мер, а направлены на осуществление сервисных задач по соблюдению прав мигранта.

Выводы

Таким образом, эффективная государственная деятельность, направленная на решение острых миграционных проблем,

невозможна без участия органов охраны государственной границы. Теоретическое обобщение исследований противодействия нелегальной миграции органами Госпогранслужбы Украины в современных условиях интегрированного управления границами и реализации сбалансированной миграционной политики приводит к обоснованию следующих выводов.

1. Комплексный подход в рассмотрении нелегальной миграции как асоциального явления правовой действительности приводит к её пониманию как объекта противодействия, состоящего из противоправных деяний различных по степени общественной опасности и кругу субъектов, однако связанных с незаконным въездом или пребыванием на территории государства.
2. Противодействие нелегальной миграции является одной из основных функций Госпогранслужбы Украины, поскольку определяет государственное назначение этого правоохранительного органа. Такая деятельность характеризуется как система мероприятий, направленных на преодоление нелегальной миграции путем ее предупреждения и борьбы с ней, а также оказания помощи и защиты лицам, пострадавшим в процессе миграционных правонарушений. Ее правовые начала определены тремя группами нормативно-правовых актов: профилактическими, правоохранительными и правозащитными.
3. Результаты анкетирования персонала Госпогранслужбы Украины показывают практическое восприятие приоритетности оперативно-розыскной деятельности в противодействии нелегальной миграции наряду с восстановлением нарушенного миграционного состояния (реадмиссия – передача другим государствам; принудительное возвращение и принудительное выдворение), а также процессуальной деятельностью, которая дает возможность привлечь нелегального мигранта к ответственности. Результат проведенного опроса свидетельствует также об оценке преимуществ, которые связываются с применением специфических (негласных) средств и привлечения к более строгой (уголовной) ответственности за миграционные правонарушения.

Ссылки

- ¹ Про основи національної безпеки України: Закон України втратив чинність на підставі Закону від № 2469-VIII від 21 черв. 2018 р. *Відом. Верхов. Ради України*. 2003. № 39. Ст. 351.
- ² Стратегія національної безпеки України: затв. указом Президента України № 287/2015 від 26 трав. 2015 р. *Офіц. вісн. України*. 2015. № 43. Ст. 1353.
- ³ Протокол проти незаконного ввозу мігрантів по суші, морю і повітря, що доповнює Конвенцію Організації Об'єднаних Націй проти транснаціональної організованої злочинності: Прийнятий резолюцією 55/25 Генеральної Асамблеї від 15 листоп. 2000 р. *Офіц. вісн. України*. 2006. № 14. Ст. 1058.
- ⁴ *Философский словарь* / под. ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. – Москва: Политиздат, 1987, с. 465.
- ⁵ Державне управління в Україні: наукові, правові, кадрові та організаційні засади: навч. посіб. В. Т. Білоус, С. Д. Дубенко, М. Я. Задорожна та ін.; за заг. ред. Н.Р. Нижник, В.М. Олуйка. – Львів: Вид-во Нац. ун-ту «Львів. політехніка», 2002, с. 38.
- ⁶ Литвак О.М. Державний контроль за злочинністю: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Нац. юрид. академія ім. Я. Мудрого. – Харків, 2002, с. 11.
- ⁷ Урда М.Н. Противодействие незаконной миграции как направление российской уголовной политики. *Актуальные проблемы российского права*. 2018, № 4 (89), с. 156.
- ⁸ Колпаков В.К. Деліктний феномен в адміністративному праві України: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.07. Нац. академія внутр. справ України. – Київ, 2005, с. 11.
- ⁹ Рабінович П.М. Основи загальної теорії держави і права: посіб. Вид. 2-е, зі змінами і доповн. К., 1994, с. 128.
- ¹⁰ Кузьменко О.В. Адміністративно-правова протидія нелегальній міграції в Україні: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07. Нац. академія внутр. справ України. – Київ, 2000, с. 16, 17.
- ¹¹ Тиндик Н.П. Адміністративно-правовий механізм регулювання міграції в Україні: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.07. Нац. ун-т держ. податк. служби України. – Ірпінь, 2009, с. 19.
- ¹² Четверткова М.Ю. Противодействие незаконной миграции – актуальная задача государственной миграционной политики. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № 10 (41). Ч. 1. URL: <https://research-journal.org/law/protivodejstvie-nezakonnoj-migracii-aktualnaya-zadacha-gosudarstvennoj-migracionnoj-politiki/> (дата обращения: 19.04.2019.). doi: 10.18454/IRJ.2015.41.037.
- ¹³ Про Державну прикордонну службу України: Закон України від 3 квіт. 2003 р. № 661-IV. *Відом. Верхов. Ради України*. 2003. № 27. Ст. 208.
- ¹⁴ Король М. Поняття та основні напрями розвитку функцій Державної прикордонної служби України. *Вісн. Нац. академії Держ. прикордон. служби України. Серія: Юрид. науки*. 2016. Вип. 1. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vnadpcurn_2016_1_10 (дата звернення: 19.04.2019).

- 15 Про Державну прикордонну службу України: Закон України від 3 квіт. 2003 р. № 661-IV. *Відом. Верхов. Ради України*. 2003. № 27. Ст. 208.
- 16 Ляшук Р.М. Діяльність відділів прикордонної служби Державної прикордонної служби України (адміністративно-правовий аспект): монографія / за заг. ред. В. Л. Грохольського. – Хмельницький: Вид-во НАДПСУ, 2015, с. 229.
- 17 Ляшук Р.М. Діяльність відділів прикордонної служби Державної прикордонної служби України (адміністративно-правовий аспект): монографія / за заг. ред. В. Л. Грохольського. – Хмельницький: Вид-во НАДПСУ, 2015, с. 223.
- 18 Ярмакі В.Х. Правові засади протидії нелегальній міграції Державною прикордонною службою України. *Південноукраїнський правничий часопис*. 2013, № 2, с. 25.
- 19 Платонов А.В. Протидія нелегальній міграції як чинник забезпечення національної безпеки України: автореф. дис. ... канд. політ. наук : 21.01.01. Нац. ін-т проблем міжн. безпеки при РНБО України. – Київ, 2006, с. 8.
- 20 Анкетирование проведено в течение 2017 года среди: офицеров оперативно-розыскных подразделений; офицеров подразделений по работе с иностранцами и административного производства; военнослужащих и работников подразделений временного содержания; слушателей факультета подготовки руководящих кадров и курсантов, обучающихся по офицерской программе в Национальной академии Государственной пограничной службы Украины имени Богдана Хмельницкого.
- 21 Про протидію торгівлі людьми: Закон України від 20 верес. 2011 р. № 3739-VI. *Відом. Верхов. Ради України*. 2012. № 19–20. Ст. 173.
- 22 Олефір В. Протидія нелегальній міграції як форма забезпечення громадського порядку. *Право України*. 2005. № 1, с. 84.
- 23 Кодекс адміністративного судочинства України: в ред. Закону України від 3 жовт. 2017 р. № 2147-VIII. *Відом. Верхов. Ради України*. 2017. № 48. Ст. 436.
- 24 Олефір В.І. Оптимізація адміністративно-правового механізму видворення іноземців: проблеми теорії та практики адміністративної юрисдикції. *Наук вісн. публ. та приват. права*. 2015. Вип. 2, с. 96.
- 25 Про правовий статус іноземців та осіб без громадянства: Закон України від 22 верес. 2011 р. № 3773-VI. *Відом. Верхов. Ради України*. 2012. № 19–20. Ст. 179.
- 26 Радчук А.А. Функції адміністративного судочинства у справах за зверненнями суб'єктів владних повноважень. *Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна: Сер.: Право*. 2016. Вип. 22, с. 115.
- 27 Державна міграційна служба України. Концепція проекту Міграційного кодексу України: проект. URL: <https://dmsu.gov.ua/assets/files/doc/KoncMigKodex.zip> (дата звернення: 19.04.2019).
- 28 Ігонін Р.В. До питання предмета адміністративного права. *Вісн. Академії митної служби України. Сер.: Право*. 2010. № 1. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vamsup_2010_1%284%29__8 (дата звернення: 19.04.2019).

- ²⁹ Пирожкова Ю.В. Функції адміністративного права в розрізі аналізу функцій галузей публічного права. *Наук. вісн. Міжн. гум. ун-ту. Сер.: Юриспруденція*. 2015. № 18. Том 1, с. 80.
- ³⁰ Бандурка О.О. Адміністративно-правове регулювання міграційного процесу в Україні: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07. Нац. юрид. академія України ім. Я. Мудрого. – Харків, 2002, с. 6.
- ³¹ Тиндик Н.П. Адміністративно-правовий механізм регулювання міграції в Україні: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.07. Нац. ун-т держ. податк. служби України. – Ірпінь, 2009, с. 19.

Anotācija

Rakstā analizēti zinātniski teorētiskie nelegālās migrācijas ierobežošanas aspekti Ukrainas Valsts robežsardzes darbībā. Teorētisko atziņu izklāstam izmantotas robežsardzes dienesta iestāžu statistikas ziņas. Nelegālās migrācijas ierobežošanas pasākumu izvērtēšanai pētījuma ietvaros analizēti robežsargu un robežsardzes iestāžu darbinieku aptaujas dati. Pētījuma ietvaros noteikta robežsardzes dienestu darbības tiesisko pamatu tipoloģija. Raksta secinājumi saistīti ar Ukrainas valsts robežsardzes dienestu darbību, kas vērsta uz nelegālās migrācijas novēršanu, nelegālās migrācijas kontroli un nelegālo migrantu tiesību ievērošanu.

ВЕКСЕЛЬНЫЙ ТЕРМИНАЛ КАК СПОСОБ ЛЕГАЛИЗАЦИИ АЗАРТНЫХ ИГР В РОССИИ

*Mg. iur. Ирина Цветкова,
лектор Балтийской Международной академии,
докторант докторской программы «Юридическая наука»
Балтийской Международной академии, Латвия*

Abstract

With the evolving commodity-money relations the promissory note has gradually become a universal credit-settlement instrument used in business and banking practice. In the XXI century the promissory note market started to be used both for virtual transactioning and for the transactioning not directly related to the receipt of the particular monetary funds and even for the pursuit of the activities under a ban. After the gambling ban at almost the entire territory of the Russian Federation, stock exchange programmes and bill of exchange terminals started to be actively used to legalize gambling. The imperfection of the legal regulations and the court practice cannot solve the problem of such gambling prohibition forms and gambling halls under the bill of exchange guise of clubs continue their work in different regions of Russia. The paper considers the problem of organizing and conducting gambling using the bill of exchange terminals in the Russian Federation, as well as the court practice on the legality of exchange clubs bill of, the corresponding conclusions have been drawn.

Keywords: exchange option, promissory note, promissory note terminal, promissory note trade system, legalization of gambling.

Введение

С развитием товарно-денежных отношений вексель постепенно превратился в универсальный кредитно-расчетный инструмент, используемый в коммерческой и банковской практике. Вексель обладает функциями платежного инструмента, <http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4022>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

долгового обязательства и ордерной ценной бумаги. Простота и дешевизна выпуска, оперативность обращения векселей, гибкость в финансовых расчетах, а также защита прав всех участников вексельного обращения международным вексельным правом обуславливает популярность их использования.

В настоящее время вексельный рынок стал использоваться для совершения виртуальных сделок при помощи вексельных терминалов, которые стали широко применяться для легализации запрещенных в Российской Федерации (далее – РФ), азартных игр.

Целью статьи является изучение проблемы организации и проведения азартных игр с использованием вексельных терминалов в Российской Федерации.

Объектом исследования является незаконная организация азартных игр в России, предметом исследования – правовое регулирование, касающееся незаконного проведения азартных игр с использованием вексельных терминалов.

Исследование основано на анализе нормативно-правовых актов и практике суда. При подготовке статьи использованы методы исследования: аналитический, синтетический и сравнительный, а также методы толкования норм права: грамматический, систематический и телеологический.

1. Вексельные терминалы

Эпоха классического векселя как ценной бумаги подходит к концу. Значительное уменьшение вексельного сегмента наблюдается с 2013 года, когда в России начался банковский микрокризис и регулятор в рамках борьбы с фальшивыми векселями ввел дополнительные требования к финансистам (рис. 1).

Рисунок 1

Объем выпущенных банками РФ векселей и объем вложений банков в векселя

В настоящее время на современном финансовом рынке для активных операций используются торговые системы, базирующиеся на новейших информационных технологиях. В этом смысле вексельный рынок не исключение. Обороты вексельного рынка со временем вызвали необходимость использования различных систем поддержки торгов. Информационно-аналитические агентства, которые специализируются на предоставлении финансовой информации, предлагают как данные о состоянии вексельного рынка, так и различные виды вексельных терминалов, то есть систем выставления и получения котировок различных векселей. Существующие вексельные терминалы не являются торговыми системами в полном смысле этого слова, а служат лишь информационной базой данных. В то же время понятие «вексельный терминал» уже вошло в повседневный оборот долгового рынка.

Однако, вместе с возникновением вексельных терминалов вексель нашел неожиданное применение в России для легализации азартных игр. Почти 10 лет назад, 1 июля 2009 года, в России вступил в силу закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», согласно которому азартные игры на всей территории РФ были запрещены, за исключением специальных зон в Алтайском, Краснодарском, Приморском краях и Калининградской области¹.

Однако количество нелегальных игорных заведений до сих пор велико, и на сегодняшний день в России действует около 60 тысяч подпольных казино. Этому способствует не только проблема выявления самих игорных заведений, но и несовершенство правового регулирования в определении понятия азартной игры.

2. Правовое регулирование о запрете азартных игр в РФ

Правовое регулирование РФ затрагивает лишь часть из существующих азартных игр. Согласно статье 4 Федерального закона «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений

в некоторые законодательные акты РФ» азартная игра – это основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры. При этом под риском понимается опасность непредвиденной ожидаемой потери денежных средств из-за случайного изменения определенных условий.

Выигрыш в азартной игре полностью или в значительной мере зависит не от искусства игроков, а от случая. Суть азартной игры состоит в случайном выпадении последовательности условных символов, в зависимости от комбинации которых игрок либо теряет денежные средства, зачисленные на его баланс, либо его баланс увеличивается, то есть игрок получает выигрыш. Игрок, играя на игровом автомате, самостоятельно управляет игрой при помощи нажатия клавиш, делает ставки.

Исследователи-правоведы справедливо полагают, что указания на «правила, установленные организатором азартной игры» являются излишними и справедливо предлагают под азартной игрой понимать деятельность организаторов и участников в рамках заключенного соглашения о выигрыше, основанного на риске².

Изначальная редакция статьи 171.2 «Незаконные организация и проведение азартных игр» предусматривала административную ответственность в случае извлечения дохода в крупном размере³. Федеральным законом РФ от 22 декабря 2014 года № 430-ФЗ признак извлечения дохода в крупном размере был исключен из состава преступления и перемещен в часть вторую, сделав его квалифицирующим признаком⁴. В 2018 году в статью 171.2. были внесены поправки, которые предусматривают уголовную ответственность за организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны, либо без полученной в установленном порядке лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах вне игровой зоны, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игровой зоне, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» или средств связи, в том числе подвижной

связи, за исключением случаев приема интерактивных ставок организаторами азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах, а равно систематическое предоставление помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр.

Следует отметить, что в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации было внесено множество инициатив по борьбе с нелегальными азартными играми. К примеру, предлагается ввести уголовную ответственность за незаконное производство, хранение и реализацию самого игрового оборудования. Но эксперты обоснованно полагают, что на практике одного факта обнаружения игорного оборудования недостаточно для того, чтобы посадить организаторов нелегальной игры. «Однорукие бандиты» и их различные электронные братья не изъяты из гражданского оборота, их можно на законных основаниях производить, хранить, реализовывать. Доказать факт проведения азартных игр трудно: как только появляется полиция, все игры прекращаются⁵.

Вместе с тем, ужесточение ответственности за незаконную деятельность является недостаточным для правового регулирования, так как служит превентивной мерой для упреждения совершения правонарушения другими лицам. По статистике, популярность азартных игр на игровых автоматах постоянно растет, и в России такие игры и сегодня продолжают своё существование, несмотря на то, что законом установленное понятие «игровое оборудование» позволяет отнести к нему любые устройства, используемые для указанной цели.

В законодательстве отсутствуют четкие критерии для определения понятия «азартная игра». В результате игровые аппараты маскируются под биржевые и брокерские терминалы, торговые платформы, а также торгово-вексельные системы. К примеру, ООО «Фокус» провел сертификацию программного обеспечения «Биржевой терминал HOLYTRADE» на территории Российской Федерации и предлагает использовать законную систему бинарных опционов с игровым интерфейсом. Если в момент сделки стоимость его активов превысила стоимость номинала, клиент получает прибыль. Внебиржевые торги проходят в электронном виде в системе торгов внебиржевого

рынка. Через аппарат также возможно зачисление денежных средств на счет и их снятие⁶.

Также программный комплекс «Визуализатор» на аппаратах «Гермес» с игровым интерфейсом отражает торги на рынке ценных бумаг. Каждый клиент может зарегистрироваться, зачислять и снимать денежные средства со счета. Графики отражают процесс изменения цен, но анимация совершенных сделок для клиента выглядит как азартная игра⁷.

Азартные игры вне игровой зоны организуются также под видом распространения векселей через торгово-вексельную систему с использованием десятков персональных компьютеров. Программное обеспечение «Торговая вексельная система» в своей основе использует вексельные сделки, но по сути является классическим игровым аппаратом «однорукий бандит». На экранах демонстрируется привычный виртуальный барабан, по мере вращения которого на экране изменяется положение символов, определяющих размер выигрыша или проигрыша. Программное обеспечение предназначено для проведения торговых сессий по совершению сделок с векселями и их визуализации в различных режимах (интерфейсах). Программа предоставляет возможность совершения сделок по продаже векселей либо заключения иных сделок, результатом которых будет являться возмездное отчуждение прав на приобретенные векселя, в том числе возмездная уступка права требования передачи векселя по цессии.

В 2015 году в Перми закрыли первый игровой клуб сети «Вексельная система», которая появилась на месте скандальной гослотереи «Победа». Игровые автоматы заведения были закамуфлированы под обычные компьютеры, на мониторах которых мелькали «фрукты, цифры и обезьянки» – классический «однорукий бандит». Клавиатуру использовали от обычных игровых автоматов с кнопками «купить-продать» и «режим»⁸. Однако, суд не признал изъятые аппараты игровыми, и пермская полиция совместно с прокуратурой внесла предложение о запрете самой визуализации игровых автоматов.

Правительство РФ внесло в Госдуму законопроект, который предлагает обязать банки и других платежных агентов отказывать в денежных переводах для организаторов нелегальных азартных игр и лотерей⁹. Однако это не решит

проблемы использования вексельных терминалов, которые подключены по интернет-каналам к удалённым системам и оборудованы купюроприёмниками наличных денег. Вексельные терминалы имеют определённый алгоритм действий участника (фактически – игры), в результате которых участник либо увеличивает сумму своего первоначального взноса (ставки), либо уменьшает её.

3. Правоприменительная практика об организации и проведении азартных игр через вексельные терминалы

Судебная практика пока не даёт решения проблемы, так как средством доказательства является экспертиза вексельных терминалов. Так, при рассмотрении судебного спора в Республике Карелия об организации проведения азартных игр через торгово-вексельную систему с использованием 11 компьютеров была проведена экспертиза, которая пришла к следующим выводам:

1. Векселя, находящиеся в продаже, совпадают с данными, отображаемыми на терминале с помощью ПО «ТВС. Клиентское приложение».
2. «Торговая вексельная система. Клиентское приложение» не может влиять на цену, рассчитанную ПО «ТВС. Торговый робот».
3. Цена, определяемая ПО «ТВС. Торговый робот», является детерминируемой (рассчитываемой) и базируется на основе анализа истории ранее совершенных сделок.
4. Цена, предлагаемая ПО «ТВС. Торговый робот», не является случайной, так как базируется на основе анализа истории покупок векселей.
5. При заключении сделки клиент может отказаться от цены, предложенной скупщиком с помощью ПО «ТВС. Торговый робот», и совершить сделку на своих, ранее определенных, условиях¹⁰.

Суд констатировал, что векселя продаются по фиксированным ценам. Цессионарий по договору цессии определяет первоначальную цену сделки (стоп-цена), то есть делает оферту о покупке у него права требования.

Цессионарий может принять эту оферту либо направить

встречную оферту – предложение заключить договор на иных условиях (по иной цене). После получения клиентом встречной оферты клиент может либо еще раз предложить заключить сделку по стоп-цене, либо заключить сделку по цене, предложенной цессионарием.

Суд констатировал, что между компанией и клиентом соглашение о выигрыше не заключается, а в упомянутой системе нет Генератора Случайных Чисел. Поэтому суд пришел к заключению, что торгово-вексельная система не является азартной игрой.

Также и Верховный суд РФ Постановлением от 19 января 2015 г. по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 14.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях,¹¹ установил, что используемый нарушителем программный продукт имеет функциональные возможности, которые позволяют выходить на торговые площадки и осуществлять внебиржевые торги, автоматизировать документооборот по торговым операциям, регистрировать клиентов, зачислять средства на счет, а также списывать средства со счета клиента. Графический интерфейс программы (визуализация) не влияет на результаты сделок. Суд не выявил бесспорных доказательств, свидетельствующих о том, что осуществляемая деятельность связана с азартными играми¹².

Позиция судов, исследующих сами аппараты и терминалы при помощи экспертизы, является ошибочной. Необходимо в первую очередь доказывать прием денег и факт получения клиентом выигрыша, используя конкретную систему. Для этого нужно привлекать в качестве свидетелей по делу пользователей системы, чьи пояснения в деле помогли бы выявить цель использования системы – для извлечения дохода или же для выигрыша, основанного на риске.

В 2015 году прокурор города Ишимбая Республики Башкортостан обратился с соответствующим заявлением в суд, и первая инстанция признала вексельные терминалы игровыми, приняв во внимание свидетельские показания. Один из свидетелей в судебном заседании показал, что в августе 2015 года он зашел поиграть в азартные игры в клуб, который находится напротив его дома. Ранее он играл на игровых

автоматах в Москве, и игры, установленные на терминалах в вексельном клубе, визуально не отличаются от тех, которые он видел на игровых автоматах. Играя в вексельном клубе, он понимал, что можно проиграть деньги, но была надежда на то, что он может выиграть. Играя, он испытывал азарт, понимал, что существует риск потерять денежные средства. При входе в клуб паспортные данные у него никто не спрашивал и о векселях ему никто ничего не говорил¹³. К сожалению, суд вышестоящей инстанции решение отменил, заодно прекратив и судебные разбирательства на формальном основании – к тому времени истекли сроки давности привлечения к административной ответственности.

Впервые только летом 2018 года Ухтинский городской суд признал жителя Сыктывкара виновным в организации незаконной игровой деятельности. Судом было установлено, что в июне 2017 года сыктывкарец, ранее судимый за организацию незаконной игровой деятельности, открыл в нежилом помещении игровой клуб, где разместил 15 игровых терминалов. Официально заведение осуществляло деятельность по продаже векселей, однако фактически там проводились азартные игры. Незаконная деятельность клуба была пресечена в сентябре 2017 года сотрудниками правоохранительных органов. Организатор подпольного казино признал свою вину в содеянном, и суд назначил наказание в виде 200 часов обязательных работ, а также конфисковал 15 игровых терминалов и 82 тысячи рублей, изъятых в игровом клубе¹⁴.

В сентябре 2018 года в Москве была раскрыта крупнейшая сеть из 15 игровых клубов и подпольных казино. По факту организации преступного сообщества и участия в нем возбуждено 12 уголовных дел об организации незаконной игровой деятельности, которые были объединены в одно делопроизводство¹⁵. За девять месяцев 2018 года в России было возбуждено уже 1149 уголовных дел по факту организации нелегального игорного бизнеса.

В настоящее время в России работают следующие игровые зоны:

- 1) “Красная поляна” в Краснодарском крае,
- 2) “Приморье” в Приморском крае,
- 3) “Янтарная” в Калининградской области,
- 4) “Сибирская монета” в Алтайском крае.

Однако образованные зоны азартных игр в отдельных регионах России за 10 лет так и не были обустроены для полноценного игорного бизнеса. Главной причиной являются коррупция и отсутствие инфраструктуры – важная и неотъемлемая часть по предоставлению развлекательных услуг. В результате игорный бизнес ушел в подполье, и его контролирует криминалитет, создавший по всей России сотни казино и тысячи залов игровых автоматов, от деятельности которых государство не получает налоги.

Более того, подпольный игорный бизнес прикрывают органы правопорядка. Стоит вспомнить громкий скандал 2011 года, получивший название «дело подмосковных прокуроров», когда в «крышевании» подпольных казино обвинили ряд сотрудников правоохранительных органов. Следственный комитет РФ установил, что с лета 2009 года по начало 2011 года доход от деятельности 18 нелегальных игровых залов в 15 городах составил 770 млн. рублей. По свидетельствам организаторов, часть вырученных от деятельности казино средств уходила на повседневные нужды, а 80% шли прокурорам, прикрывавшим подпольный бизнес. К 2015 году в уголовном деле практически не осталось фигурантов, поскольку Генпрокуратура отказалась утверждать обвинительные заключения, несмотря на попытки Следственного комитета довести дело до суда¹⁶.

Тотальная коррупция в самых высших эшелонах власти является важнейшим препятствием для упорядочения и пресечения незаконного игорного бизнеса в России. В феврале 2019 года, благодаря показаниям одного из подозреваемых, была раскрыта крупная сеть вексельных клубов в 10 районах Санкт-Петербурга, в организации которой подозреваются полицейские и сотрудники городской прокуратуры Санкт-Петербурга¹⁷.

Следует отметить, что запрет игорного бизнеса не уменьшил количество игроков. Статистика показывает, что всего в России в азартные игры регулярно играют 13,2 млн. человек, или 11% взрослого населения страны¹⁸. Вместе с тем, мировой рынок азартных игр неукоснительно растет (рис. 2).

Рисунок 2
Мировой рынок азартных игр

Следовательно, игровой бизнес на территории России в ближайшие годы будет продолжать действовать подпольно, способствуя процветанию коррупции. Государственная казна, в свою очередь, недополучит существенные налоги. В 2018 году только в Москве доход от нелегального игорного бизнеса превысил 350 млн. руб.

Выводы

1. В законодательстве РФ отсутствуют четкие критерии для определения понятия «азартная игра», под которой следует понимать деятельность организаторов и участников в рамках заключенного соглашения о выигрыше, основанного на риске.
2. Основным аргументом против признания вексельных терминалов игровыми автоматами является то, что выигрыш ими определяется не случайно, а в зависимости от курса валют и прочих активов. Поэтому является целесообразным законодательно изменить само понятие «игровой автомат», исключив из него определение выигрыша случайным образом. Достаточно установить, что игровым автоматом считается любое электронное, механическое или электромеханическое оборудование с особой программой для определения размера выигрыша.
3. «Продажа векселей» на вексельных терминалах имеет заранее известный номинал на продажу и покупку цессий на векселя, то есть не зависит ни от курса валют, ни от

прочих активов.

4. Генератор Случайных Чисел – это заранее predetermined (рассчитываемый) результат Торгового Робота, никакой гражданско-правовой договорной основы в соглашениях с клиентом фактически не существует, что дает основание для признания такой сделки ничтожной (притворной), согласно п. 2 статьи 170 ГК РФ.
5. Деятельность скупщика и продавца векселей через вексельные терминалы в вексельных клубах предусматривает построение финансовой пирамиды организованной группой лиц, так как она основана на привлечении клиентов на «вексельный рынок» и заключения по сути ничтожных (притворных) сделок.
6. Правоохранительным органам следует изымать не вексельные терминалы, а сервер, либо уже на этапе изъятия привлекать эксперта, чтобы методом контрольной эксплуатации зафиксировать факт Генератора Случайных Чисел и подключение к серверу.

Ссылки

- ¹ Федеральный закон РФ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (редакция от 25.12.2015 г.), № 211-ФЗ от 01.07.2009 г. Доступен: <http://docs.cntd.ru/document/902021716> (просмотрен 12.04.2019).
- ² Мосечкин И.Н. Совершенствование законодательства, регулирующего сферу азартных игр в условиях эволюции незаконной игорной деятельности // Безопасность бизнеса. – М., 2015. № 4. С. 32-35..
- ³ Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996 г. Доступен: <http://rulaws.ru/uk/> (просмотрен 12.04.2019).
- ⁴ Федеральный закон РФ «О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса РФ и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях» № 430-ФЗ от 22.12.2014 г. // Российская газета. 2014. № 293.
- ⁵ Конец игры. Доступен: <https://rg.ru/2017/03/30/upk-razreshil-unichtozhat-odnogrukih-banditov-iz-nezakonnyh-kazino.html> (просмотрен 12.04.2019).
- ⁶ Бинарные опционы Holytrade. Доступен: <https://iholi.org/> (просмотрен 12.04.2019).
- ⁷ Под видом бестиражных моментальных лотерей в России могут возродиться клубы, в которых будут вестись запрещенные азартные игры. Доступен: <https://www.finam.ru/analysis/investorquestion0000132039> (дата обращения: 12.04.2019).

- ⁸ Пермские пенсионеры зависают в игорных клубах. Доступен: <http://59.ru/text/problem/56901958356992.html> (просмотрен 12.04.2019).
- ⁹ Банкам запретят осуществлять переводы для организаторов нелегальных азартных игр. Доступен: <http://bankir.ru/novosti/20170217/bankam-zapretyat-osushchestvlyat-perevody-dlya-organizatorov-nelegalnykh-azartnykh-igr-10125118/> (просмотрен 12.04.2019).
- ¹⁰ Постановление Административного суда РФ № 5-1920/2014 от 13.03.2015 г. Доступен: http://sudact.ru/regular/doc/9mAxС4z4Itxm/?regular-txt=®ular-case_doc=5-1920%2F2014®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Петрозаводский+городской+суд+%28Республика+Карелия%29®ular-judge=&_id=1460912076555 (просмотрен 12.04.2019).
- ¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 41-ФЗ от 25.04.2002 г. Доступен: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (просмотрен 12.04.2019).
- ¹² Постановление Верховного Суда РФ № 25-АД14-4 от 19.01.2015 г. Доступен: http://supcourt.ru/.php?id=1231292stor_pdf (просмотрен 12.04.2019).
- ¹³ Решение Ишимбайского городского суда республики Башкортостан № 12-14/201 от 08.04.2016 г. Доступен: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-ishimbaiskii-gorodskoi-sud-respublika-bashkortostan/> (просмотрен 12.04.2019).
- ¹⁴ Житель Сыктывкара осужден за организацию незаконного игрового клуба в Ухте. Доступен: <https://procrf.ru/news/649158-jitel-syiktyivkara-osujden-za-organizatsiyu-nezakonnogo-igrovogo-kluba-v-uhte.html> (просмотрен 12.04.2019).
- ¹⁵ СК: В Москве раскрыта крупнейшая сеть подпольных казино. Доступен: <https://mir24.tv/news/16326928/sk-v-moskve-raskryta-krupneishaya-set-podpolnyh-kazino> (просмотрен 12.04.2019).
- ¹⁶ Дело подмосковных прокуроров. Доступен: <http://ukrlife.net/item/6306-delo-podmoskovnykh-prokurorov> (просмотрен 12.04.2019).
- ¹⁷ Игорные прокуроры-2? След силовиков в деле о подпольных казино. Доступен: <https://crimerussia.com/organizedcrime/delo-igornykh-prokurorov-2-sled-silovikov-v-dele-o-podpolnykh-kazino/> (просмотрен 12.04.2019).
- ¹⁸ Буторина Е. Азарт в подполье. Доступен: <https://profile.ru/economy/azart-v-podpole-5916/> (просмотрен 12.04.2019).

Anotācija

Attīstoties tirdzniecības un naudas attiecībām viens no vecākajiem vērtspapīriem, proti, vekselis, pakāpeniski kļuvis par universālu kredīta-norēķinu instrumentu, kuru izmanto komerciālajā un banku darbībā. XXI gadsimtā vekseļu tirgus ir izmantojams virtuālajiem darījumiem un šim nolūkam izveidoti vekseļu termināļi. Pēc azartspēļu aizlieguma gandrīz visā Krievijas Federācijas teritorijā azartspēļu legalizācijai aktīvi izmanto biržas programmas un vekseļu termināļus. Normatīvo aktu nepilnības un tiesu prakse nevar atrisināt šāda veida azartspēļu organizācijas problēmu, kā rezultātā azartspēļu zāles kā vekseļu klubi turpina darbību vairākos Krievijas reģionos. Rakstā ir izskatīta azartspēļu organizācija un darbība, izmantojot vekseļu termināļus Krievijas Federācijā, kā arī tiesu prakse par vekseļu klubu tiesiskumu.

РАЗРАБОТКА ЕДИНЫХ ПРОЦЕДУР ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦЕЛЯХ ОТМЫВАНИЯ (ЛЕГАЛИЗАЦИИ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

*Сюзанна Калинина, магистрант Эстонского университета
прикладных наук по предпринимательству (Mainor), Эстония*

Abstract

The relevance of the topic is confirmed by the changes taking place in the financial monitoring system: the expansion of the financial monitoring range of procedures complication's supervisory bodies aimed at countering money laundering and financing of terrorism, the creation of specialized international and European requirements, which causes changes in the legal regulation of public relations in this area, both at the level of the Estonian Republic, and at international level. Taking into account these changes, financial institutions are a subject to significant legal risks. The purpose of this topic is to improve the financial institution risk management system, in the field of anti-money laundering and countering financing of terrorism. The theoretical and methodological basis of the study are the provisions and conclusions regarding anti-money laundering and countering financing of terrorism risk management issues contained in the research works of different Estonian and Russian authors; as well as the author analysed anti money laundering and counter terrorism financing legal acts and revealed the main recommendations to financial institutions for preventing money laundering and terrorism financing. The author analyses reasons, which affect licenses withdrawal due to breach of money laundering. The nature of the tasks and the system approach to their solution determined the use of the following research methods in the research: analysis and synthesis, grouping and classification, scientific generalization, expert assessments and graphical analysis.

<http://dx.doi.org/10.17770/acj.v2i87.4306>

This journal is distributed with an international license:
[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Keywords: anti-money laundering, recommendations, countermeasures, risk assessment.

За последнее время рост объемов легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, занимают одну из лидирующих позиций среди наиболее тревожных тенденций в мировой статистике преступлений. По оценкам The United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), объем отмываемых денежных средств за год составляет 2 – 5% мирового ВВП (от 800 миллиардов до 2 трлн. долларов США)¹.

Процесс отмывания денежных средств не может обходиться без участия кредитных организаций, что впоследствии подрывает как их репутацию, так и репутацию страны, в которой зарегистрирована та или иная кредитная организация. Необходимо отметить, что основной проблемой в возникновении риска отмывания (легализации) денежных средств в кредитной организации служит несоблюдение законов и внутренних процедур, направленных на противодействие отмыванию (легализации) денежных средств и финансирования терроризма. Последствием этого является количество отозванных у кредитных организаций лицензий, а также применение государством штрафных санкций против организаций. Так, в мае 2016 года за участие в противоправных операциях был лишён лицензии латвийский Trasta Komercbanka; в феврале 2018 года Европейский центральный банк заявил, что латвийский банк ABLV, обвиненный ранее в отмывании денег, будет ликвидирован. В Эстонии за несоблюдение требований Закона о противодействии отмыванию денежных средств и противодействию терроризму (далее – RahaPTS)² в марте 2018 года ЕЦБ отозвал лицензию у Versobank, в феврале 2019 года Эстонская Финансовая Инспекция сделала предписание Датскому банковскому концерну Danske Bank, которым запретила деятельность его филиала на территории Эстонии. Также в феврале 2019 началось расследование против Swedbank. Из последних событий в банковском секторе следует, что есть необходимость в создании и построении эффективной системы оценки риска легализации денежных средств в кредитных организациях. Главным исполнителем такой системы служат кредитные организации, именно они могут идентифицировать

и предупредить возникновение риска легализации денежных средств.

Для того, чтобы снизить риск легализации денежных средств, кредитным организациям необходимо выявить, оценить и управлять данным риском. Так, исследуя возникновение данного риска и его реализацию на примере одной из эстонских кредитных организаций, автор пришел к выводу, что для уменьшения вероятности использования той или иной кредитной организации, в целях легализации (отмывания) денежных средств необходимо применять следующий комплекс мер: четкая регламентация управления процессом; правильно поставленные цели и принципы управления рисками; корректно определенные этапы управления рисками; правильно разработанные методы управления рисками; обученный персонал и обязательное использование информационных технологий. Целью управления рисками кредитной организации должно быть предотвращение использования кредитной организации в качестве инструмента легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, а также исполнение кредитной организацией требований RahaPTS.

Необходимо отметить, что впервые борьбой с отмыванием денежных средств в 1996 году занялись США, где легализация преступных доходов была признана отдельным видом уголовного преступления. Ранее, в 1989 году, была создана межправительственная организация для координации борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств на международном уровне – ФАТФ. По причине роста количества террористических актов в апреле 1990 года ФАТФ разработала «40 Рекомендаций по противодействию отмыванию денег». За последние тридцать с небольшим лет существования данная организация является лидером в вопросах противодействия отмыванию денежных средств. Кредитные организации стран, власти которых не выполняют рекомендации ФАТФ, не смогут рассчитывать на развитие международного банковского сотрудничества. Целью этой организации является разработка и совершенствование международных стандартов в сфере противодействия отмыванию денежных средств и финансирования терроризма. В 2012 году ФАТФ усовершенствовала свои рекомендации, где основные изменения были направлены на³:

- усиление прозрачности деятельности кредитных

организаций с целью препятствия использования преступниками специальных схем для сокрытия личных данных или происхождения денежных средств;

- увеличение контроля над лицами, имеющими отношение к политической деятельности (PER);
- усиление взаимодействия между подразделениями финансового контроля на международном уровне⁴.

Рекомендации ФАТФ установили минимальные требования, которые необходимо реализовывать всем странам-участникам. На данный момент в ФАТФ входят 36 государств мира, две региональные организации (Еврокомиссия и Совет Сотрудничества арабских государств Персидского залива). Исходя из рекомендаций ФАТФ, противодействие отмыванию (легализации) охватывает: финансовую систему и ее регулирование, международное сотрудничество и систему уголовного правосудия и правоохранительных органов. Так, Эстония, являясь членом Европейского Союза с 2004 года, не может осуществлять независимую политику в сфере противодействия отмыванию денежных средств. Таким образом, законодательство Эстонии также построено, исходя из нормативно-правовых актов ЕС. В ноябре 2018 года Эстонская Финансовая Инспекция выпустила документ, согласно которому основными приоритетами являются следующие: борьба с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма, внутренние процедуры, направленные на борьбу с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма⁵.

На сегодняшний день не существует единых процедур, направленных на борьбу с отмыванием денежных средств, но существует ряд рекомендаций ФАТФ, а также Эстонской Финансовой Инспекции, которые могли бы помочь разработать данные процедуры. Проанализировав данные рекомендации и ряд внутренних документов одной из эстонских кредитных организаций, автор пришел к выводу, что процедуры должны быть направлены на выявление риска легализации (отмывания) денежных средств, которым при помощи данных процедур можно управлять. Руководству кредитной организации также необходимо назначить ответственное лицо, которое будет следить за их выполнением, а также за соответствием требованиям закона RahaPTS⁶. Процедуры кредитных организацией должны

содержать меры (упрощенные или повышенные) надлежащей проверки своих клиентов, исходя из уровня риска (низкого или высокого) того или иного клиента, который необходимо назначать при:

- вступлении в деловые отношения;
- проведении сделок, которые превышают установленное кредитной организацией пороговое значение;
- проведении постоянной надлежащей проверки деловых отношений и тщательном анализе сделок клиента.

Назначение того или иного риска клиенту поможет кредитным организациям выбрать правильный комплекс мер, направленный на управление данным риском. Исходя из главы 2 RahaPTS, при низком уровне риска клиента необходимо применять упрощенные меры проверки, а при высоком – повышенные. Риск-ориентированный подход впервые был предложен организацией ФАТФ в 2012 году (т. н. «40 рекомендаций ФАТФ»). Используя данный подход, кредитные организации должны⁷:

- Идентифицировать клиента на основании документов.
- Определить бенефициарного владельца.
- Понять и получить информацию о цели и характере деловых отношений.
- Понять и получить информацию о партнерах клиента.
- Определить источник происхождения денежных средств.
- Проводить постоянную надлежащую проверку деловых отношений с клиентом.
- Хранить вышеуказанные данные о том или ином клиенте, а также информацию о всех операциях на расчетном счету порядка пяти лет⁸.
- Обеспечить сотрудничество с финансовыми субъектами других стран.
- Сообщать о подозрительных сделках.
- Обеспечить работников внутреннего контроля кредитной организации достаточным количеством финансовых, людских и технических ресурсов. Также они должны иметь достаточно полномочий для обеспечения своих функций.

Исходя из данного подхода, кредитные организации обязаны применять принцип «Знай своего клиента» (англ. «*Know You Customer*»)⁹. Так, руководство Эстонской Финансовой

Инспекции¹⁰ и национальный закон требует оценивать риск продукта и риск клиента. К факторам оценки риска клиента можно отнести:

- клиент является иностранным публичным должностным лицом (англ. *PEP*) или связанным с ним лицом¹¹;
- имеется предположение, что предоставленные клиентом документы и информация недостоверны;
- банком было принято решение об отказе в открытие расчетного счета тому или иному клиенту;
- нет информации о хозяйственной деятельности клиента в публичных источниках;
- клиент зарегистрирован по адресу, где зарегистрировано другое юридическое лицо;
- в публичных источниках имеется информация о предоставлении клиентом бухгалтерской отчетности с нулевыми показателями и др. факторы.

Одним из факторов, влияющих на оценку риска клиента, является «страновой риск» – у кредитной организации имеется информация, что клиент, его контрагент или банк-контрагент зарегистрирован или ведет деятельность на территории государства, по отношению к которому применяются международные санкции или же он включен в «черный список» международных организаций. На оценку риска клиента существенно влияют операции, проводимые клиентом на расчетном счету, таким образом повысить риск могут следующие операции¹²:

- значительный оборот наличных денежных средств;
- производство оружия или его реализация;
- валютные операции;
- сделки с недвижимостью;
- клиент не может дать объяснений или представить документы по поводу той или иной сделки;
- клиент использует услуги приват-банкинга и т. д.

В модели оценки рисков в основном используют числовые значения. Так, например, кредитная организация каждой категории фактора риска может присвоить балл от одного до десяти. Десять – самый высокий риск. Отдельные категории могут оцениваться баллам 1–3, представляя нормальный риск, 4–8 – средний риск и 9–10 – высокий риск. Это особенно эффективно при оценке риска продукта клиента, а также

помогает определить, какие меры надлежащей проверки необходимо применить¹³. Затем три категории факторов риска суммируются, и, исходя из порога, определённого той или иной кредитной организацией, клиенту присваивается высокая или низкая степень риска. Высокий уровень риска совсем не означает, что кредитная организация не вступит с клиентом в деловые отношения. Данный уровень риска требует повышенных мер проверки со стороны кредитной организации. К таким мерам проверки, исходя из закона, относятся: предоставление клиентом дополнительных документов под ту или иную сделку (договора, инвойсы, транспортные документы, сертификаты качества товара, акты приема-передачи и т. д.). Проводя постоянную надлежашую проверку в течение деловых отношений с клиентом, риск клиента необходимо пересматривать. Также это необходимо для того, чтобы понимать, насколько проблемные для кредитной организации клиенты с высоким риском, и приемлем ли в дальнейшем этот риск. В случае, если данные клиенты не вызывают опасений, возможно, необходимо пересмотреть уровень их риска. Если же уровень риска не приемлем, необходимо отказать в деловых отношениях данному клиенту. Стоит также отметить, что в случае идентификации подозрительной сделки кредитная организация обязана оповестить компетентные органы. Так, в 2017 году Эстонское Бюро данных по отмыванию денежных средств получило 5 418 сообщений о подозрительных сделках, а в 2018 году – 5 614¹⁴.

Исследуя факторы возникновения данного риска и его последствия на примере эстонской кредитной организации, автор пришел к выводу (опираясь на национальное законодательство Эстонии, Директивы ЕС и рекомендации ФАТФ), что для уменьшения вероятности использования той или иной кредитной организации, в целях ОД/ФТ необходимо применять следующий комплекс мер:

- Должна проводиться оценка риск легализации денежных средств (оформление пакета документов по тому или иному клиенту, передача данного пакета в отдел, который несет ответственность за соблюдение процедур внутреннего контроля; последний осуществляет оценку риска в области ПОД/ФТ).

- Соблюдение принципа «Знай своего клиента» – выработка эффективных мер: необходимо понять, на основании каких показателей кредитная организация будет определять уровень риска того или иного клиента.
- Разработка четкой модели оценки риска того или иного клиента.

Процедуры, направленные на предотвращение использования кредитных организаций в целях отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма, должны храниться в доступном каждому работнику месте. Данные процедуры должны своевременно обновляться. Также кредитным организациям необходимо своевременно проводить обучение и аттестацию персонала. Следует также отметить, что данные, документы на того или иного клиента должны находиться в одном определенном месте, куда также каждый сотрудник должен иметь доступ.

В заключение следует отметить, что кредитные организации являются важной линией защиты того или иного государства от возникновения риска отмывания денежных средств. События последних трех лет в Эстонии и Латвии четко указывают на необходимость создания единых процедур, направленных на предотвращение использования кредитных организаций в целях отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма.

Ссылки

- ¹ Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) // <https://www.unodc.org/unodc/en/money-laundering/globalization.html> (дата обращения 20.04.2019).
- ² Закон об отмывании денег и противодействии терроризму (RT I, 17.11.2017, 2).
- ³ Ковалева С.Е. Совершенствование управления рисками кредитных организаций в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // http://old.fa.ru/dep/ods/autorefs/Documents/2013_11 (дата обращения 15.04.2019). С. 11-12.
- ⁴ The Financial Action Task Force (2018). International standards on combating money laundering and the financing of terrorism & proliferation. The 40 FATF Recommendations // <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF%20Recommendations%202012.pdf> (дата обращения 20.04.2019). P. 6-7.
- ⁵ Finantsinspektsio oni jārelvalvepoliitika rahapesu ja terrorismi rakastamise tõkestamisel // <https://www.fi.ee/sites/default/files/2018-11/>

- Finantsinspeksiooni_poliitikadokument.pdf (дата обращения 20.09.2019). P. 7-8.
- ⁶ Rahapesu andmebüroo soovitud protseduureeglite ja sisekontrollieeskirja koostamiseks // <https://www2.politsei.ee/dotAsset/808007.pdf> (дата обращения 20.09.2019).
- ⁷ The Financial Action Task Force (2018). International standards on combating money laundering and the financing of terrorism & proliferation. The 40 FATF Recommendations // <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF%20Recommendations%202012.pdf> (дата обращения 20.04.2019).
- ⁸ Закон об отмывании денег и противодействии терроризму (RT I, 17.11.2017, 2).
- ⁹ 5th Edition Study Guide for the CAMS Certification Examination // http://files.acams.org/pdfs/docs/5th_Edition_Study_Guide__Russian_.pdf?_ga=2.238664448.1871693812.1555794989-1485676351.1555000798 (дата обращения 20.09.2019). P. 117.
- ¹⁰ Lõplikud suunised // https://www.fi.ee/sites/default/files/2018-08/pp_nr_10_Guidelines_on_Risk_Factors_ET_04-01-2018.pdf (дата обращения 18.04.2019). P. 6-15.
- ¹¹ Закон об отмывании денег и противодействии терроризму (RT I, 17.11.2017, 2).
- ¹² Ковалева С.Е. Совершенствование управления рисками кредитных организаций в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // http://old.fa.ru/dep/ods/autorefs/Documents/2013_11/ (дата обращения 15.04.2019).
- ¹³ 5th Edition Study Guide for the CAMS Certification Examination // http://files.acams.org/pdfs/docs/5th_Edition_Study_Guide__Russian_.pdf. P. 167.
- ¹⁴ Палумаа А. Цели и методы применения превентивных мер по противодействию отмывания денежных средств и финансирования терроризма в кредитных и финансовых учреждениях Эстонии // доклад Эстонской Финансовой Инспекции, Таллинн, 2019. С. 6.

Anotācija

Rakstā analizēts noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas novēršanai un terorisma finansēšanas nepieļaušanai paredzētais normatīvais regulējums. Starptautiskās konvencijas un atbilstoši nacionālie likumi nosaka finanšu iestādēm pienākumu un dod rekomendācijas noziedzīgi iegūtu līdzekļu aprites nepieļaušanai. Šie pasākumi ir nepieciešami, lai novērstu šādu līdzekļu izmantošanu organizētās noziedzības un teroristisku aktu finansēšanai, tāpēc finanšu iestādēm ir jābūt gatavām aktīvi rīkoties. Vienlaikus procedūrām ir jābūt vienotām atbilstošajā tiesiskajā telpā un jābūt legālai sistēmai, kas garantē, ka procedūru neievērošana izraisīs visnopietnākās juridiskās sekas.

**Baltijas Starptautiskās akadēmijas un Rēzeknes
Tehnoloģiju akadēmijas zinātniski teorētiskā žurnāla
“Administratīvā un Kriminālā Justīcija”
iesniegto rakstu noformēšanas noteikumi
(vadlīnijas rakstu autoriem)**

1. Raksti, kurus iesniedz publicēšanai zinātniski teorētiskajam žurnālam “Administratīvā un Kriminālā Justīcija”, ir **problēmorientēti un satur zinātniskās pētniecības vai zinātniskās jaunrades elementu**, proti, tie risina kādu tiesību zinātnes problēmjautājumu un satur zinātniska rakstura novitāti. Iesniegtajam rakstam jābūt **oriģinālam**, t.i., tas nedrīkst būt iepriekš publicēts vai iesniegts publicēšanai citos zinātniskajos izdevumos. Raksts tiks anonīmi recenzēts. Recenzenti izvērtēs raksta satura atbilstību pētnītajai tēmai, teksta zinātnisko kvalitāti un novitāti. Ja rakstu iesniedz studējošais, tas jāiesniedz kopā ar zinātniskā vadītāja recenziju.

2. Rakstu var iesniegt latviešu, angļu, vācu vai krievu valodā.

3. Iesniegtā raksta apjomam vajadzētu būt **ne mazākam par 0,5 autorloksnēm** (20 000 rakstu zīmes, ieskaitot atstarpes) un nevajadzētu pārsniegt **1 autorloksni** (40 000 rakstu zīmes, ieskaitot atstarpes).

Tekstam ir jābūt *Microsoft Word* formātā. Lapas izmērs – A4.

Lapas malas: kreisā mala – 2,5 cm, labā mala – 2 cm, augšējā un apakšējā mala – 2 cm.

Izmantojamais fonts – Times New Roman.

Starprindu intervāls – *Single*.

Atkāpe rindkopas sākumā (*Tab*) – 0.5 cm.

Atstarpes starp vārdiem un pēc pieturzīmēm liekamas tikai vienu reizi katrā gadījumā. Izņēmums – pēdiņas un iekavas, kur iekšpusē, tās atverot, kā arī abpus defisēm atstarpes nav jāliek.

4. Rakstā iekļaujamās sastāvdaļas:

- **raksta nosaukums** – burtu izmērs 14 pt, Caps Lock, **Bold**, centrēts. Raksta nosaukumam jābūt latviešu, angļu un krievu valodā;

- **ziņas par autoru (-iem):**

a) zinātniskais grāds, akadēmiskais amats un profesionālā kvalifikācija – burtu izmērs 12 pt, *Italic*, izlīdzināts lapas kreisajā malā;

b) autora vārds, uzvārds – burtu izmērs 12 pt, *Italic*, **Bold**, izlīdzināts lapas kreisajā malā;

c) pārstāvētā institūcija un ieņemamais amats, studējošiem – augstskola, kuru pārstāv, studiju programmas nosaukums – burtu izmērs 12 pt, *Italic*, izlīdzināts lapas kreisajā malā;

d) autora kontaktinformācija – tālrunis un e-pasta adrese.

- **anotācija angļu valodā**

Anotācijā jānorāda raksta mērķis, jāformulē pētījuma problēma, jāparāda novitāte un jāsniedz galvenie secinājumi. Anotācijas apjomam jābūt vismaz 1000 rakstu zīmes (ieskaitot atstarpes) – (12 pt, Regular, Justify) zem virsraksta **Abstract** (12 pt, **Bold**, centrēts)

- **5 – 6 atslēgvārdi** angļu valodā (12 pt, Regular, Left) aiz nosaukuma **Keywords:** (12 pt, **Bold**, Align Left).

- **raksta pamatteksts** – raksta ievaddaļā norāda pētāmās juridiskās problēmas aktualitāti, raksta mērķi, uzdevumus, kā arī norāda izmantotās izpētes metodes; raksta nodaļas satur skaidru un loģisku, argumentētu satura izklāstu; secinājumu daļā skaidri formulē pētījuma galvenos rezultātus, secinājumus, priekšlikumus. – burtu izmērs 12 pt, Regular, Justify.

Nodaļu nosaukumiem (jā tādi ir) jābūt 12 pt, **Bold**, centrētiem.

Ja kādu teksta daļu vēlas izcelt, jāizmanto **Bold** vai *Italic*.

Visi zīmējumi, tabulas un citi netekstuālie objekti ir jāievieto *TextBox*. Tie ir jānumurē un jānorāda to nosaukumi – burtu izmērs 12 pt, *Italic*, **Bold**. Publicējamās tabulas, shēmas vai diagrammas jā sagatavo tā, lai melnbaltajā variantā atšķirtos stabiņi, sektori un

līnijas un tie būtu saprotami lasītājam.

Starp jebkurām divām raksta sastāvdaļām ir jābūt vienas rindas atstarpei;

- **atsauces** – jānumurē automātiski un jāievieto pēc raksta pamatteksta – 10 pt, Regular, Justify zem virsraksta **Atsauces** – 14pt, **Bold**, centrēts;

- **anotācijas**: viena – obligāti angļu valodā (**ievietota pirms pamatteksta**), otrā – atšķirīgā no raksta pamatteksta valodā (latviešu, krievu, vācu). Ja raksts nav latviešu valodā, tad anotācijām jābūt angļu un latviešu valodā. Anotācijā jānorāda raksta mērķis, jāformulē pētījuma problēma, jāparāda novitāte un jāsniedz galvenie secinājumi. Anotācijas apjomam jābūt vismaz 1000 rakstu zīmes (ieskaitot atstarpes) – 12 pt, Regular, Justify zem virsraksta **Anotācija, Аннотация vai Annotation** (attiecīgajā valodā) – 14pt, **Bold**, centrēts.

5. Raksts iesniedzams elektroniskā formātā, to ievietojot žurnāla elektroniskās publicēšanas vietnē, veicot reģistrēšanos sadaļā informācija autoriem:

<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/information/authors>

<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/about/submissions#onlineSubmissions>

Ja nepieciešams tehniskais atbalsts saistībā ar raksta ievietošanu, lūdzam sazināties:

Gundega Bēriņa

Atbrīvošanas aleja 115, Rēzekne, LV 4601, Latvija

Tālrunis nr.: + 371 29225497

E-pasts: gundega.berina@rta.lv

**Baltic International Academy and Rezekne Academy
of Technologies Scientific-Theoretical Journal
“Administrative and Criminal Justice” Submission of
Manuscripts**

Instructions for Authors

1. Papers that are submitted for publication to the scientific-theoretical journal *Administrative and Criminal Justice* **must be problem-oriented and must contain an element of scientific research or scientific creativity**. Papers must address problematic issues in legal issues. They also should represent scientific novelty. Papers must be **original**, namely, they could not be previously published or be under review at any other scientific journal. Papers are blindly peer reviewed. Reviewers are asked to comment on correspondence between the content of the paper and the researched subject as well as scientific quality and novelty of the paper. If a paper is submitted by a student, it must be accompanied by comments of the student's scientific advisor.

2. The Journal accepts papers in the following languages – Latvian, English, German or Russian.

3. The length of a submitted paper must be between 20,000 and 40,000 characters including spaces. It must be written in Times New Roman and must be saved as a *Microsoft Word* document. The page size must be A4. Page margins must be as follows: the left margin must be 2,5cm, right margin 2cm, top and bottom margins 2cm each. All text must be single spaced. Paragraph indent (*Tab*) must be 0.5 cm. Authors must use a single space between words and after punctuation marks, the exception being quotation marks and parentheses which do not require single spacing.

4. A submitted paper must contain:

- **The paper title**, written in Times New Roman 14 points, Caps

Lock, **Bold**, Centred, must be translated into the languages in which the abstracts were written.

- **Information about the author/s:**

- a) The scientific, academic or professional degree must be written in Times New Roman 12 points, *Italic*, aligned to the left margin of the page.
- b) The author's first name and surname must be written in Times New Roman 12 points, *Italic*, **Bold**, aligned to the left margin of the page.
- c) The author's affiliation and academic/professional post, the higher education institution and academic/professional program in which a student is enrolled must be written in Times New Roman 12 points, *Italic*, aligned to the left margin of the page.
- d) The author must include his/her contact information, which should be either a telephone number or e-mail address

- **Abstract** in English. Abstracts must contain the aim of the paper, research question/s, research novelty and main conclusions. Abstracts must be 1000 characters in length, including spaces. They must be written in Times New Roman 12 points, Regular, Justify below the **Abstract** title (in a relevant language) – 14 points, **Bold**, centred.

- **Keywords:** 5 to 6 words characterizing ideas and topics of paper.

- **The body of the paper.** The introduction of a submitted paper must contain information on the following issues: topicality of the researched legal issue, aim, objectives as well as research methods. Sections of the paper should contain clear and logical paper outline, based on arguments. The conclusion section should clearly state the main research results, conclusions and suggestions/proposals. The font size of sections must be 12 points, Regular, Justify.

Section titles, if at all, must be written in font size 12 points, **Bold**, Centered.

If any part of a submitted paper needs an emphasis, it should be delivered by using **Bold** or *Italic*.

All figures, tables and other non-textual objects must be placed into *TextBox*. They must be enumerated and entitled with the font

size 12 points, *Italic*, **Bold**. Published tables, figures and diagrams should be designed in such a way that the white and black version can differentiate between columns, sectors and lines, thus, facilitating readers' comprehension of the presented information.

Any two sections of a submitted paper must be separated by one row space.

- **References** must be enumerated automatically and must be placed at the end of the body of the paper. They must be written in Times New Roman 10 points, Regular, Justify below the *References* title, using 14 points, **Bold**, centred.

- **Second Abstract**: – in different language from used for submitted paper (Latvian, Russian, German). If paper hasn't written in Latvian then **Abstract** should be in English and Latvian.

Abstract must contain the aim of the paper, research question/s, research novelty and main conclusions. Abstracts must be 1000 characters in length, including spaces. They must be written in Times New Roman 12 points, Regular, Justify below the **Abstract** title (in a relevant language) – 14 points, **Bold**, centred.

5. Papers must be submitted electronically, by posting them on website after registration:

<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/information/authors>

<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/about/submissions#onlineSubmissions>

If technical support is needed with regards to posting papers on website please contact:

Gundega Bēriņa

Atbrīvošanas aleja 115, Rēzekne, LV 4601, Latvija

Tālrunis nr.: + 371 29225497

E-pasts: gundega.berina@rta.lv

Правила оформления статей научно-теоретического журнала Балтийской Международной академии и Резекненской Технологической академии „Administratīvā un Kriminālā Justīcija”

1. Статьи, представленные для публикации в научно-теоретическом журнале „Administratīvā un Kriminālā Justīcija” („Administrative and Criminal Justice”), являются **проблемно-ориентированными и содержат научные исследования или творческий элемент**, то есть решают научные проблемы правопведения и содержат научную новизну. Представленные статьи должны быть оригинальными, то есть не должны быть ранее опубликованы или представлены для публикации в других научных изданиях. Рецензирование осуществляется анонимно двумя рецензентами. Рецензенты оценивают соответствие содержания статьи заявленной теме, научное качество и новизну. Если статью представляет магистрант или докторант, то необходимо представить также рецензию научного руководителя.

2. Статьи могут быть представлены на латышском, английском, немецком или русском языках.

3. Объем представленной статьи должен быть **не менее 0,5 авторского листа** (20 000 знаков, включая пробелы) и не должен превышать **1 авторский лист** (40 000 знаков, включая пробелы).

Текст должен быть в формате Microsoft Word. Размер страницы – А4.

Поля страницы: левое – 2,5 см, правое – 2 см, верхнее и нижнее – 2 см.

Основной шрифт – Times New Roman.

Междустрочный интервал – одинарный (*Single*).

Красная строка в начале абзаца (*Tab*) – 0.5 см.

Пробелы между словами и после знаков препинания ставятся только один раз в каждом конкретном случае.

4. Основные данные о статье:

- **название статьи** – размер шрифта 14 пт, Caps Lock, полужирный шрифт (**Bold**). Название статьи должно быть на английском, русском, латышском языках;

- **сведения об авторе (-ах)** не менее, чем на двух языках, один из которых – обязательно английский:

а) ученая степень – размер шрифта 12 пт, курсив (*Italic*), выравнивание по левой стороне;

б) имя, фамилия автора – размер шрифта 12 пт, курсив (*Italic*), полужирный шрифт (**Bold**), выравнивание по левой стороне;

в) представляемое место работы и занимаемая должность, для магистрантов и докторантов – вуз и название учебной программы – размер шрифта 12 пт, курсив (*Italic*), выравнивание по левой стороне;

г) контактные данные автора (-ов) – номер телефона и адрес электронной почты.

- **аннотации** – на двух языках, один из которых – обязательно английский, второй – в зависимости от языка основного текста статьи (латышский, русский, немецкий). Если основной текст статьи **не на** латышском языке, то аннотации должны быть на английском и латышском языках.

В аннотации необходимо указать цель статьи, сформулировать исследуемую проблему, продемонстрировать новизну и представить основные выводы. Объем аннотации должен составлять 1000 знаков (включая пробелы) – 12 пт, выравнивание по ширине (Justify) под заголовком на соответствующем языке (**Anotācija, Abstract, Annotation** или **Аннотация**) – 14 пт, полужирный шрифт (**Bold**), выравнивание по центру.

- **5 – 6 ключевых слов на английском языке.**

Основной текст статьи должен включать вводную и описательную часть:

- **во вводной части статьи** следует обосновать актуальность изучаемой юридической проблемы, указать цели и задачи статьи, объект исследования, а также использованные методы исследования;

- **описательная часть статьи (разделы статьи)** содержит четкое и логичное, аргументированное изложение содержания статьи.

Названия разделов статьи (если таковые имеются) должны быть 12 пт, полужирный шрифт (**Bold**), выравнивание по центру.

Заключительная часть статьи четко формулирует основные результаты исследования, выводы, предложения – размер шрифта 12 пт, выравнивание текста по ширине (Justify).

Чтобы выделить часть текста, используйте полужирный шрифт (**Bold**) или курсив (*Italic*).

Все рисунки, таблицы и другие нетекстовые объекты помещаются в *TextBox*. Их необходимо пронумеровать и указать названия – размер шрифта 12 пт, курсив (*Italic*), полужирный шрифт (**Bold**). Публикуемые таблицы, графики, диаграммы необходимо подготовить таким образом, чтобы в черно-белом варианте столбцы, сектора и линии различались и были бы понятны читателю.

Между любыми двумя составными частями статьи должен быть интервал – 1 строка.

Сноски нумеруются **автоматически** (концевые автоматические сноски) и помещаются после основного текста статьи – 10 пт, выравнивание по ширине (Justify) под заголовком **Сноски** – 14 пт, полужирный шрифт (**Bold**), выравнивание по центру.

5. Статью следует представить в электронном виде, разместив на электронном сайте журнала и осуществив регистрацию в разделе „Информация для авторов”:
<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/information/authors>
<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/about/submissions#onlineSubmissions>

Если необходима техническая поддержка, просим обращаться:

Гундега Бериня (*Gundega Bēriņa*):

gundega.berina@rta.lv

Atrīvošanas aleja 115, Rēzekne, LV 4601, Latvija

Tālrunis nr.: + 371 29225497